

Книга I

СИРИУС

легенда

• Андрей Макс •

Андрей Макс

Сириус. Легенда

«Автор»

2026

Макс А.

Сириус. Легенда / А. Макс — «Автор», 2026

Мир, переживший катастрофу. Община, спрятавшаяся за неприступными скалами. И мальчик из Серого Леса, который мечтает о невозможном: стать одним из ее защитников — тех, кто владеет силой, способной сдвигать горы и управлять стихиями. Он физически слаб, безумно упрям и не создан для этого пути. Но он готов трудиться до изнеможения, лишь бы доказать: даже «неодаренный» может стать героем. В то же время над Островом сгущаются тучи древнего зла, и даже великие защитники не уверены, смогут ли они отстоять все, что создавали на протяжении всей своей жизни. Психологическая, философская драма в декорациях фэнтези. Это история о братстве, которое крепче крови, о взрослении, выстраданном в испытаниях жизни, и о мечте, которая дороже жизни.

© Макс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Сотвори себе кумира	7
Глава 1. Остров Звездного Света	7
Глава 2. Великое Древо	15
Глава 3. Первое Испытание	17
Глава 4. Сила мечты	51
Глава 5. Последний лист	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сириус. Легенда

Пролог

Далекое — очень далекое — будущее

В стороне от грохота битвы, на иссушенной полосе земли между багровыми скалами, стояли двое.

— Я хочу того же, что и ты — мира без боли и страданий. Вместе мы возродим тот идеальный мир, в котором ты родился, и даже сделаем его лучше. Они же — привели свои армии не за этим. Все, чего хотят элиты, — это сохранить власть, чтобы и дальше пить кровь народа. И им плевать на тех, кто сейчас умирает вместо них...

Голос Сайруса был спокоен, но в нем звучал зов пророка, которому было трудно не поддаться. Но Сириус молчал. Не раз он был свидетелем того, как с помощью логики люди мешали истину с грязью. Не раз сам плел тонкие нити рассуждений, сплетая их в сложный узор, где то, что казалось злом, становилось благом. Именно такими суждениями, словно ядом, и опутывал его сейчас Сайрус. Ирония заключалась в том, что яд этот был соблазнительно желанным.

— Позволить уничтожить миллионы, чтобы стать для оставшихся богом... — наконец выдохнул он, глядя куда-то за горизонт.

— Это общество уже мертво, — ответил Сайрус, как неотвратимый приговор. — Ты знаешь это не хуже меня. Если мы уступим, они вернутся на свои земли и продолжат сеять тьму. А это значит, что время спустя их потомки снова окажутся здесь. Это вечный уроборос¹, пожирающий себя из века в век.

Сайрус перевел взгляд на поле битвы, где армии, словно тяжелые грозовые тучи, сталкивались в беспощадной брани. Пыль, поднятая тысячами ног, застилала солнце, окрашивая мир в оттенки ржавчины и свежей крови, а воздух гудел от далеких криков и звона стали. В его взгляде не было ни жалости, ни сомнений — лишь непоколебимая воля переломить ход вещей.

— Я понимаю, ты думаешь о тех немногих, кто не заслужил этой участи, — продолжил Сайрус. — Но, выбрав меньшее из зол, ты не изменишь их судьбы. Ты всего лишь подаришь им еще сотни лет мучительной агонии. Однако сейчас только мы с тобой — единственные, кто может навсегда вычеркнуть этот порочный круг из истории. Так дадим же человечеству шанс — шанс на новое начало.

Сириус поднял глаза к небу, и сквозь клубящуюся багровую мглу проступили образы детства: ясное небо, добрые лица, чистые сердца — идеальный мир, в котором каждый был друг другу, как семья. Не будь этих воспоминаний, он отбросил бы всякую мораль и оставил бы лишь голое знание: род людской — лишь неудачный эксперимент природы, положить конец которому, возможно, есть величайшее благо.

Нет, это знание не было порождением мрачной фантазии или кровожадной натуры. Оно пришло с годами. Десятилетиями Сириус наблюдал, как человечество собственными руками разрушает все прекрасное ради выгоды, прячась за словами о добре. А ведь он знал. Знал, что людям не раз давался шанс начать все с чистого листа. Но каждый раз, отвергая уроки прошлого, они вновь возвращались к тем же порокам, пока сам воздух не пропитывался ими и зло не обретало форму, уничтожающую все без разбора.

— Пресечь зло, окончательно и бесповоротно — разве это не благородная цель? Разве не этому ты посвятил всю свою жизнь? — в голосе Сайруса послышалось напускное сомнение. И тут же — осуждение. — Но вместо этого ты встал рядом с ним. Жертва, сопровождающая

---

¹ Уроборос — древний символ в виде змеи или дракона, кусающего собственный хвост. Олицетворяет круговорот жизни и смерти, бесконечность, замкнутый цикл и вечное возвращение.

маньяков. Святой, по своей воле примкнувший к отродью тьмы. Ты десятилетиями рубишь головы сорнякам, но разве вырвал хоть один корень?.. Я повторю: здесь и сейчас мы можем изменить все. И для этого нам с тобой не нужно ни сражаться, ни проливать кровь. Нужно просто ждать... и *ничего не делать*.

Сайрус умолк. Взгляд его стал мрачным, словно в нем проснулась давняя, но незабвенная боль.

— Прими это, брат, — чуть тише добавил он, сжимая рукоять меча. — Ведь мы не должны им ничего. Тем, кто отнял у нас все. Все, что мы когда-то любили. Так позволь же им пожать плоды своих деяний. Погибнуть, не зная пощады, как они не знали ее к нам!

Сайрус замолчал; теперь только его взгляд, твердый как камень, ждал ответа. Он не торопил — время было на его стороне. Сириус же закрыл глаза, словно пытаясь отгородиться от всего. Ему и раньше приходилось биться с собственным существом, но никогда — так остро. В памяти всплыли клятвы, наставники, их подвиги, что жили в нем, словно кровь. И теперь ему, давшему клятву нести свет в мир, предлагают прежде погрузить его во тьму — ради чистоты возрождения.

Но с другой стороны... Разве не эти люди обратили его жизнь в руины? Разве не они разожгли в нем ярость, которая теперь отзывалась эхом в словах Сайруса? Разве не они, схватив его за горло, швырнули в реку борьбы, в которой он должен был делать единственное — выживать?

Он имел право ненавидеть их за это. И он ненавидел. И все же...

Когда-то Луксор рассказывал легенду: звезда Сириус, увидев несовершенство людей, стерла их с лица земли. И теперь ему — человеку, нарекшему себя ее именем — предстояло решить: повторить ли путь небесной кары и положить конец порочному циклу хаоса, или остаться в нем, чтобы и дальше наблюдать, как все его усилия обречены на провал.

Чувствуя, как горечь и сомнения сотрясают его тело и разум, он снова и снова задавал себе один-единственный вопрос:

Есть ли хоть *одна* причина спасти этот мир?

Часть 1. Сотвори себе кумира

Глава 1. Остров Звездного Света

Ночная тьма уже сгущалась. Словно тая, солнечный диск медленно отступал за морской горизонт.

На мраморном возвышении, скрестив руки на груди, стоял высокий мужчина с крепким телосложением и гладкой, без единого волоска, головой. Лицо его было спокойным и сдержанным — и все же внимательный взгляд различил бы едва уловимую печать тревоги, залегшую в уголках темно-гранатовых глаз — глаз, чуть более ярких, чем у обычных людей, словно в их глубине горел крошечный огонек внутреннего пламени. Взглядом, полным ожидания, он всматривался в тропинку, поглощаемую сумерками, время от времени поднимая глаза на россыпь огненных узоров у самого горизонта.

— Доброго вечера, *брат* Луксор, — раздался позади мягкий голос с легкой искрой. — Занятия давно окончены, но тебе, как обычно, даже ночь не указ.

Луксор не обернулся, но уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. К нему легким и уверенным шагом приближался мужчина чуть старше тридцати пяти, что делало его почти на десятилетие моложе Луксора. Однако выглядел он еще моложе: возможно, секрет крылся в блеске ярко-голубых глаз и мягкой, чуть хитроватой улыбке. А может — в той особой красоте, которая могла расположить к себе почти любого.

Когда незнакомец встал рядом, контраст между двумя мужчинами стал очевиден. И причина была не только в иссиня-черных волосах, спадавших на плечи. В отличие от массивного и мощного Луксора, он казался более стройным. Однако разница в телосложении его нисколько не смущала. Напротив, в облике гостя чувствовалась спокойная невозмутимость льва, которому нет нужды доказывать свою силу.

Одет он был почти так же, как Луксор: бурые штаны, белая рубаша и длинный плащ нараспашку. Отличие заключалось лишь в том, что цвет его плаща был небесно-голубым, тогда как у Луксора — белым и без рукавов. Талии обоих украшали широкие кушаки² — символ их ремесла и долга, концы которых почти касались колен.

— Доброго... *брат* Кристиан, — негромко отозвался Луксор спокойным, приятным голосом, не сводя взгляда с тропинки. — Один из учеников все еще не вернулся.

Кристиан сложил руки за спиной и устремил взгляд к горизонту, за которым почти скрылось солнце, оставив лишь узкий, раскаленный край. Поджав губы, он молча выразил сочувствие тому, о ком шла речь.

— Значит, все по-прежнему, — сказал он, и тут же с горькой иронией добавил: — Хотя, возможно, это даже на руку нашему «плану».

Луксор бросил на товарища косой хмурый взгляд. Кристиан примирительно улыбнулся, а после короткой паузы, уже серьезнее, произнес:

— Но нельзя не признать: этот мальчик заслуживает уважения. Сколько бы мы ни старались, он остался верен себе и уже вплотную приблизился к финалу. Жаль лишь, что природа не наделила его телом под стать его упорству. Будь иначе... уверен, из него вышел бы достойный Защитник.

Взгляд Луксора стал задумчивым, обращенным внутрь себя.

---

² Пояс из широкого и длинного куска ткани.

— Линии судьбы редко складываются в красивый узор, — заговорил он, словно размышляя вслух. — Чаще они запутываются, словно нити в руках неопытного ткача, и образуют странные, порой трагичные картины, смысл которых становится ясен лишь годы спустя. — Он замолчал, отпуская мысли в темноту, а затем с легким недоумением добавил: — И все же я до сих пор не могу понять... Как он смог успеть? Я видел его незадолго до окончания первого Испытания. Пусть в глазах по-прежнему горела безумная решимость, но я знал: он не успеет. Его раны были слишком серьезны, а путь — слишком долг.

— Но он все же успел, — тихо произнес Кристиан, будто продолжая за товарищем очевидную мысль. Луксор кивнул:

— И это остается для меня самой большой загадкой.

Кристиан слегка повернул к собеседнику голову, будто собираясь что-то добавить, но, передумав, вновь устремил взгляд к первым просыпающимся звездам, пробивавшимся сквозь густеющую синеву.

— В любом случае, — прервал молчание Луксор, — это его последний рывок. Второе Испытание уже совсем близко. И на сей раз ему ни за что не справиться.

Кристиан усмехнулся, но в его голосе не было насмешки — лишь задумчивая теплота:

— Кто знает... возможно, он удивит нас снова. После того раза даже я на мгновение поверил, что его судьба связана именно с Пределом.

Луксор не ответил. Долго и пристально он всматривался в тропу, целиком поглощенную мраком, и лишь спустя время едва слышно признался:

— Я тоже.

Вскоре последние краски дня окончательно угасли. Свет поглотила тьма, и густые тени обьяли землю. Ночь медленно, но уверенно набирала силу.

И вдруг — словно сами небеса решили вмешаться — одна из звезд вспыхнула ярче других. Следом, на вершине высокой скалы позади двух мужчин, зажегся яркий свет, озарив на мгновение все вокруг. Еще миг — и серебристо-аметистовые волны, искрящиеся, будто россыпь драгоценных камней, лениво и широко разлились по небосводу, окутывая остров мягким призрачным сиянием.

— Вот бы все человеческие страдания уходили так же легко, как тьма перед этим сиянием, — произнес Кристиан, не сводя глаз с завораживающего зрелища. — А пока... доброй ночи. Тебе и мальчику.

Взгляды двух друзей встретились, полные особой братской связи, и уже спустя минуту Кристиан, издав легкий шелест краем плаща, растворился в полумраке колонн учебного комплекса. Луксор, оставшись один, зажег большую жаровню рядом с собой и продолжил всматриваться вдаль, пока в сотне шагов не заметил одинокую фигуру, медленно выступающую из сумерек.

Мальчик, не старше одиннадцати лет, едва переставлял ноги. Но шаг за шагом он упрямо двигался вперед — и лишь у финишной черты, где свет жаровни уже касался его ног, позволил себе остановиться.

Упасть ему не позволили руки Луксора, подхватившие его у самой земли. В это мгновение мужчина был похож на живой факел в ночи, полыхая ярким, насыщенным бордовым светом. Опустившись на одно колено, он бережно уложил ученика на траву, и пламя, еще мгновение извиваясь в воздухе, медленно угасло, оставив после себя лишь едва ощутимое тепло.

Даже без сознания мальчик продолжал жадно глотать ртом воздух — словно все еще бежал свой многострадальный путь. На тунике виднелись следы грязи, а сама ткань была насквозь промокшей от пота, который стекал по алому от жара лицу. Без труда подняв худое тело на руки, Луксор зашагал в обратном направлении.

***

«Остров Звездного Света». Для тех, кто жил на нем, он был просто «Остров» — любимый и родной. Но для случайного путника, если бы такой вдруг добрался до этих берегов, он показался бы уединенным райским уголком, затерянным в безбрежном океане. По форме он напоминал запятую с вытянутым хвостом — причудливый росчерк пера на синей глади вод. Со всех сторон его окаймлял «Венец Масона» — зубчатые скалы, вздымающиеся прямо из океанской пучины. Словно огромные клыки, они сжимали остров в сторожевом объятии, изолируя его от всего остального мира, но вместе с тем превращая его в целостную, законченную вселенную, не похожую ни на что иное.

Несмотря на небольшой размер, на острове уживались все лики земной красоты: от покрытых вечным льдом скал, усыпанных цветами холмов и равнин, извилистых рек и таинственных лесов до изъеденных ветрами каньонов и обжигающей, бесплодной пустыни.

В центральной части острова, ближе к ласковому южному побережью, местные жители возвели город, напоминающий с высоты восьмиконечную звезду. Вокруг него простирались плодородные поля, фруктовые сады и сочные пастбища, а немного южнее — живописная бухта с лагуной, золотистым песчаным пляжем и причалами для лодок, вдававшимися в бирюзовую гладь океана.

На востоке возвышался древний, давно уснувший вулкан. На одном из его склонов, обращенном к городу, располагался целый комплекс изящных зданий, известный под общим названием «Дом исцеления», созданный для того, чтобы каждый житель мог найти в нем поддержку не только для физических недугов, но и для духовного здоровья — о чем знали все, кто хоть раз переступал его порог.

Но подлинной жемчужиной острова был Предел — творение, по праву считающееся одним из величайших когда-либо созданных человеческими руками. Он располагался на севере, в двух десятках километров от города, где начиналась цепь коричнево-оранжевых

скал. Преддверием их выступала монолитная громада, вздымающаяся на сотни метров ввысь. Именно в ее недрах, словно в драгоценной оправе, и было вырезано грандиозное архитектурное сооружение, именуемое жителями острова Пределом.

Запад же венчало прямоугольное плато — сердце воспитания и знаний. Там, среди садов и мраморных дорожек, раскинулся «Арете³» — ансамбль школ, библиотек, учебных залов и спортивных площадок. Весь периметр плато был опоясан белоснежными параллельными колоннадами, которые сходились к величественному парадному крыльцу с широкими ступенями. Именно по этим ступеням сейчас и спускался Луксор с учеником на руках.

***

— Как себя чувствуешь? — спросил наставник, когда мальчик медленно приоткрыл глаза.

— М-м-м, — еле слышно выдохнул тот, пытаясь сосредоточиться.

— Будем считать, что это «почти живой», — усмехнулся Луксор. Мальчик попытался ответить улыбкой, но тут же его лицо исказила гримаса боли. Мужчина, наблюдая за ним, продолжил уже серьезнее: — Тренировочная программа составлена таким образом, чтобы у учеников было достаточно времени на отдых. Но ты восстанавливаешься гораздо медленнее других. Как думаешь, почему?

— Потому что я слабый, — не задумываясь отозвался ученик, словно этот ответ был высечен в его сознании задолго до вопроса.

Наставник отрицательно покачал головой:

— Мы уже обсуждали это. Дело не в слабости. Дело в том, что ты умудряешься тренироваться даже тогда, когда остальные спят, едят или хотя бы делают вид, что думают о чем-то другом.

Мальчик промолчал, сжимая губы. Внутри все ныло от усталости, но упрямство оказалось сильнее:

— Если я не буду тренироваться... тогда стану еще слабее...

— Неисправим, — вздохнул Луксор, качая головой. — Надеюсь, ты хотя бы держишь слово и не пытаешься проявить Энергию в одиночку.

Молчание прозвучало громче любого признания. Луксор сузил глаза и взглянул на ученика так, что тот сжался с виноватой улыбкой, словно ребенок, пойманный за исписанной стеной с карандашом в руках.

— Вот поэтому ты и пришел к финишу на целый час позже остальных, — тверже произнес наставник. — Конечно, ведь у тебя нет сил! А откуда им взяться, если ты изо дня в день изнуряешь себя до последней капли?

Мальчик прикусил губу, опуская взгляд. В его больших тепло-карих глазах плескалась тихая буря — не из-за строгих слов наставника, а из-за глубокой обиды на себя.

— Я всегда последний... — вырвалось у него едва слышно. — Как бы ни старался — все без толку. Никто, кроме меня, не тратит столько усилий ради таких ничтожных результатов...

Он мог бы продолжить, но слова застряли в горле колючим комком. Губы задрожали, а из глаз, отражающих свет небесных волн, выступили слезы.

Луксор сжал челюсть и на мгновение прикрыл глаза. Когда он заговорил, в его голосе вновь прозвучала та спокойная мягкость и уверенность, которые невольно заставляли внимать каждому слову:

— Послушай. Слабых людей не бывает. Природа дает каждому свое. Посмотри на братьев наших меньших: воробей не соревнуется с ястребом в скорости, а волк не меряется силами с медведем. Но ты ведь не считаешь, что кто-то из них менее значим? Так и люди. Мы все

---

³ Аретэ — древнегреческое понятие, обозначающее «добродетель», «доблесть», «совершенство», «достоинство» или «превосходство» любого вида.

разные, и это не означает слабость. Если физические упражнения даются тебе с трудом, значит, твоя сила в чем-то другом. Возможно, именно в том, в чем остальные никогда не смогут с тобой сравниться...

Мальчик медленно поднял глаза на наставника. Его всегда поражала эта ясная, точная мудрость, в которой, казалось, не было ничего лишнего.

— ...И мы делаем все, чтобы помочь выявить и развить ваши таланты, — закончил Луксор.

— Да, я знаю, — выдохнул ученик. — Я все это знаю. Но... есть кое-что, что не вписывается в этот порядок.

— И что же? — приподнял бровь Луксор, и мальчик, потянувшись взглядом к небу, усыпанному мерцающими звездами, тихо, почти благоговейно произнес:

— Мечта...

При этом слове, обладающем для него какой-то магической силой, лицо его преобразилось, наполнившись детским восторгом. С каждым новым словом его воодушевление росло:

— Я хочу стать таким же, как члены Совета, Луксор: сильным и мудрым! Каждый день я представляю, как прохожу все Испытания, обретаю Энергию и приношу нашему Острову великую пользу! Но для этого такому, как я, нужно много трудиться. Вот почему я занимаюсь больше остальных.

Он говорил с таким трепетом, что грудь его тяжело вздымалась, будто сердце пыталось вырваться наружу — к этим звездам, к этой мечте, к этому невозможному будущему, которое он видел перед собой так ясно, словно оно уже свершилось. Однако неимоверная усталость, накатившая на него с новой силой, вместе с ритмичным покачиванием на руках и умиротворяющим течением света по небу заставили его голос ослабнуть, и он уже не столь уверенно, но с той же непоколебимой верой добавил:

— Я обязательно достигну этого... Я стану таким же, как вы...

На губах Луксора мелькнула улыбка — легкая и печальная, как свет заката, который знает, что за ним неизбежно наступит ночь.

— Я уже говорил тебе, — сказал он мягко, глядя перед собой. — Нет тех, кто «прошел» или «не прошел» Испытание. Они даны не для отбора, а для того, чтобы выявить скрытые таланты. Я понимаю, по какому пути тебе хочется идти, и на это скажу одно: с помощью упорного труда можно многого достичь. Но нельзя перегибать палку. Помни: у нее есть запас прочности, преодолев который, она *обязательно* треснет. Так и ты не должен переусердствовать, несмотря на то что Испытания для этого пути действительно очень требовательны, и поэтому подходят не для всех...

Луксор двигался по широкой, вымощенной камнем дороге, мягко освещенной светом небесных сияний. По обе стороны простирались луга, где волны цветов мерцали серебристо-аметистовыми отблесками, которые вскоре сменились полями со злаками, колыхавшимися от ночного ветра, словно живой океан.

Когда они достигли границ города, величественная мраморная арка встретила их теплым светом фонарей. Миновав широкий свод, Луксор оказался на пустой улице, где ставни мастерских уже были закрыты на ночь. Следуя мимо них, он добрался до центральной площади. Здесь его взгляд на миг задержался на символе Острова — большом фонтане в форме звезды, вода в котором, отражая сияние небес, казалась жидким светом. Его лучи служили ориентирами для восьми главных улиц города, и Луксор уверенно шагнул на ту, которая вела на восток.

Вскоре на них обрушилась целая буря запахов, разносившихся по всей жилой части города. Густые ароматы тушеных овощей, сладость свежего хлеба, терпкий привкус пряных трав — все это, достигнув мальчика, усилило его голод, заставив почувствовать себя еще более уставшим. Уткнувшись лицом в грудь Луксора, он не захотел смотреть ни на ярко освещен-

ные двухэтажные дома, откуда доносились радостные голоса и звон посуды, ни на приветливые жесты жителей, махавших им с балконов, откуда они любовались ночным небом.

Луксор отвечал вежливыми кивками, но не замедлял шага, продолжая путь к дому ученика. Однако он не остановился, даже когда за его спиной исчез последний дом. Вместо этого, миновав еще одну арку, он направился к холму, на вершине которого раскинулся Серый Лес.

Местные жители предполагали, что в те времена, когда вулкан еще дышал огнем, его лава выжгла корни деревьев в этом месте, оставив вместо живых стволов лишь пустые оболочки. Пепел же проник в листву так глубоко, что она навсегда утратила зелень, став пепельно-серой. Так, в окружении живого зеленого моря, возродившегося после того, как вулкан уснул, возник этот странный, мертвый остров из деревьев-мумий, который и получил название Серый Лес. Именно здесь, в стороне от всех, и поселились родители мальчика.

***

Оказавшись под кронами пепельных деревьев, Луксор, как всегда, ощутил двойственность этого места. С одной стороны, аметистовое сияние завораживающе играло на пепельных, никогда не опадающих листьях, превращая мертвый лес в призрачный чертог неземной красоты. Но с другой — чем дальше тянулась тропинка меж безжизненных стволов, тем отчетливее это очарование оборачивалось гнетущей, почти осязаемой тоской.

Едва оказавшись в Лесу, ученик инстинктивно сжался, будто пытаясь спрятаться от преследующего его кошмара. Луксор почувствовал это, но промолчал. Он знал: никакие слова не способны развеять тревогу, которая проникла в сердце мальчика, и поэтому с неохотой шел дальше.

Наконец перед ними возникла скала, почти вплотную к которой, на высоком фундаменте, стоял дом. Двухэтажное строение, выложенное из серого камня, казалось таким же безжизненным и пустым, как и окружающие его деревья. Остановившись у невысокой ограды, Луксор обвел взглядом двор. Ухоженность здесь была лишь видимостью: сорняки заполнили клумбы, неработающий фонтан зарос зеленью, а скамейка под окном явно нуждалась в реставрации.

— Вот мы и пришли, — тихо сообщил наставник.

Мальчик pokrивил губами и позволил поставить себя на землю. Он был так слаб, что только ограда, за которую он ухватился двумя руками, помогла ему устоять на ногах. Затем его взгляд, полный нескрываемой неприязни, остановился на доме. В отличие от других жилищ, отсюда не доносилось ни смеха, ни запаха хлеба, ни теплого света из окон — дом казался холодным и покинутым. Луксор знал, что мальчику не хотелось возвращаться сюда, и именно поэтому всю дорогу он шел неторопливым, почти прогулочным шагом.

— Ну что ж, — с натянутой улыбкой произнес наставник, стараясь звучать бодро. — Теперь тебе остается лишь поужинать и лечь отдыхать.

Ученик удрученно вздохнул.

— Спасибо... И прости, что заставил тебя тащить меня всю дорогу. Ты Защитник, и нянчиться с таким слабаком в твои обязанности точно не входит...

— Прекрати, — спокойно прервал Луксор. — Главное, о чем ты должен помнить: завтра выходной. А это значит: тренироваться *не нужно*. Нужно просто хорошенько отдохнуть и восстановить силы. Тебе они пригодятся. Новое Испытание не за горами.

Мальчик не ответил. Уперевшись в ограду руками, он продолжил стоять, упрямо глядя в землю под ногами.

— Поверь, ветвь Энергии — это не то, ради чего стоит отчаиваться, — попытался приободрить наставник.

— Легко тебе говорить. Ты владеешь не только Энергией, но и Силой. А я... даже кросс не могу закончить, не опоздав при этом на целый час.

— Если бы ты не пренебрегал отдыхом, твои результаты были бы лучше, — сдержанно ответил Луксор, но ученик, покачивая головой, с горечью возразил:

— Нет, не в этом дело. Просто... я бездарен.

Наставник сжал челюсть. В такие минуты ему особенно остро становилось ясно, что за внешним упрямством и пламенными словами ученика скрывается тяжелая рана отчаяния, медленно разъедающая его изнутри.

— Такова жизнь, — наконец произнес Луксор после паузы, стараясь, чтобы голос не выдал пустоты, рожденной неспособностью оказать хоть какую-то помощь. — Приложив огромные усилия, ты можешь развить свои способности. Но изменить природу — невозможно.

Мальчик знал это, но его пальцы лишь крепче вцепились в холодный камень ограды, будто тот мог стать опорой. Сейчас он был рад только одному: что стоит к наставнику спиной.

— Прости, — сказал Луксор. — Чем быстрее ты примешь правду, тем быстрее станет легче.

Повисла тяжелая тишина. Только Лес тихо шептал свою мрачную мелодию, угнетая обоих. И все же Луксор заставил себя улыбнуться, стараясь вложить в слова больше тепла, чем чувствовал в эту минуту:

— Но ты вовсе не бездарен. Просто путь, который ты выбрал, — один из самых трудных. На всем Острове лишь немногие предрасположены к нему. Поэтому неудивительно, что твои усилия не приносят желаемого результата. — Наставник на секунду умолк, затем прищурился, вглядываясь в сутуленную спину ученика, и с надеждой предложил: — Может, стоит подумать о другой ветви? Я могу проанализировать твои результаты в Арете и на их основе подобрать направление, которое будет более подходящим для тебя. Если хочешь, мы сделаем это вместе.

Ответ прозвучал тихо, но твердо:

— Нет.

Луксор с досадой вздохнул:

— Что ж, упрямство у тебя точно развито лучше, чем у большинства. Ладно, выбор твой. Но помни: каков бы ни был результат второго Испытания, ты *обязан* принять его.

— Знаю... — глухо выдавил мальчик. — Спасибо за все, брат. Доброй ночи.

Луксор замер, колеблясь. В груди боролись два чувства — необходимость уйти и желание найти те самые слова, которые облегчат израненное сердце ученика. Наконец он шагнул ближе, положил тяжелую, но бережную руку на худое плечо мальчика и уверенно произнес:

— Если хочешь знать мое мнение, я считаю тебя очень сильным. Я говорю серьезно, потому что собственными глазами видел, как твой дух продолжает бороться, даже когда тело валится от изнеможения.

Ученик промолчал, и Луксор, поняв, что сделал все, что мог, взъерошил темные волнистые волосы, развернулся и зашагал прочь. Утерев глаза рукой, мальчик тяжело выпрямился и обернулся, чтобы проводить глазами человека, которым глубоко восхищался. При виде широкой спины и уверенного шага Луксора в его голове сама собой вспыхнула мысль:

«Вот что значит сила... Такой человек никогда не будет чувствовать себя слабым или больным».

И тут, словно факел, в нем вновь вспыхнуло яростное желание стать таким же.

— Луксор! — выкрикнул он с вызовом, разрывая вязкую тишину.

Наставник обернулся.

— Ты помнишь, что было на первом Испытании?

— Такое невозможно забыть.

— Так вот... То же будет *и на втором!*

В густых сумерках, среди призрачного сияния Серого Леса, Луксор уже не мог разглядеть лица ученика. Но по той отчаянной, непоколебимой решимости, что звенела в каждом слове, он понял: на этом лице не могло быть ничего, кроме выражения, с каким идут на смертный бой. Или — на подвиг.

Глава 2. Великое Древо

Четырьмя годами ранее...

— Итак, всем ли удобно? Всем меня хорошо видно и слышно? Прекрасно! Тогда начнем.

Как Старейшина общины, я имею честь приветствовать вас — тех, кто впервые ступает на путь знаний в нашем прекрасном Арете. В своей небольшой речи я расскажу вам о месте, где вам предстоит пройти непростой, но славный путь, мои юные друзья.

Позвольте начать с вопроса. Подумайте: что является самым ценным в нашей жизни? Верно, это наши близкие и родные, друзья и знакомые — все те, кто заботится о нас. Я уверен, что каждый из вас желает счастья тем, кто близок вашему сердцу. Но вот что важно: наука говорит нам, что счастье одного человека напрямую зависит от счастья всех окружающих. Вот почему стать достойным членом общины — наша общая цель. И именно обучение играет ключевую роль на этом пути.

А теперь я поведаю о принципе, на котором основана вся наша система знаний. Несомненно, нам бы очень хотелось, чтобы каждый из вас стал всесторонне развитой личностью. Но жизнь человека коротка, и времени на то, чтобы стать профессионалом во всем, нам не дано. Так было определено природой; ею же было устроено, что возможности людей в разных областях распределены неравномерно. Так же как каждый из вас неповторим внешне, так и каждый обладает особым опытом, интеллектом, характером и, если можно так выразиться, разной почвой, в которой всходит не каждое брошенное в нее зерно.

Вас это огорчает? А зря. Ведь именно в этом и заключается великая сила общества. Мы все — как цветы, каждый со своим уникальным цветом и ароматом. Один способен вырастить сад, другой — построить дом, третий — исцелить больного, четвертый — возможно, открыть путь к самым звездам. Давняя мудрость гласит: «Познай свои таланты — и найдешь свое призвание; следуя ему, ты достигнешь вершин мастерства и принесешь наибольшую пользу». Именно в соответствии с этим принципом и выстроена наша система обучения.

Первые четыре года в Арете будут одинаковыми для всех вас. Это время основ, необходимых каждому члену общины: умению мыслить ясно, трудиться честно, уважать и понимать друг друга. Подобно путнику на пиру знаний, вы будете пробовать разные блюда, чтобы понять, какое из них наиболее насыщает ваш разум, а какое приносит радость и пробуждает интерес. Постепенно вы начнете замечать, что одна дорога дается легче другой, и как сердце радостно бьется, когда вы занимаетесь тем, что ваше по природе. Ну а дальше... каждый из вас пойдет своим уникальным путем. Но куда бы ни вели вас тропы, помните: все они в итоге сходятся в одно — в силу и процветание нашей общины.

Чтобы лучше объяснить эту мысль, я приведу пример. Представьте огромное древо с крепким стволом и бесчисленными ветвями. Его глубокие корни — это прошлое нашей общины, труд и опыт предков. Мы же с вами начинаем путешествие, поднимаясь по стволу, и по мере того, как мы растем и развиваемся, каждый из нас, выбирая свою ветвь, в конце концов становится одним из бесчисленных листочков, поддерживающих жизнь великого древа.

Между прочим, наша система обучения — тоже не застывший камень, а живой организм, который совершенствуется с течением времени. На сегодняшний день Большим Советом был установлен следующий порядок: одни ветви дерева представляют собой точные науки, другие — гуманитарные, третьи — ремесленные, четвертые — творческие. Каждая из них — как дорога с собственными тропами, испытаниями и вершинами...

О, все верно. Вы, конечно же, уже сталкивались с таким понятием, как Испытания. Поначалу они могут показаться препятствиями на пути, но на самом деле это ступени, ведущие выше. У каждой ветви испытания свои: где-то их больше, где-то они сложнее. И да, кто-то из

вас может подумать, что система несовершенна. И будет прав. Но пока что это самый эффективный и честный способ помочь каждому найти свое призвание.

При этом мы постарались сделать систему распределения как можно более гибкой. В часы досуга вы сами вольны распоряжаться своим временем: хотите — изучайте науки, даже если работаете в мастерской; хотите — берите в руки кисть и перо, даже если сердце тянется к цифрам. Если вы достигнете определенных успехов и таково будет ваше желание, вы вправе перейти с одной ветви на другую. Самые же трудолюбивые и вовсе могут объединить два направления, становясь, скажем, поэтами молота и плуга или художниками точных наук. Ведь дерево только красивее, когда его листья разного цвета.

Вам всем это понятно? Хорошо! Что-что? Ах, да... Куда же без нее...

Действительно, есть в нашем древе та самая особая ветвь, которая вызывает у молодого поколения наибольшее любопытство и интерес. Должен вас предупредить: к счастью или нет, но этот путь — как смертельно опасный подъем на вершину высокой горы. Лишь очень немногие могут пройти его до конца, ведь он требует не только невероятных физических усилий и силы духа, но и долгих, очень долгих лет упорных тренировок. Так что не спешите бежать туда, увлеченные блеском Силы, — древо само укажет, кто готов выбрать эту ветвь.

А теперь позвольте завершить свой рассказ двумя краткими наставлениями.

Первое: не ищите легких путей. Они — как рыхлый песок: ступать приятно, но далеко не уйдешь. Как огонь закаляет сталь, так и трудности куют характер. А без сильных личностей общество не может процветать. Поэтому, с какими бы препятствиями вы ни столкнулись — будь то в жизни или в учебе — помните, как девиз: не сдаваться, не унывать и всегда искать выход.

И второе: среди вас нет «способных» и «неспособных». Каждый из вас уже несет в себе дар. У одних он сияет открыто, как цветок в саду, у других — дремлет в глубине, как семя в земле, ждущее дождя. Но и тот, и другой — равноценные части нашего великого древа!

Ну что ж, надеюсь, я не слишком утомил вас своими старческими речами. А сейчас вас ждет увлекательная экскурсия, новые знакомства и, конечно же, веселый праздник. Желаю вам удачи, радости и сил. И пусть ваша жизнь будет наполнена светом и принесет благо вам и всей нашей семье!

Глава 3. Первое Испытание

Настоящее...

Проснувшись, он поморщился: скудные лучи солнца, с трудом пробиваясь сквозь серую листву, били прямо в глаза. Приподнявшись на кровати, мальчишка с всклокоченными темными волосами несладко потянулся — и все тело тут же отозвалось хором ноющей боли.

Первая попытка встать закончилась сдавленным всхлипом: резкая боль пронзила бедро. Эта старая травма, доставшаяся ему после первого Испытания, была живым напоминанием о том саморазрушительном безумии, на которое ему пришлось пойти. В тот раз он отлежался, и боль отступила, но теперь, когда он снова выжимал из себя все силы перед Испытанием вторым, она вернулась, будто оскорбленная тем, что о ней посмели забыть. Нога горела изнутри, словно там тлел злой уголек, и боль от него не давала ни минуты покоя. Он бы мог сказать об этом доктору, который должен был вскоре прийти на еженедельный осмотр, но он уже знал его ответ: «Покой, постель и никаких нагрузок». Но неделя без тренировок сейчас равнялась катастрофе, и потому оставалось только одно — терпеть.

Сцепив зубы, он натянул серую тунику, штаны, закатанные до колен, подпоясался веревкой и вышел из комнаты. Доски лестницы жалобно скрипнули под ногами, но он лишь бросил взгляд на вешалку у входа.

Она была пуста.

«Вчера плащ был здесь. Значит, снова рано ушла...»

С тяжелой мыслью о матери, которая все чаще исчезала по делам, он прошел сквозь арку на кухню, где его встретил кислый запах отцовского пойла, въевшийся в дерево, и слабый дух сушеных трав, свисающих пучками у каменной печи. В центре стоял дубовый стол, на котором лежал лист бумаги.

«Завтрак приготовить не успела, сделай что-нибудь сам. И лучше — помой посуду».

— Как всегда... — закатил он глаза и демонстративно швырнул записку в топку, где та мгновенно съежилась до черной корки. Затем взгляд его скользнул к раковине, полной грязной посуды, отчего он со вздохом прижал ладонь к лицу. Желудок урчал, требуя еды, но он знал: если не сделать это сейчас, потом будет только хуже.

Примерно через четверть часа, когда он подвешивал последнюю вымытую сковороду на крючок, парадная дверь скрипнула, заставив сердце сжаться. Через мгновение в кухню, отряхивая руки, вошел высокий, узкоплечий мужчина в клетчатой рубаше и широкополой шляпе. Его лицо могло бы быть приятным, если бы не вечное выражение недовольства.

— Где мать? — почти прорычал тот.

Мальчик, едва увидев отца, сразу же оцепенел.

— У-ушла... уже... — пробормотал он, уставившись в пол.

Взгляд отца скользнул по кухне.

— Снова бардак, — тут же вынес мужчина приговор. — Живем как в гадюшнике!

— Я как раз убираюсь... — почти жалобно сообщил он.

— Ел что-нибудь?

— Еще нет...

— Тогда чисть овощи, — бросил отец и вышел. Только когда его шаги стихли, сын позволил себе облегченно выдохнуть. Затем, схватившись за нож, он принялся нарезать морковь с такой яростью, словно та была его заклятым врагом.

Через пару минут отец вернулся с корзиной яиц. Сняв шляпу и смочив короткие темные волосы водой, он молча встал к плите, и вскоре вся кухня наполнилась ароматом жареного

лука, помидоров и специй. Сын знал: готовить у него получалось гораздо лучше, чем разговаривать с людьми.

— Садись, — буркнул отец, выкладывая на тарелки яичницу с золотистой корочкой.

Он подчинился, хотя внутри все сжалось от страха. Ругань, приказы, порой затрешины — все это он уже научился терпеть. Но сидеть рядом с отцом за одним столом было все равно что ужинать овце бок о бок с голодным волком.

— Где шляется вчера допоздна? — небрежно спросил мужчина, откусывая кусок черствого хлеба. Сын напрягся сильнее.

— У меня... были... дополнительные занятия...

— Что ты там мямлишь? Говори нормально! — зазвенела в голосе мужчины привычная угроза.

— Говорю... занятия были... в Арете, — чуть громче повторил он, стараясь сдержать дрожь.

— По какому предмету?

— По... физическому развитию.

— Для чего?

Мальчик сжался, словно зверек, прижатый к стенке. Он знал, что ответ станет искрой для пожара.

— Скоро... Испытание...

Он не ошибся: отец резко замер, сглотнул яичницу и вонзил в него суровый взгляд.

— Ты что, все еще не бросил эту дурацкую затею? Сколько раз тебе говорить: займись *нормальным* делом! Ты вообще ничем не занимаешься, кроме своих идиотских тренировок!

Мальчик постарался запихнуть в себя завтрак побыстрее.

— Че молчишь?!

— Это... моя цель, — обреченно выдохнул он.

— Цель — стать таким же *уродом*?!

Внутри что-то вспыхнуло, и сын с презрением взглянул на отца — но только мысленно. В реальности же он опустил глаза, зная: один неосторожный взгляд — и оплеуха неизбежна.

Ненависть отца к членам Совета всегда оставалась для него загадкой. Для всех на Острове Луксор и его товарищи были героями — и лишь отец, стоило только упомянуть о них, скалил зубы, словно зверь.

— Спасибо, — тихо сказал он, поднимаясь. — Я доел.

— Чтоб ни на каком ИСПЫТАНИИ тебя не было! Понял?! — прорычал родитель, но сын лишь молча направился к раковине. Это молчание взбесило отца еще сильнее.

Высочив из-за стола, мужчина схватил его за плечо и с силой развернул так, что тарелка едва не выскользнула из рук.

— ТЫ ПОНЯЛ?! — повторил отец, наклонившись к его лицу.

— Да... — жалобно пролепетал он, не смея возразить.

Внезапно взгляд мужчины прояснился. Он ослабил хватку, отступил, и лицо его вновь застыло в привычной гримасе недовольства. Уже выходя из кухни, он буркнул через плечо:

— Убери здесь все! Живем как в гадюшнике...

Мальчик стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. И только когда входная дверь с грохотом захлопнулась, он позволил себе сжать кулаки, с размаху швырнуть тряпку в раковину и скривить яростную гримасу, по которой тут же покатались горячие слезы.

— Я выберусь отсюда... чего бы мне это ни стоило... — шептал он сквозь зубы, наскоро прибираясь и смывая с лица остатки безрадостного утра. Затем, как и отец, он хлопнул дверью и, прихрамывая, вышел из дома.

Стоило ему миновать последние деревья Серого Леса, как мир преобразился. Яркий свет залил его с головы до ног, а небо встретило необычайно голубым, безоблачным простором — таким же безграничным и свободным, каким он сам мечтал стать.

Не задумываясь ни секунды, он зашагал к скалам плато, где всегда тренировался. Просьба Луксора, боль в ноге, усталость и слова отца — все это меркло перед внутренним голосом, который бился в висках:

«Я докажу. Я — смогу!»

***

Из-под скалистого карниза, украшенного лапами сосны, строго взидала пара янтарных глаз. Вечер медленно подступал, и детям природы давно пора было отдыхать. Но внезапный пронзительный писк заставил орла обернуться. В глубине расщелины, на подстилке из сухих веток, копошилось трое серо-белых птенцов, только что закончивших трапезу. Однако, проглотив последний кусочек и будто мгновенно об этом забыв, они снова подняли жалобный писк, широко разевая клювы. Птица-мать, сидя рядом с выводком, бросила на него умоляющий взгляд — и он понял: отдыхать еще рано. Встряхнув золотистым хвостом, орел поточил загнутый клюв о скалу и прыгнул на торчащий неподалеку сук. Несколько мгновений он всматривался вдаль, а затем, издав гордый клич, сорвался вниз. Рассекая крыльями воздух, он понесся вперед, навстречу огненно-багровому полотну небосвода.

Так, в одиноком полете, долг заставил орла провожать день. Лишь тень от его широких крыльев повсюду скользила за ним по скалам. Тень, строгие линии которой вскоре исказились о длинный выступ утеса, на котором неподвижно лежало тело маленького мальчика.

— М-м-м... — простонал он, медленно открывая глаза. Над собой он увидел крупную птицу, парящую на фоне угасающего неба. Прежде чем двинуться дальше, орел сделал круг, словно проверяя, жив ли этот странный детеныш, зачем-то забравшийся так высоко. — Тебе тоже некогда отдыхать, да? — грустно усмехнулся он и, преодолевая боль, начал подниматься.

От нагретой поверхности скалы, выступающей из плато с северной стороны, исходило приятное тепло. Он любил это место — не только за дивный вид на окрестности, но и за то, что здесь ни один учитель не мог найти его и отчитать за самовольные тренировки.

Оказавшись на ногах, он на миг замер, завороченно глядя на город, залитый мягким светом закатного солнца, где один за другим зажигались огни, словно звезды в миниатюре. Он ясно представлял, как жители, славно потрудившись за день, собираются семьями за ужином, обмениваются новостями, отдыхают. На мгновение ему тоже захотелось туда — к тихому счастью обычной жизни. Однако, подняв взгляд выше, на высокую скалу, в которой был вырезан величественный Предел, внутри него снова зазвучал настойчивый зов — зов, что был сильнее всех соблазнов. Вновь встав в центре утеса, он закрыл глаза, сложил перед собой пальцы в трехконечную звезду и сосредоточился.

«Энергия — одно из величайших достижений человеческой расы. Те, кто овладел ею, могут силой воли ускорять обмен веществ и усиливать все свои физические способности...» — такими словами начинался первый урок на пути к познанию Энергии. И если ее первая ступень — Внутренняя — была в какой-то мере понятна, то вторая — Сила, или, как ее еще называли, Природная Энергия, наделяющая человека сверхспособностями, оставалась тайной даже для тех, кто ею обладал.

Одни считали Силу даром избранных, другие — новым этапом эволюции, третьи — мутацией. Сторонники последней версии предполагали, что клетки, закаленные годами практики Внутренней Энергией, менялись, позволяя своему носителю поглощать энергию из окружающего мира — солнца, воздуха, земли — и преобразовывать ее в жизненную силу. В доказательство приводили примеры обладателей Силы, чьи глаза со временем начинали светиться

ярче обычного, а внешность порой менялась — как, например, у брата Зоркого, чьи черты приобрели хищную, птичью остроту.

Достичь Силы... об этом мечтал каждый юноша острова. И, конечно же, он — наверное, даже больше, чем кто-либо. Однако сейчас для него была недоступна даже крупница Внутренней Энергии...

Пальцы стиснулись сильнее, лицо исказилось оскалом, и от прежнего внешнего спокойствия не осталось и следа. В этот момент он должен был быть предельно осторожен: один неверный шаг — как не раз предупреждали наставники — мог обернуться трагическим концом. Но в этот миг опасность казалась ему чем-то не стоящим внимания. Он и сам понимал, что попытка была неудачной: эмоции переполняли, а тело молило о пощаде. Но он не желал разрывать связь, всеми силами цепляясь за ускользающий обрывок незримого потока, что заставлял сердце биться чаще. Едва не крича от напряжения, он приоткрыл глаза — и увидел, как дрожащие кончики пальцев обволакивает тонкое покрывало света.

«Давай же...

...ДАВАЙ!!!»

Разряд, подобный удару молнии, пронзил его насквозь, и вечернюю тишину разорвал глухой, затухающий стон боли.

«Вот что значит слабый сосуд...» — горько мелькнуло в голове.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что лежит ничком, уткнувшись лбом в скалу. С усилием перевернувшись на спину, он стал судорожно растирать лицо, пытаясь хоть немного унять пульсирующую боль.

— ПРОКЛЯТЬЕ!!!

Кулак с яростью ударил по скале. Камень, как всегда, остался равнодушным, зато костяшки ответили тупой болью. Слезы жгли глаза, и как он ни пытался их сдержать, горячие капли все равно прорвались наружу.

«Проклятье! Не выходит! Сколько бы я ни пытался!.. Ненавижу это чувство! Эту... беспомощность! Ведь я стараюсь изо всех сил!!!»

«А может... может уже хватит?» — прошептал коварный внутренний голос. — «Смирись. Плыви по течению. Прими свое предназначение.

Предназначение... ничтожества».

— Гр-р-р-а-а-а-а!!!

Яростный рев сотряс воздух, эхом отражаясь от скал. Он колотил по камню снова и снова, пока кожа на руках не запылала огнем — и только тогда смог остановиться.

«Довольно!.. Если бы я мог что-то изменить одними ударами, то стучал бы до конца жизни! Но нет... Вспомни, что говорил Старейшина: не унывать, а действовать... К тому же...»

Он втянул воздух полной грудью. Ветер донес сладкий запах хвои и соленое дыхание океана. Досчитав до семи, он медленно выдохнул, пытаясь изгнать всю бушующую в нем бурю.

«...Разве мне когда-то было легко? Никогда. И в тот раз тоже... Но я все же смог... Я... не сдался...»

***

Годом ранее...

Едва первые лучи рассвета разогнали серую дымку, а блестящие волны ночного сияния растворились в бледнеющем небе, несколько десятков сонных учеников начали стекаться к круглой мраморной площадке, расположенной далеко за городом.

Перед площадкой, на каменном возвышении, их уже ожидали все семеро членов Совета, отвечающих за ветвь Силы. Шестеро стояли полукругом, словно хранители того, кто занял место в центре. А в центре, преисполненный достоинства и внутренней мощи, в длинной черной мантии — стоял Старейшина. Его лицо, испещренное морщинами, будто хранило в себе опыт веков, но при этом не теряло мягкости и света доброты. Серебристо-белые волосы ниспадали на плечи и спину, а густая борода, доходившая почти до живота, разделялась на пряди, как потоки горной реки.

Позади Совета возвышался пьедестал, увенчанный чашей с пылающим огнем. В его отблесках мерцали лица еще трех десятков наставников из Предела, чьи фигуры образовывали немой хор, придавая сцене еще больше величия и торжественности.

Взглянув на Луксора, тихо переговаривавшегося с Кристианом, он сразу вспомнил их разговор, состоявшийся накануне, который до сих пор саднил в памяти.

***

— Брат Луксор! — воскликнул он, почти налетев на наставника посреди двора Арете.

— Здравствуй, брат, — со сдержанной улыбкой поприветствовал его Луксор.

— Меня нет в списке! — проигнорировав приветствие, выпалил он, вздымая грудь от быстрого бега.

Луксор едва слышно вздохнул — будто именно этого и ждал.

— Списки составляют преподаватели по итогам долгих наблюдений.

— А ты? Ты тоже не рекомендовал меня?!

— Я веду проверочные занятия, чтобы оценить вашу подготовку, — спокойно пояснил наставник. — И я согласен с тем, что твое участие в завтрашнем Испытании может нанести тебе вред.

Мальчик приоткрыл рот, не находя слов. Половину своей короткой жизни он только и делал, что готовился к этому дню, а теперь... теперь его даже не хотели допускать.

— Вскоре ты найдешь себя в другом, мой друг, а сейчас мне пора, — сказал Луксор, уже собираясь уйти, но ученик, захлебываясь отчаянием, вцепился обеими руками в край его плаща. В висках стучало, мысли неслись хаотичным потоком. Он хватался за любую, лишь бы выиграть еще миг.

— Нет, подожди... Не уходи... Объясни... Ведь... О! — в его глазах вспыхнула догадка. — Точно! Нам как-то говорили, что список составляют на основе предрасположенности, но ученик имеет право сам заявить о своем желании участвовать! Ведь так?! Я прав?!

Луксор молча смотрел на мальчика, пока отчаянная надежда на его лице не уступила место тревоге. Наконец наставник со вздохом произнес:

— Да, верно. Что ж, если ты настаиваешь...

— Что? Правда?! Ура! — подпрыгнул он на месте. Но улыбка его почти сразу погасла. Он опустил голову, и голос его стал тихим и полным обиды: — Вы знали, что я хотел участвовать... и все равно не захотели дать мне шанса...

Он развернулся и побрел прочь, но Луксор, положив ладонь ему на плечо, произнес:

— Ты прав, мы виноваты. Но, прошу, не суди строго. Мы действовали из лучших побуждений.

— Не нужны мне ваши «побуждения»! — сорвалось у него, но он тут же осекся, вспомнив, с кем говорит. — Ой... прости, я не хотел...

— Все в порядке, — сказал наставник. — Я понимаю твои чувства. А теперь послушай внимательно. Испытание — не игра. Будь предельно осторожен. Не рискуй напрасно и не теряй головы — это может привести к ужасным последствиям.

Мальчик понимающе кивнул. Возмущение все еще бурлило где-то внутри, но за предупреждением Луксора чувствовалась искренняя забота. Как только он ушел, наставник отправился к стенду со списками: добавить его имя.

***

«Никто из них не верит в меня... Конечно, ведь сама судьба указывает, что этот путь не для меня», — стиснув челюсть, думал он, глядя на плечистые фигуры членов Совета. — «Ну ничего... я покажу им. Покажу, что достоин быть среди них».

— Дорогие мои! — громогласно, но ласково возгласил Старейшина. Он медленно вынул руки из широких рукавов черной мантии и воздел их в приветственном жесте, словно благословляя собравшихся. — Вижу, все испытуемые на месте. И нам — пора бы уже начинать.

Шумная толпа учеников мгновенно затихла, сомкнулась перед возвышением и приготовилась внимать словам старца. Несколько мгновений тот обводил всех внимательным взглядом, а когда заговорил, голос его звучал одновременно торжественно и печально, будто разделяя с ними всю тяжесть предстоящего пути:

— Кажется, только вчера я приветствовал вас с первым школьным днем... и вот уже настал день вашего первого Испытания. За три года учебы вы не раз слышали о нем, но позвольте мне вновь напомнить и приоткрыть суть того, что вас ждет.

С древнейших времен человек стремился познать мир: заглянуть за горизонт, разгадать тайны, увидеть невидимое и, главное, — преодолеть предел своих возможностей. Во всей истории лишь немногим удалось добиться этого, и одним из таких является основатель нашей

общины. А этот прекрасный остров, в свою очередь, стал благодатной почвой для тех, в ком может пробудиться особый талант. Именно поэтому все мы здесь можем наблюдать явление, ставшее для нас обыденностью. «Что же это такое?» — наверняка задавались вы вопросом. И я отвечу.

Глаза учеников жадно расширились. Старейшина сделал шаг вперед, почти к самому краю возвышения, и голос его зазвучал еще более проникновенно:

— Все в этом мире есть энергия. Энергия лежит в основе всего. Она пронизывает все сущее, присутствует везде и всегда. Да, дорогие мои, даже в вас и даже сейчас. И то, что вы можете наблюдать в некоторых из наших братьев — есть ничто иное, как переход одной формы энергии в другую.

Энергия... Да, именно так мы называем это явление. Но, несмотря на то что некоторые представители нашей общины умеют пользоваться ею, постичь ее тайну до конца нам так и не удалось. И, возможно, не удастся никогда. Ведь Энергия — как вода, льющаяся из источника: мы можем поднести к ней руку и ухватить несколько капель, но остальная часть пронесется мимо нас. Однако не отсутствие знаний является нашей главной сложностью. Главная трудность — в самом обучении: это чрезвычайно опасный процесс. Поэтому мы вынуждены использовать все возможные способы, чтобы повысить шансы и снизить риски. В первую очередь, годы практики показали нам, что первостепенным для Энергии является прочный сосуд.

Старейшина провел взглядом по стройным рядам учеников и их напряженным лицам и с легкой тяжестью в голосе добавил:

— Ваше тело и есть этот сосуд. Неподходящий — обязательно треснет. И когда это случается... исход всегда печален. Я знаю, в вашем возрасте сила и удивительные способности кажутся притягательными. Но, копнув чуть глубже, вы поймете, как тяжела эта ноша. И именно часть этой ноши вы и ощутите на вашем первом Испытании. Для нас же оно станет зеркалом — вашей воли, силы, выносливости и того, насколько крепок ваш сосуд.

Старейшина вдохнул, и голос его вновь обрел торжественную мощь:

— Итак! Послушайте внимательно, в чем состоит ваша задача! А именно: от этого места вам надлежит добраться до точно такого же каменного круга, но расположенного на южном мысе нашего острова. На седьмой день, до захода солнца, вы должны быть там. Предостерегаю! Путь этот проходит через дикие и опасные края! Не раз и не два ваша жизнь окажется под угрозой! Думайте! И вспоминайте все, чему вас учили! А если в какой-то момент окажетесь в опасном положении или решите, что эта стезя не для вас — немедленно сходите с дистанции! Громко позовите на помощь, и наставники, которые будут поблизости, придут к вам. Помните об этой возможности, ибо она может спасти вашу жизнь. Но также помните о том, что наши силы ограничены и мы не можем следить за каждым из вас. Так что повторю еще раз: будьте *предельно* осторожны.

Тишина, наступившая после речи Старейшины, опустилась на всех словно тяжелый покров. Если раньше многие ученики старались выглядеть уверенными, то после оглашения задачи на их еще совсем юных лицах отчетливо проступали удивление и тревога. Выждав несколько мгновений, чтобы слова глубже укоренились в сознании, старец спокойно закончил:

— А теперь следуйте за наставниками. Они отведут каждого из вас к месту, откуда начнется ваш путь. Да благоволит вам успех, мои маленькие друзья. Да начнется Испытание!

Как только слова растворились в утреннем воздухе, с разных сторон возвышения вышли мужчины в длинных плащах. Ученики робко переглянулись, тихо пожелали друг другу удачи и начали расходиться, следуя за провожатыми. Вскоре на площадке не осталось никого, кроме него. И пока он растерянно вертел головой, пытаясь понять, в какую сторону лучше отправиться, над ним раздался голос Старейшины:

— А ты, дружок, останься-ка здесь. Отсюда и начнешь.

Ласково улыбнувшись, старец перевел взгляд вдаль, и морщины на его лице тревожно напряглись. Мальчик же постарался использовать это время, чтобы наполниться решимостью и заверить самого себя, что он обязательно пройдет весь путь, каким бы сложным он ни был.

Но внутри уже шевелился червь сомнения. И до этого момента каждая мысль об Испытании была волнительной для него. Но теперь, услышав условия, сердце сжалось, будто его сдвинула невидимая рука. Отправляться в ту девственную часть острова, о которой он ничего не знал, без снаряжения, пищи и карты пугало его по-настоящему. Теперь он понимал, почему на уроке «Островография» им ничего не рассказывали о «хвостике запятой», почему участок карты в этой области был пуст и почему жители всегда отшучивались, когда их спрашивали о тех местах. Все было задумано так, чтобы будущие участники Испытания пребывали в полном неведении.

— Ну все, ступай и будь осторожен, — прозвучал голос Старейшины, и ноги мальчика сами двинулись вперед. Но едва его взгляд упал на холм вдали, за которым скрывалась неизвестность, он замер. Между тем по обе стороны товарищи уже превратились в маленькие, едва различимые фигурки.

Робко обернувшись, он ощутил на себе десятки взглядов.

— Да, мой мальчик, ты хочешь что-то сказать? — спросил Старейшина, прочитав неуверенность на его лице. Но он вдруг резко выпрямился, выпятив тощую грудь так, словно в ней билось сердце льва, и, взглянув на Луксора, с пафосом произнес:

— В этот раз я не стану последним!

Не дожидаясь реакции, он уверенной трусцой побежал навстречу своей судьбе. Старейшина же с приятным удивлением приподнял брови. Его взгляд провожал мальчика чуть дольше, чем следовало, после чего он повернулся к оставшимся наставникам, чьи глаза тоже поблескивали от сказанного. На этот раз старец обратился к ним:

— Прекрасный пример горячего сердца. Однако именно горячие сердца чаще всего и губят юнцов, мешая им позвать на помощь, даже когда они стоят на грани гибели. — Он нахмурился, и лицо его стало почти суровым. — Напоминаю: с этого года мы больше не будем ждать и надеяться, что ребята сами выпутаются из трудных ситуаций. Если вы увидите, что близок критический момент, — действуйте без промедления.

Все кивнули в знак согласия.

— И еще. Хоть в теории у учителей не должно быть любимчиков, такова уж наша человеческая природа: они есть. Поэтому призываю вас: не пытайтесь облегчить их путь. Помните, что крошечная помощь сегодня может обернуться для них огромным злом завтра. Теперь идите — и следите за ними как следует.

Слегка поклонившись, большая часть мужчин направилась к лошадям, мирно пасущимся в стороне. Копыта застучали по земле, и вскоре всадники растворились в утреннем мареве. Рядом со Старейшиной остались лишь шестеро членов Совета.

— Ну а вы — свое дело знаете, — тихо сказал он им, и в следующее мгновение, покрывшись каждый своим сиянием, они со скоростью, превышающей человеческую, бросились враспынную.

Старейшина остался один. Его взгляд снова устремился туда, где силуэты учеников постепенно растворялись вдали. В этом взгляде жила тревога, но и тихая, упрямая надежда.

***

Полчаса спустя холм был покорен. Поднимаясь по его сочным травам, он и подумать не мог, какой вид подарит ему вершина. Едва он оказался там, как застыл, пораженный картиной.

— Вот это... Проклятье...

Перед ним раскинулась пустыня — мертвая, безмолвная и бескрайняя, чьи золотистые дюны напоминали волны, тянущиеся к самому горизонту. Воздух над их гребнями дрожал от

жары, будто сама земля дышала огнем. Даже океан, омывающий остров, отсюда казался лишь двумя тонкими голубыми нитями по краям мира.

«Неделю жариться в пустыне?» — ужаснулся он и машинально обернулся. Черная фигура старца была едва различима на таком расстоянии, однако ему отчего-то показалось, что тот непременно смотрит прямо на него. И это ощущение — пусть даже придуманное — внезапно придало ему сил.

«Ладно... Я справлюсь».

Он сжал кулаки и снова повернулся к пустыне, внимательно вглядываясь в сухие просторы. Дюны, дюны... Бесконечный океан песка. Лишь на горизонте угадывались смутные очертания каменистых утесов. Внизу, у подножия холма, взгляд его обрадовался неожиданной находке — тонкой нити ручейка, распадающейся на множество змеевидных рукавов, которые пересыхали где-то на востоке. Пока он спускался, разум лихорадочно пытался составить хоть какой-то план.

«Может, дойти до берега, а потом двигаться на юг? Но сколько времени это займет? Ведь я понятия не имею, какое расстояние предстоит преодолеть. Нет... Это Испытание не только на силу и смекалку, но и на выносливость. А значит, придется рискнуть и идти напрямик...»

Вскоре его сандалии коснулись влажной грязи у ручья. Течение было слабым, но вода была пригодной для питья.

«Чем опасен переход через пустыню?» — попытался припомнить он уроки по выживанию. — *«Жара, обезвоживание... перегрев. Главное — защита от солнца».*

Он присел на корточки, погрузил ладони в прохладную воду и жадно припал к ней губами, словно в последний раз. Затем снял тунику, оторвал от подола полоску ткани и тщательно смочил обе части в воде. Тунику он снова натянул на себя, а кусок ткани обмотал вокруг головы.

Поднявшись, он глубоко вдохнул. Ручей был для него рубежом, за которым его ожидала настоящая проверка всех его сил. Растрескавшаяся земля, тонны песка и безжалостный зной сулили множество тягот. Однако все только начиналось, и он был еще полон сил. Наконец, будто переступая невидимый порог между жизнью и смертью, он шагнул через ручей, и в сознании промелькнула волнительная, чуть пугающая, но наполненная предвкушением мысль:

«Началось».

***

Жара была такой, какой он не встречал даже на самых солнечных полянах острова. К полудню солнце показалось ему гигантским костром, разожженным мифическими богами исключительно ради его мучений. Туника и головная повязка давно высохли, и если бы не пот, струившийся по телу бесконечными ручьями, он бы уже превратился в улитку, запекающуюся в собственном панцире. Кожа горела, краснела, будто ее только что вынули из печи, а голова пылала так, что он готов был сунуть ее в песок, если бы это могло хоть как-то помочь. Но песок под ногами был раскален, как сковорода, и обжигал даже сквозь подошвы сандалий. Единственное, что немного спасало — редкие углубления между дюнами, в тени которых он мог спрятаться на минуту-другую и ощутить, как температура падает на крошечные два градуса. Однако жажда, как невидимая рука, все сильнее сжимала горло, превращая каждую минуту в настоящую пытку.

В какой-то момент он уже готов был рухнуть лицом в песок и потерять сознание, когда, взобравшись на очередную дюну, сквозь щели прищуренных глаз различил впереди темное скопление скал. Надежда вспыхнула в сердце, и он заставил себя двигаться дальше. Расстояние до скал казалось смешным, но бесконечные подъемы и спуски по склонам превращали каждый его шаг в борьбу. Понадобился еще целый час изнурительных усилий, чтобы наконец обхватить первый встречный валун и повалиться на него, как на мягкую постель.

После короткого отдыха он поднял голову. В нескольких десятках метров впереди вздымались неровные, словно застывшее тесто, скалы. Поискав удобное место для подъема, его взгляд задержался на естественных уступах, которые выглядели как ступени, вырезанные для великанов. Через несколько минут он уже стоял наверху, и первое, что он сделал — закричал: сначала едва слышно, а потом во все горло.

— Проклятье... ПРО-КЛЯ-ТЬЕ!!!

Ноги подкосились, и он плюхнулся прямо на зад. Перед глазами, уходя далеко за горизонт, раскинулась та же беспощадная песчаная бездна.

Оказавшись ближе к солнцу, он почувствовал, что буквально сгорает. В панике он закрутил головой, ища спасения, но вокруг не было ни дохлого кустика, ни даже грязной лужи — только длинная тень от скалы тянулась вниз, маня его, как прохладная тропинка. Он уже собрался спускаться, когда вдруг, поддавшись необъяснимому предчувствию, оглянулся назад — и застыл.

«Это еще что такое?..»

Он не сразу понял, что видит. Но было достаточно того, что оно выглядело как гигантское кучерявое облако, которое терлось брюхом о землю и неумолимо надвигалось прямо на него.

«Песчаная буря, что ли?.. СЕРЬЕЗНО?!»

Внезапно внутри его усталого тела откуда-то вспыхнули силы, и он почти вприпрыжку слетел вниз, прижался спиной к скале и замер, прислушиваясь к бешеному биению сердца. Его план был прост — переждать жару в укромном месте. Однако теперь все стало иначе.

«Если буря догонит меня в пустыне, мне негде будет спрятаться. А если останусь здесь... рискую застрять до завтра».

Выбора не было — нужно было двигаться дальше, надеясь, что пески окажутся милостивы, а буря сменит курс. Но прежде, чтобы хоть как-то пережить невыносимую жару, он прибег к способу, который на словах казался абсурдной шуткой, а на деле оказался необходимым для выживания. Сорвав с головы бандану, он бросил смущенный взгляд по сторонам, развернулся к скале и, недовольно буркнув:

— Ну что, учитель Беарус... вы довольны? — приспустил штаны.

Несколько минут ему пришлось разглядывать причудливые узоры скалы в ожидании, пока тело соизволит выдать хоть каплю влаги. Но в конце концов настойчивость была вознаграждена: он смочил лоскут и тут же, зажмурившись от отвращения, обмотал его вокруг головы.

— Фу-у-у... — скривился он, но уже спустя мгновение был вынужден признать: метод действительно работал, принося почти забытое чувство облегчения.

***

Собравшись с духом, он взобрался на ближайшую дюну. Но спускаться вниз не стал, а засеял вдоль ее извилистого хребта на юго-запад — подальше от надвигающейся бури. Однако вскоре он понял, что его решение было бесполезным: песок будто жил собственной жизнью, никак не реагируя на направление ветра. Буря играла с ним, как кошка с мышонком: то отступала, то вновь бросалась за ним по пятам, «помогая» не задумываться ни о жаре, ни о жажде и заставляя бежать все дальше и быстрее.

Так продолжалось часами, пока наконец стена песка не догнала его. Она не была столь свирепа, чтобы сбить с ног, но ее напора хватало, чтобы изматывать до последней капли. Мириады песчинок липли к телу, секли кожу, пробирались под одежду, а мир превратился в сплошную коричнево-желтую муть, в которой едва было возможно дышать, видеть и думать. Даже туника, натянутая на лицо в качестве маски, не облегчала его мучений.

В какой-то момент его уставшие ноги заплелись в рыхлом склоне. Он споткнулся, рухнул и кубарем покатился вниз, взметая за собой фонтаны песка. Достигнув дна, он не нашел в себе сил подняться — и так и остался лежать, засыпаемый сухим дождем.

«Кажется... Полдня... это весь... мой... предел...»

«Предел?...»

Кулак, как молот, рубанул песок. Зернистая масса лишь вздрогнула и тут же осела, но он уже почувствовал опору. Сквозь зубы, облепленные пылью, вырвался сдавленный рык раненого, но не сдающегося зверя, и он, дрожа от напряжения, начал поднимать себя на руках.

«Нет уж... Еще не все!»

Он с яростью поднял голову — и тут же вздрогнул. Сквозь вихрь пыли, словно тень, сотканная из самого песка, проступил силуэт. Сначала ему показалось, что фигура приближается, но теперь она стояла неподвижно, как немой наблюдатель — или смерть, пришедшая проверить, готов ли он.

Несмотря на пекло, по спине пробежал холодок. Он рывком вскочил на ноги, шарахнулся в сторону и почти вслепую побрел прочь. А когда инстинктивно обернулся — там, где мгновение назад ему мерещилась фигура, уже не было ничего, кроме танцующего песка.

«Великолепно! Я схожу с ума! Спасибо, пустыня, что делаешь мой путь таким увлекательным...»

Он снова побрел наперекор буре, выставив локти перед собой, будто мог разрезать вихрь этим костлявым тараном. И вдруг, как по волшебству, стена песка перед ним распахнулась, словно тяжелые шторы, и он вывалился из ее душного чрева прямо в вечер. Ветер еще пару раз взвихрил песчинки за его спиной, но скоро все стихло — будто никакой бури и не было вовсе.

Недоуменно сняв бандану, он вытряхнул из нее целую пригоршню песка и принялся оттирать лицо, которое покрылось засохшей коркой. Затем, когда сухой язык потерся о пересохшие губы и разум, освободившись от борьбы с бурей, снова напомнил о жажде, он отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи.

— Нет воды — нет и мысли. Просто... идем... дальше, — беззвучно пробормотал он и, пошатываясь, как пьяный отец, двинулся вперед.

К ночи пустыня начала меняться. Когда солнце наконец скрылось за горизонтом, пески, что еще несколько мгновений назад пылали, как раскаленные угли, начали стремительно остывать, превращаясь в бескрайнюю ледяную пустыню. И если днем он не мог остановиться из-за жары, то с наступлением ночи движение стало единственным средством согреться. Раскаты до щиколоток штаны и обхватывания себя руками помогали недолго, и вскоре холод пронзил его до костей. Тогда зубы застучали в ритм шагам, став единственным звуком, доказывающим, что он еще жив.

В какой-то миг время для него окончательно рассыпалось, утратив форму и смысл. Мысли вязли, как в тесте, минуты растягивались в вечность, а часы пролетали, как едва уловимые искры мгновений. Несколько раз он падал в песок, и тот встречал его, как жесткая, но удивительно манящая постель. Сон подкрадывался мягко, словно кошка, но каждый раз, готовясь провалиться в сон, он невольно бросал взгляд на звезды, между которыми плыли разноцветные волны — символы его мечты.

— Мечты... — хрипел он, с напряжением выталкивая слово из пересохшего горла, затем поднимался и заставлял себя идти вперед сквозь блестящие, словно россыпь алмазов, пески.

***

Первые лучи коснулись его так неожиданно, что он резко замер, будто пробудившись от глубокого сна наяву. Подняв голову, он с удивлением заметил, что волны на небе уже исчезли, а из-за горизонта ему подмигивает край раскаленного диска.

«Ну здравствуй, солнышко... Ты не спешило...»

Перед ним высилась дюна — настоящий гигант, загораживающий путь. Мысль о том, что ему, такому уставшему, придется карабкаться на эту громаду, вызвала у него горькую гримасу. Но выбора не было.

Мышцы ног жгло, как от огня, а легкие горели, требуя воздуха, которого вечно не хватало. Где-то на середине подъема он рухнул на четвереньки. Пальцы впивались в мягкий песок, мысли, те немногие, что еще оставались в голове, умоляли остановиться, но он упрямо полз все выше, словно грузный жук, ползущий на фоне бледнеющей луны. Внутри уже не было ни надежд, ни иллюзий — он был уверен: достигнув вершины, увидит все те же безжалостные пески, что будут снова жарить его днем и морозить ночью. Но когда он, почти теряя сознание, все же добрался до гребня, перед глазами раскрылась картина, от которой он на миг позабыл обо всем.

Впереди, всего в нескольких сотнях шагов, над землей вздымались скалы — внушительные и величественные, сияющие в рассветных лучах солнца так, будто они были сделаны из горящих углей. Но вид этот был настолько чужд и непостижим, что он не сразу мог поверить своим глазам. Эти скалы не могли быть творением природы — по крайней мере, не той природы, к которой он привык.

Первое сравнение, пришедшее ему в голову, было до смешного простым: будто великан-дитя, играя с гигантскими кубиками, построил из них все, на что хватило его буйной фантазии. Кубы, будто вырезанные, возвышались над землей, образуя причудливые башни, арки, ступенчатые пирамиды и даже целую стену, слои которой противоречили друг другу, нарушая саму логику камня. Вокруг лежали хаотичные обломки скал, больше похожие на строительный мусор, чем на следы естественного разрушения. Все это создавало ощущение, будто здесь когда-то был древний город неведомой цивилизации, чья жизнь остановилась в самый неожиданный момент.

Картина завораживала и одновременно сбивала с толку. В голове царил полный диссонанс, но странная смесь природы и чего-то разумного манила его так сильно, что, забыв об усталости, он жадно впивался взглядом в каждую деталь. И это стало его ошибкой.

Издав изумленное, почти детское «ох!», он слишком сильно подался вперед. В тот же миг руки, ослабленные усталостью, скользнули по осыпающемуся склону, и он, кувыряясь, словно бочка, покатился вниз.

На этот раз отключиться ему не позволил песок, безжалостно забивший нос, рот и горло. И если бы не жесткий кашель — такой, будто он пытался выкашлять половину пустыни — он мог бы даже порадоваться, что спустился вниз так быстро.

«В-вода...» — беззвучно пошевелил он иссохшимися губами, протягивая дрожащую руку к скалам. — «Там... должна быть... вода...»

Но спасение оказалось ближе, чем он думал. Стоило ему доползти до первого куста, как взгляд его прояснился: толстые, мясистые листья, покрытые капельками утренней росы, оказались пригодны для питья. Жадно он сорвал несколько листьев, забил ими рот и с хрустом зажевал вместе с песком. Затем завалился на спину и с блаженством закатил глаза, смакуя горьковато-сладкий сок и приговаривая что-то нечленораздельное.

Когда первые муки жажды отступили, на него обрушилось непреодолимое желание уснуть прямо здесь. Но солнце, поднимавшееся все выше, уже начинало обжигать лицо, будто печь на медленном огне. Вздохнув, он собрал остатки сил, поднялся и, шатаясь, добрал до стены, сложенной из огромных кубов, отыскал в ее тени узкую расселину и буквально рухнул внутрь.

Мир тут же провалился в темноту — так же, как и первые сутки Испытания.

***

— М-м-м... о-о-х...

Голова была тяжелой, как булыжник, и болела так, словно во сне по ней без усталости колоутили молотком. С усилием он заставил себя открыть глаза, высунуть голову из-под укрытия и взглянуть вверх. Солнце стояло высоко — день был в самом разгаре. Тяжело вздохнув, он, точно вялая ящерица, медленно и неуклюже выполз из своего укрытия, чувствуя, как каждый мускул протестует против этого решения.

— Что это ты там делаешь?

Он резко обернулся. Солнце ударило в глаза, и, прищурившись, он попытался рассмотреть фигуру, возникшую словно из ниоткуда.

— Риксус! — радостно и невнятно пробормотал он, с надутыми, как у жабы, щеками.

Перед ним стоял его одноклассник — чуть выше ростом, худой, но все же не такой худой, как он сам. Из-под банданы выбивались завитки русых кудрей, обрамляя лицо с тонкими губами и хитрыми карими глазами. Кожа была так же обожжена солнцем, и в каждом движении сквозила усталость. Но усталость эта лишь подчеркивала его самодовольную ухмылку, что цепляла, как крючок.

— Так что ты там делаешь? — повторил Рикс, будто наблюдая за чем-то смешным.

Он смущенно опустил глаза, прожевал то, что было во рту, и, с трудом сглотнув, пробормотал:

— Хочешь пить?

Рикс скосил взгляд на мутную лужицу, притаившуюся меж камней и кустов.

— Это ты эту жижу, что ли, пьешь? — спросил одноклассник голосом, в котором смешались отвращение и любопытство.

— Нет, конечно! — возмутился он. — Здесь есть слизи. Они неплохо утоляют жажду...

— Слизни? — Рикс поджал губы и наморщил нос. — М-м-м... нет. Пока не хочу.

— Нет? Тебя что, не мучает жажда?

— Да пока не очень. Напился в оазисе.

— О-о-оазисе?! — чуть не поперхнувшись, переспросил он.

— Ну да, — просто ответил Рикс. — Мы с ребятами там и пили, и купались, и... — он замолчал, заметив пустой, отрешенный взгляд друга. Ухмылка на миг соскользнула с лица, и он с удивлением спросил: — Так ты там не был?

— Ну-у... Сначала я шел ко всем оазисам, которые видел. Но они оказывались лишь миражами. И так как это удлиняло мой путь, я перестал обращать на них внимание...

— Э-э-эх! — с сочувствием покачал головой Рикс, присаживаясь на ближайший камень и наблюдая, как его товарищ разыскивает очередного слизняка. — Мне тоже мерещились миражи. Но пить хотелось так сильно, что я бродил от одного к другому, как осленок за морковкой, даже не думая, удлиняет это мой путь или...

Рикс резко скривился, когда одноклассник с мученическим выражением поднял над собой полупрозрачного слизняка. Тот повис, как огромная сопля из детского носа, поблескивающая на солнце. Несколько секунд он колебался, будто ожидая чуда в виде внезапного дождя, но небеса были скупы на свои слезы. Наконец, он заткнул ноздри, разжал пальцы и, передернувшись, принялся жевать. При виде этого Рикс зажал рот ладонями и согнулся пополам, едва сдерживая тошноту.

— Да тебе памятник нужно поставить... За отвагу. Ну что, как тебе вкус?

Он покачал головой, отказываясь комментировать. Рикс ухмыльнулся, снял с пояса мешочек, сделанный из лоскутов туники, и бросил его другу со словами:

— Наверняка хочешь перебить послевкусие!

Он поймал ткань, с любопытством развернул ее — и изумленно уставился на десяток свежих, ароматных фиников.

— Вот это сокровище! Мне что... можно взять пару штук?

— Нет, конечно. Я дал их тебе, чтобы ты просто полюбовался!

Он посмотрел на друга с кислой улыбкой и бросил один финик в рот. Сладость тут же разлилась по языку, перебивая мерзкое послевкусие слизи.

— Только помни, — предупредил Рикс, — нельзя есть много, когда запасы воды ограничены. А у нас ее, как бы помягче сказать... вообще нет.

Рука, уже тянувшаяся за третьим фиником, замерла на полпути.

— Да... — нехотя согласился он. — Ты прав. Голова и так раскалывается от обезвоживания.

— Значит, мы уже теряем время, — хмыкнул товарищ и, поднявшись, добавил: — Пошли. Нужно найти воду, пока солнце нас окончательно не испекло.

***

— Удивительное место, — восхищенно сказал Рикс, разглядывая ступенчатую пирамиду, поросшую разноцветными лишайниками, мимо которой они как раз проходили. — Нам обязательно нужно будет вернуться сюда после Испытания, чтобы облазить здесь все. Посмотри, сколько интересных мест!

— Оазис... — пробормотал он.

— Что?

— Я спросил: думаешь, все это построено специально для нас?

— Наверняка. Для чего еще им строить такое? Не для красоты же. Хотя... — Рикс еще раз взглянул на пирамиду, — для красоты тоже неплохо получилось.

Так, перебрасываясь короткими фразами, они двигались вдоль рукотворных скал, словно два муравья, случайно забредшие в сад древних титанов. Вокруг не слышалось ни птиц, ни насекомых — лишь их прерывистое тяжелое дыхание и гул шагов по каменистому грунту нарушали величественную тишину этого места.

Постепенно их путь из относительно легкого превратился в процесс преодоления препятствий: приходилось пробираться сквозь завалы обломков, карабкаться по скалам и спускаться по трещинам в глубокие рвы. Но внезапно, когда они взобрались на очередную скалу-башенку, Рикс вскинул руку и радостно воскликнул:

— Смотри!

Внизу, в овраге, густыми пучками росли кустики водяного растения. Спустившись вниз, они вцепились в мясистые листья и принялись жадно выдавливать сок прямо в рот. Жидкость стекала по подбородку, пачкая одежду зелеными пятнами, но им было все равно — каждая капля влаги на пересохшем языке казалась маленькой победой над смертью.

Насытившись хоть чем-то, они двинулись дальше и вскоре уперлись в мрачную преграду — узкий туннель квадратной формы, чьи стены были сложены из гигантских каменных блоков, идеально подогнанных друг к другу.

— Тут нам не перелезть, — разочарованно заключил Рикс, осматривая высокие, гладкие стены, уходящие куда-то вверх.

— И обойти, похоже, тоже... — добавил спутник, хмурясь и оглядываясь по сторонам в поисках альтернативного пути.

— Эх... как же не хочется мне лезть в эту черную дыру...

— Да, мне тоже...

Они кисло переглянулись, словно школьники, вызванные к доске с невыученными уроками, и синхронно вздохнули.

— Ну, вперед... — обреченно сказал Рикс, делая шаг внутрь.

Он последовал за товарищем, и уже через мгновение их обоих проглотила тьма.

***

Густой мрак и узкие стены нещадно давили на нервы, словно они оказались в брюхе громадного зверя. Они шли на ощупь, вскрикивая каждый раз, когда под пальцами что-то приходило в движение, наполняя пространство эхом убегающих ножек.

— Какая гадость! — передернуло его, когда что-то скользкое и холодное метнулось по ноге.

Рикс, отчаянно хлопая себя по плечам, простонал:

— Не понимаю... это у меня мурашки... или сороконожка решила устроить мне расслабляющий массаж?!

— Может, стоило потратить немного времени и сделать факел?

— О, нет, — категорически помотал головой Рикс, словно напарник мог разглядеть этот жест в кромешной тьме. — Даже думать не хочу о том, с кем мне приходится делить пространство.

Как будто в ответ на его слова сверху раздался резкий, пронзительный писк, а следом — гулкий взмах крыльев и звук когтей, царапающих камень.

— Думаю, ты абсолютно прав, — пробормотал он, ощущая, как холодок пробегает по спине.

Время, проведенное ими в тоннеле, казалось бесконечным. Мрачные мысли, подобные тем, что они никогда отсюда не выберутся, то и дело всплывали в голове, не давая покоя.

— Как думаешь, если громко позвать на помощь, нас услышат? — спросил он, пытаясь хоть как-то отвлечься.

— Не знаю, — ответил Рикс. — Но если решишь проверить — предупреди заранее, а то от неожиданности можно и...

— СВЕТ! — вдруг вскрикнул товарищ, и в тот же момент схватился за уши, когда эхо от его крика обрушилось на них, словно удар колокола.

— Я же просил не орать без предупреждения! — прошипел Рикс. — Где? Я не... Ох, да, вижу!

Они бросились вперед, едва не спотыкаясь от нетерпения. Однако радость оказалась обманчивой: вместо долгожданной свободы они очутились в круглой пещере, похожей на дно огромного колодца. Высоко — очень высоко — сквозь многочисленные щели пробивался свет, режущий глаза, привыкшие к мраку. В противоположной стене в темноте тонули сразу несколько проходов, расходящихся в стороны, как лучи от солнца.

— Великолепно, — буркнул Рикс, складывая руки на груди.

Они обменялись взглядами. Лица у обоих были блее мела, губы растрескались, а глаза покраснели от усталости.

— Несмотря на то, что я готов рухнуть прямо здесь, — сказал он, — я бы предпочел еще немного напрячься и забраться наверх, где свет.

— Насчет «немного» — это ты, конечно, размышлял, — хмыкнул Рикс, глядя вверх, где потолок, казалось, не существовало. — Но поддерживаю. Хватит с меня пещер.

И они, словно два упрямых ростка, потянулись к свету. Каменные уступы сменяли друг друга, но каждый раз, достигнув нового, они с тоской осознали: до верха еще очень далеко.

— Кажется, я подтянулся уже раз двести, — пробормотал Рикс, замерев на очередном выступе, чтобы перевести дыхание.

— Если это второй день... — прохрипел он в ответ, тяжело вздыхая. — Страшно представить, что с нами будет к концу недели.

— Я знаю, — усмехнулся Рикс. — Мы доберемся до луны.

— О, такими темпами мы похудеем настолько, что сможем туда взлететь!

Они оба рассмеялись — тихо, нерешительно, но этого хватило, чтобы на мгновение снять напряжение. Когда смех растворился в каменном мешке, они снова принялись карабкаться вверх, морщась от боли при каждом прикосновении к скале.

Наконец, усилие за усилием, вздох за вздохом, покрываясь пылью и время от времени громко чихая, они с трудом протиснулись сквозь узкое горлышко вертикального туннеля и рухнули на каменный пол. Несколько минут они просто лежали, не в силах сделать больше ничего, кроме как дышать.

— Неужели... выбрались? — прошептал он, размазывая пыль по мокрому лбу и осматривая небольшую пещерку, в которой они оказались.

— Ого... смотри! — с неожиданным восторгом отозвался Рикс, указывая на широкое, неровное отверстие в стене.

Они поднялись и медленно подошли к краю, затаив дыхание. Все пространство впереди занимали огромные, уходящие вдаль скалы, будто вырезанные небесным резцом. Их слоистые края, похожие на страницы древней книги, пылали багровым светом заходящего солнца. Глубокие трещины терялись в густых тенях, а между скалами тянулись каньоны такой глубины, что взгляд вниз вызывал дрожь в коленях. Вдалеке, на юге виднелась вершина, укрытая зеленым лесом — единственным живым пятном цвета среди серо-бурого каменного однообразия.

— Так все это время мы взбирались на одну из этих громадин? — удивленно выдохнул он, с трудом веря, что им это вообще удалось.

— Похоже на то, — ответил Рикс, глядя вниз, где извивалось пересохшее русло. — И на это у нас ушла большая часть дня...

Оба тяжело вздохнули, поникнув, словно сдувшиеся паруса, и только ветер свистел в ущельях, нарушая их почти мрачное молчание.

— И все-таки видеть цель куда приятнее, чем ползать под землей, как червяк, — наконец сказал он, стараясь вернуть хотя бы каплю бодрости.

— Согласен, — кивнул Рикс. — Ну что, давай попробуем выбраться отсюда, пока солнце еще не... Ох, ты только посмотри на нас... Словно коты подрали.

Он опустил глаза и увидел, что на тунике зеленые пятна от капель сока переплелись с алыми от крови. Руки были исцарапаны острыми камнями, колени — разбиты.

— Промыть бы все это, пока не загноилось... — пробормотал он, ощущая тяжесть каждой царапины.

— Мечтай, — ответил Рикс с кривой усмешкой.

***

По естественному каменному мостику, что примыкал к пещерке, друзья осторожно добрались до вершины. Соседняя скала стояла всего в дюжине шагов, однако путь к ней преграждала гигантская пропасть. Ничего не оставалось, кроме как идти вдоль края, надеясь найти хоть малейшую возможность перебраться.

— Посмотри на облака, — спустя время сказал Рикс, кивая в сторону запада, откуда к ним приближалась огромная темная туча.

— Вижу, — глухо откликнулся он. — Надеюсь, будет дождь. У меня уже язык еле ворочается.

— Я бы тоже не прочь искупаться, — хмыкнул напарник. — Вот только если скалы намокнут, при следующем подъеме мы слетим вниз, как шишки.

Осознав правоту друга, он посмотрел на небо уже с опаской:

— Выходит, то, что может нас спасти, вполне может и погубить...

Как они и ожидали, через час солнце скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь узкую ленту золотого огня. Вся остальная часть неба почернела, будучи поглощенной надвигающейся тучей. Спустя еще минут десять они добрались до края скалы — и там их ждало разочарование. Пропасть. Снова.

— Метров пять... — прикинул Рикс, но тут же его прервал взволнованный голос друга:
— Там внизу кто-то есть! Смотри, на скалах!

Рикс мгновенно напрягся, всматриваясь в сторону, куда указывал напарник. Скала на противоположной стороне выглядела так, будто ее полоснули гигантские когти, оставив сеть расщелин. Через мгновение его взгляд замер на мальчике, который цеплялся за край одной из них. Видна была только его белобрысая макушка; лицо же было наклонено вниз — туда, где застыл еще один, отчаянно вжавшийся в каменную стену.

— Давай же, Дар! — надрывно крикнул верхний скалолаз нижнему.

— Мириус?! Это ты?! — крикнул Рикс с ужасом в глазах.

Светловолосый поднял голову. Его лицо было изможденным, но при виде товарищей губы растянулись в подобие улыбки.

— Ребята...

— Что случилось?!

— Дариус... Он посмотрел вниз... и теперь не может сдвинуться с места...

— Проклятье... — вырвалось у него. — Нужно как-то помочь!

Он обернулся к Риксу. Тот стоял, молча уставившись в пропасть. Лишь спустя несколько долгих мгновений друг отрешенно произнес:

— Им... не помочь.

— Что? — ошеломленно выдохнул он. — Но мы же не можем просто стоять здесь... *и ничего не делать!*

— А что ты предлагаешь?! — почти с раздражением бросил Рикс. — Даже если мы свяжем наши пояса, их длины не хватит!

— Тогда... надо придумать что-то другое!..

Тем временем снизу раздался слабый, почти умоляющий голос Мириуса:

— Дар! Дар, посмотри же на меня...

Они оба замолкли и устремили взгляды на второго мальчика. Дариус впервые пошевелился и медленно поднял голову. Его лицо, залитое слезами и пылью, было искажено от ужаса.

— Лезь вверх! — прокричал Мириус. — Силы уходят!

— Я... не могу... — покачал головой Дариус.

— Ты должен! — крикнул Рикс почти приказным тоном. — Лезь вверх, иначе полетишь вниз!

Этот резкий, но простой довод неожиданно вывел Дариуса из оцепенения. Его дрожащая рука медленно потянулась к выступу, пальцы сжались вокруг камня, и вдруг — раздался предательский хруст.

— Нет!!! — вскрикнули они в один голос, но было уже поздно: камень сорвался со скалы, и Дариус, потеряв опору, полетел в пропасть.

Время будто замерло. По-прежнему не мигая, трое испытуемых заворуженно смотрели, как Дариус, отчаянно размахивая руками и прерывисто вопя, вопреки всем законам природы не падает вниз, а висит в воздухе, словно пойманный в невидимую сеть. Когда же они подняли глаза — обомлели еще больше.

На другой стороне стоял высокий, широкоплечий мужчина средних лет. Лицо его сочетало мужественную строгость и едва уловимую мягкость, отраженную во взгляде, устремленном на повисшего в воздухе мальчика. Его очерченный подбородок с ямочкой, аккуратные усы и темная щетина контрастировали со светлой кожей; копна вьющихся волос выбивалась из-под серой повязки на лбу; длинный плащ с разрезами по бокам колыхался в порывах ветра, а сама его фигура и даже глаза были объаты ярким пламенем цвета пепла. Мужчина стоял, выставив перед собой руку так, словно держал в ладони невидимое яблоко.

— Брат Левиан!!! — хором воскликнули ученики, и в их голосах смешались благоговение, облегчение и трепет перед явленной мощью.

Левиан медленно поднял руку выше — и Дариус, словно марионетка на незримых нитях, стал плавно подниматься вверх. Когда мужчина опустил ладонь, а его аура растворилась в вечернем воздухе, ученик рухнул на колени рядом с ним, уставившись в свои дрожащие ладони.

— Я... я жив... — выдохнул Дариус, не веря собственным глазам.

— Да. Но твое Испытание завершено, — мягко, но твердо произнес Левиан. Прикрыв на мгновение глаза, член Совета с облегчением выдохнул, а затем приподнял бровь и перевел взгляд на Мириуса, как бы вопрошая, собирается ли он последовать примеру товарища.

Мириус изумленно раскрыл глаза и, не раздумывая, полез вверх, пока не добрался до последней расщелины под поверхностью плато. Убедившись, что второй ученик в безопасности, Левиан склонился к Дариусу, который все еще был бледен, как мел:

— Пойдем. Я доставлю тебя в безопасное место.

— Но... я могу продолжать... — прошептал тот едва слышно.

— Прости, брат, — так же мягко, но непреклонно ответил Левиан. — Испытание — это проверка твоих собственных сил, а не моих. Понимаешь?

Дариус кивнул, склонил голову, и глубокое разочарование исказило его черты.

Тем временем на другой стороне пропасти он, еще минуту назад взволнованный и обескураженный, резко изменился в лице.

— Перебираемся на ту сторону, — произнес он неожиданно твердо.

Рикс, до этого смотревший перед собой стеклянным взглядом, медленно повернулся к нему, как к сумасшедшему.

— И как нам это сделать? Прыгнуть, что ли? — спросил друг с сарказмом.

— Если потребуется, — ответил он без тени улыбки, и ироничная ухмылка моментально слетела с лица Рикса.

— Ты что, решил тоже полетать? Хочешь составить Дару компанию?

Но он не слушал — в голове звенела одна-единственная мысль:

«Луксор не поджал бы хвост на моем месте. Значит — я тоже должен быть храбрым!»

— Не говори ерунды! Давай найдем другой путь! — настаивал приятель, наклоняясь ближе.

— Ты видишь другой путь? — с тихим напряжением отрезал он. — И я не вижу! Я больше не могу терять время! Я пришел сюда не за этим!

— Все ясно... — тяжело вздохнул Рикс. — Спорить бесполезно. Ладно... и как ты собираешься перебраться?

Он задумался, опустив глаза, и спустя миг предложил:

— Давай, как на занятиях — я тебя подброшу.

— Меня?! — изумился Рикс, едва не рассмеявшись. — Это ты прыгать собрался! К тому же... если честно... ты меня даже до середины не добросишь.

— Ну тогда... подбрось меня! — нахмурился он, явно задетый последними словами.

Рикс закатил глаза к затянутому тучами небу:

— Отлично... Вот и узнаем, что сильнее — твое безумие или моя спина. — Он внезапно повернулся в сторону и крикнул: — Брат Левиан! Не уходи! Тут один фанат хочет взять у тебя автограф... прямо сейчас!

— Ты что творишь?! — прошипел он, чувствуя, как вспыхивает от смущения.

— Может, жизнь твою спасаю! — ухмыльнулся Рикс.

Левиан скрестил руки на груди и с любопытством посмотрел в их сторону.

Он сглотнул и отступил назад, отмеряя глазами разбег. Сердце горело решимостью, но ледяной страх уже стягивал грудь, будто невидимой цепью. Пропасьт впереди зияла, словно распахнутая пасть хищника, нетерпеливо ожидающего, пока жертва сама прыгнет в его нутро.

Рикс встал в стойку, опершись ладонями о колено, и сосредоточенно посмотрел на товарища. От напряжения его нога нервно забарабанила по каменистой поверхности.

Первая попытка «на счет три» окончилась неудачей — он резко затормозил в последний момент. Сжав кулаки, попробовал снова — но и тогда замер возле друга.

— Может, все-таки передумаешь? — осторожно спросил Рикс, но он, чувствуя себя трусом под взглядом Левиана и замерших на той стороне друзей, недовольно вернулся на исходную позицию.

«Ну все... в этот раз я точно сделаю это!»

Сердце забилося с удвоенной силой, а дыхание стало частым и резким, будто он раздувал в себе пламя решимости. Мир вокруг постепенно растворился, пока не остался только образ Левиана на той стороне и настойчивый голос внутри:

«Я должен! Должен доказать, что достоин быть среди них! И пусть он расскажет об этом Луксору!»

И вот он сорвался с места, представляя, что бежит по знакомой тренировочной площадке Арете. Оказавшись возле Рикса, он вытянул руку, коснулся плеча друга, поставил ногу ему в сплетенные ладони — и тот, стиснув зубы, со всей силы подбросил напарника вверх.

Он взмыл в воздух. Сердце ухнуло в пятки, а дыхание перехватило. И именно в этот момент, когда следовало думать лишь о приземлении, в голову ему пришла совершенно неуместная мысль. Но, уже начав наклонять тело, взгляд его скользнул туда, где сумерки застилали бездонную пропасть, и страх обрушился с такой силой, что мышцы предали его. Все, что он успел, — прошептать:

— О-о-о нет!

Пыль вихрем взмыла в воздух, когда он, под гримасы товарищей, боком, словно мешок с мукой, рухнул на скалу. На миг ему захотелось просто остаться лежать, чтобы камень поглотил его вместе со стыдом, но взгляды братьев жгли сильнее боли — и он резко вскочил, будто так и было задумано.

— Ты... в порядке? — удивленно и даже немного шокировано спросил Левиан, не ожидавший столь нелепого финала.

— Да-да! Все отлично! Просто равновесие потерял! — выпалил он с нелепой улыбкой, прижимая ушибленный локоть. В этот момент он хотел только одного — чтобы Левиан ничего не рассказывал Луксору.

— Будь осторожнее, — посоветовал наставник, и уголок его губ дрогнул в сдержанной улыбке.

Затем Левиан перевел вопросительный взгляд на Рикса. Тот стоял, растерянно глядя перед собой. Перспективы для него были безрадостными: переправы нет, Левиан вот-вот уйдет, друг, которому удалось-таки перебраться, тоже покинет его, и все, что ему останется, — скитаться по голым скалам в полном одиночестве.

— Ах, чтоб меня! — фыркнул он и, подойдя к краю, крикнул: — Мириус! Готовься поймать меня! Если допрыгну, конечно...

Мириус ухватился за выступ скалы, похожий на клык гигантского зверя, и вытянул руку вперед. Рикс глубоко выдохнул, собрался с духом и побежал. Ветер свистнул в ушах, и через секунду он исчез, скрывшись за краем плато.

— Рикс!!! — хором воскликнули он и Дариус, бросаясь к краю. Но, заглянув вниз, они увидели товарища целым и невредимым. Более того, Рикс довольно ухмылялся, словно только что выиграл спор у самой смерти.

— Обалдеть... — выдохнул он, завидуя храбрости друга. Затем, опомнившись, развязал свой веревочный пояс длиной в метр, лег на живот и свесил конец вниз. Дариус мгновенно угадал его замысел и ухватил за ноги, чтобы не дать сорваться. Через несколько минут с бравадными шутками, пыхтением и ворчанием, все четверо мальчиков уже стояли на твердой поверхности плато, похлопывая друг друга в знак дружеской поддержки.

— Нам пора, — сказал Левиан, кладя ладонь на плечо Дариусу. Тот, вспомнив, что его собственное Испытание подошло к концу, печально склонил голову.

— Эй, не горюй! — тут же подбодрил его Мириус, хлопнув по спине.

— Да, ты был крут! — добавил Рикс с кривоватой ухмылкой, в которой, как всегда, было больше тепла, чем насмешки. — Держался до последнего. Почти до самого низа.

— Спасибо... Удачи вам... — слабо улыбнулся Дариус в ответ.

Левиан опустился на одно колено, жестом приглашая взобраться ему на спину. Дариус послушно обхватил его шею руками, и мужчина, обведя оставшихся учеников внимательным взглядом, ободряюще кивнул. В следующее мгновение его тело окутал мягкий пепельный свет ауры, и, словно не замечая силы тяжести, он одним легким прыжком преодолел пропасть и устремился вдаль, быстро исчезая в сгущающихся сумерках.

— Как же здорово! — выдохнул он, не скрывая восторга.

— Нам бы так... — мечтательно пробормотал Мириус.

— Да уж... Это бы облегчило нам жизнь. Скакали бы, как кузнечики! — усмехнулся Рикс и повернулся к другу, который, несмотря на усталость, не мог скрыть широкой улыбки:

— Рад, что ты все-таки передумал.

— Подумал, что я тебе еще пригожусь, — хмыкнул Рикс и, прищурившись, спросил: — А что это было... Ну, в воздухе?

Он сразу смутился и, кашлянув, пробормотал:

— Сальто... хотел сделать.

Рикс прыснул со смеху так громко, что эхо разлетелось по всему ущелью.

— На тренировках получалось! — попытался оправдаться он.

— Тут тебе не поле с песочком, хвастунишка!

— Да я уж заметил... — проворчал он, потирая ушибленный бок и морщась.

Совсем скоро над их головами разыгралось знакомое чудо. Небо ожило сотнями серебристо-аметистовых узоров, переливающихся и мерцающих, словно живые волны, сотканные из света и магии. Как только скалы засияли призрачным сиянием, несмотря на сгущающийся холод ночи, на сердце у ребят потеплело.

— Каждый раз будто впервые... — шепнул он, завороченно глядя вверх.

— Красота... хоть картины пиши, — согласился Рикс, и троица, в поисках ночлега, двинулась дальше.

Вскоре под поверхностью скалы они заметили расщелину, уходящую вглубь каменной толщи. Внутри оказалось сухо и достаточно просторно, чтобы укрыться от ветра, и они с облегчением спустились внутрь.

— Мы с Даром целый день ничего не ели... — поделился тяжелой участью Мириус, едва передвигая ногами.

— И мы с Риксом тоже... — откликнулся он. — А Дариус, наверное, сейчас за всех нас обедает...

Рикс, растянувшись на относительно ровном месте, устало пробормотал, закрывая глаза:

— Мир, я бы с удовольствием послушал твою историю... но я уже теряю сознание...

— А у меня все равно нет сил что-либо рассказывать... — зевнул Мириус, устраиваясь рядом.

— Жаль, что нет припасов для огонька... — вздохнул он, укладываясь на жесткий каменный пол и моментально проваливаясь в сон.

— Да, и матраса... — едва слышно добавил Рикс сквозь дрему.

— И подушек... — сонно прошептал Мириус.

Так, в глубине темной пещеры, прижавшись друг к другу, словно котятка, они завершили свой второй день Испытания.

***

Казалось, он едва сомкнул веки, как их тут же заставил раскрыть оглушительный шум — будто тысячи разъяренных змей одновременно зашипели прямо у ушей. В следующий миг сверху будто что-то взорвалось, и он затрясся от чьей-то настойчивой руки.

— Вставай! Быстрее, быстрее!

Вырванный из власти сна, он сел, безжизненно уставившись в пустоту. Перед ним вырисовывалась чья-то фигура, постепенно обретшая знакомые черты Рикса.

— Пей, пока есть возможность! — крикнул тот сквозь шум.

— Что будем пить?.. — пробормотал он в полусне, будто стоял в очереди за лимонадом. Но миг спустя, осознав, что сидит в огромной луже, мгновенно проснулся и бросил взгляд к входу.

Снаружи стеной хлестал ливень, пробираясь внутрь пещеры. Резко вскочив, он бросился к друзьям и, как они, распахнул рот, подставив лицо под дождевые струи. Глотки казались сладкими, как мед. Вода стекала по подбородкам, пробиралась под туники, но они не замечали этого — жажда, мучившая их столько времени, наконец отступала. Напившись вдоволь, они переглянулись, и на их усталых лицах, подсвеченных вспышками молний, расплылись довольные, широкие улыбки.

Небо, затянутое черной тучей, то и дело прорезали яркие молнии. Но, несмотря на это, тьма снаружи оставалась густой, как чернила.

— Что будем делать? — пробормотал Мириус, наблюдая за тем, как вода упорно сочится внутрь, затопляя их ночное жилище. — Скоро тут можно будет устраивать заплывы.

— Кажется, там дальше был выступ, — вяло ответил он, ощущая, как усталость снова обрушивается всем своим весом.

— Пойдем, проверим... — зевнул Рикс.

Они углубились в темноту пещеры и действительно наткнулись на каменную ступень, возвышающуюся над уровнем прибывающей воды. На ней, под яростный барабанный бой дождя, они и продолжили свой отдых.

Ночь прошла в обрывках сна. Он то и дело просыпался от раскатов грома, но снова проваливался в беспамятство, пока наконец не очнулся с ощущением, что проспал все на свете.

— Вставайте! — крикнул он почти в панике, прыгнул вниз и с хлопаньем погрузился в ледяную воду по колено.

В пещеру врвался косой солнечный свет. В воздухе витал запах сырости, мокрого камня и страха — страха утраченного времени.

— Так и знал... — проворчал он, выглядывая наружу. — Мы проспали половину дня!

Из глубины пещеры показались товарищи: сонные, помятые, со взъерошенными волосами, словно только что пережили шторм. Жмурясь от света, они подошли к нему и тоже посмотрели в небо.

— Да нет... — пробормотал Рикс. — Сейчас не больше десяти...

— Это все равно слишком много! — с возмущением ответил он.

— Знаю... Но вчера я так вымотался, карабкаясь по этим скалам, что тело просто отказывалось вставать.

— А мне, — выдохнул Мириус, подтягиваясь, — кажется, что я вообще не спал... Только глаза закрыл — и уже утро.

— Ну все! Хватит разговоров! — прервал он. — Пора в путь!

Но, уже приготовившись выбраться наружу, он замер, бросив взгляд вниз. Там, где еще вчера лежало сухое русло, теперь бурлила бешеная лавина воды.

— Отлично! — радостно воскликнул Мириус. — Где вода, там и еда!

— Ага... — хмыкнул Рикс. — Вот только где мы... и где эта вода.

***

Выбравшись наверх, они двинулись вдоль обрыва, поглощенные каждый своими мыслями. Скалы под ногами были мокрыми и скользкими, воздух все еще держал в себе запах грозы, а солнце, то выглядывая из-за туч, то снова прячась за их тяжелыми телами, окутывало мир тусклой серостью.

Вдруг раздался радостный возглас Мириуса, который ближе всех шел к краю:

— Смотрите, что я нашел!

— Надеюсь, местную трапезную... — оживился он, спеша к товарищу.

— Ага, еще чуть-чуть — и сядешь за стол, — усмехнулся Рикс. — Всего-то пять деньков еще потерпеть.

Они подошли к Мириусу. Тот вытянул руку и указал на причудливое змеевидное деревце, цепляющееся корнями за каждый выступ скалы. На его ветвях, в уютном гнездышке, сидела птичка с черным оперением. Увидев друг друга, ребята и птичка замерли.

— Это, конечно, не накрытый стол... — протянул Рикс с легким разочарованием. — Но на закуску потянет.

— Я не буду ее есть, — категорично отрезал он. Рикс, кисло ухмыльнувшись, стал приближаться к краю:

— Птица нам и не нужна. Но под ней могут быть яйца.

При упоминании о пище живот у него громко заурчал, напоминая, что за последние несколько дней его рацион ограничивался лишь листьями, парой отвратительных на вкус слизней и горстью фиников.

Рикс тем временем осторожно ступил на толстую ветку, тянущуюся над пропастью. Дерево жалобно застонало и покачнулось, однако птица, вопреки ожиданиям, не двинулась с места, продолжая пристально следить за нарушителем.

— Да улетай же ты! — шикнул Рикс, размахивая руками, но птица сидела, как прибитая. Тогда он отломил сухую ветку и принялся поддевать ею упрямую хозяйку, стараясь не свалиться. — Ух ты, четыре яйца! — вполголоса сказал он восхищенно, когда птица, возмущенная таким обращением, все же взмыла в воздух. Но едва он протянул руку к гнезду, как разъяренная мать обрушилась на него с неистовой яростью, царапая когтями и норовя попасть клювом в глаза.

— Ай-ай-ай-ай! Да что ж ты творишь, пернатый монстр?! — завопил Рикс, закрывая лицо рукой и отчаянно размахивая веткой.

— Рикс! Держись! — крикнул Мириус и ловко прыгнул на соседний ствол. Пока яростная птица билась с первым нарушителем, он быстро сунул руку в гнездо.

— Хватай скорее и уносим ноги! — прокричал Рикс, пятясь назад по ветке.

— Оставь хотя бы одно! — взволнованно воскликнул он, и Мириус, уже касаясь последнего яйца, на миг замер, а затем убрал руку, оставив его на месте.

— Бежим! — взвыл Рикс и, спрыгнув обратно на скалу, вместе с Мириусом дал деру. Он же посмотрел на мечущуюся над опустевшим гнездом птицу и, чувствуя, как вина давит на сердце, тихо произнес:

— Прости...

Но из слов, однако, не выведешь потомства. И птица, злобно прищелкнув клювом, метнулась в его сторону с такой яростью, что ему пришлось оставить свои извинения и броситься догонять друзей.

Когда Мириус, все еще глубоко дыша, протянул ему маленькое яйцо, он брезгливо поджал губы. Мириус, заметив это, робко пробормотал:

— Мне тоже не по себе, что мы так поступили. Но сейчас... это необходимость. Кто знает, когда еще удастся раздобыть хоть что-то.

— Ты прав... — вздохнул он и неохотно принял яйцо, стараясь не думать о черной птице, которая, должно быть, в этот самый момент оплакивала свою потерю под серым, тяжелым небом.

***

Удача будто решила поддержать их в это хмурое утро. Вскоре они достигли узкой каменной перемишки между утесами и наконец перебрались на другую сторону, что открыло им путь к цели — на юг. Однако, когда первый раскат грома разорвал тишину и вслед за этим заморосил дождь, у них появился новый повод для беспокойства.

— Что ни день, то...

— Испытание, — закончил он за Рикса, ускоряя шаг. — Даже думать не хочу, что нам уготовано сегодня.

— Надеюсь, дальше освежающего душа дело не пойдет, — пробормотал Мириус, косо глядя на чернеющие громады туч.

Через несколько часов ребята оказались на краю скалы, граница которой резко обрывалась. Ниже простиралась сеть ущелий, петляющих и пересекающихся, словно гигантская паутина из камня.

— Неплохая работа, — протянул Мириус, окидывая ландшафт оценивающим взглядом.

— А как же! Для нас старались! — фыркнул Рикс, прижимая кулак к сердцу и стараясь выглядеть невероятно важным. — Чувствуешь, как тянет задержаться здесь подольше?

— Да, сюда бы ребят побольше, и в прятки! — с азартом добавил Мириус. — Вот это была бы игра!

Двое друзей тихо рассмеялись. Он же, стоя рядом, не разделял веселья. Взгляд его был прикован к лабиринту внизу, и мысли крутились вокруг одного — времени.

— Еще одна задержка... — сказал он почти мрачно и, не мешкая больше ни секунды, спрыгнул вниз.

Остальные переглянулись — и нехотя последовали за ним.

Оказавшись в лабиринте, они быстро потеряли ориентир. Высокие стены закрывали собою весь мир, оставляя лишь узкую полоску черного неба, с которой неустанно капал усиливающийся дождь. Коридоры изгибались, закручивались спиралями и заводили в тупики. Раздражение и усталость росли, но сопротивляться этим запутанным путям было бесполезно — оставалось только идти наугад, надеясь на удачу.

Наконец, проплутав несколько часов, они вышли в просторное замкнутое пространство, откуда в разные стороны вело множество коридоров. Первое, что привлекло их внимание, — струйки воды, стремительно стекавшие с одной из каменных стен.

— Вы чувствуете? — спросил он, вдруг остановившись.

— Будто земля под ногами дрожит? — неуверенно ответил Мириус.

Они замерли, прислушиваясь. Шум дождя уже давно стал привычным фоном, но сейчас за ним слышалось нечто другое — низкий, нарастающий гул, от которого вибрировало в груди. И вдруг, как удар молнии, их пронзил леденящий страх, и они инстинктивно прижались друг к другу.

— Это... просто дождь усиливается. Верно? — попытался успокоить себя и друзей Мириус. Однако каждый нерв в их теле уже почувствовал то, что сознание не хотело осознать: что-то надвигалось. Что-то огромное. И смертельно опасное.

Струйки воды вдруг превратились в хлещущие водопады, а позади, из коридора, откуда они пришли, раздался грохот, который мог издавать только дикий поток, несущийся, словно лавина.

— Предлагаю забыть об усталости и... БЕЖАТЬ СО ВСЕХ НОГ! — проорал Рикс, и они тут же бросились в противоположный шуму проход.

Направление больше не имело значения. Важна была только скорость. Подгоняемые первобытным страхом, они неслись по длинному коридору, пытаясь спастись любой ценой.

В какой-то момент он не выдержал и оглянулся. Позади, подобно табуна обезумевших лошадей, за ними мчалась стена воды, пожирая пространство с чудовищной скоростью.

— БЫСТРЕЕ! Бегите... БЫСТРЕЕ!!! — заорал он, пытаясь перекричать рев стихии, но с каждым мгновением расстояние между ними и волной неумолимо сокращалось.

Когда катастрофа уже казалась неизбежной, Рикс, бежавший первым, заметил сбоку узкий проход.

— Вправо! — крикнул он и резко нырнул за угол.

Напарник, не ожидавший такого маневра, едва успел его повторить. На полном ходу он впечатался плечом в камень, развернулся на месте — и в тот же миг, с отчаянным воплем, перед его лицом пронесся Мириус, подхваченный яростным гребнем волны. От этого зрелища глаза у него полезли на лоб, а ноги будто окаменели.

— НЕ СТОЙ!!!

Крик Рикса, полный ужаса, вырвал его из оцепенения, и он снова бросился бежать.

Стихия снова дышала им в затылок, принуждая бежать так быстро, как никогда в жизни. Но и этого было недостаточно. И вот, когда на спины уже падали первые капли, они заметили впереди спасение — корни деревьев, пробившиеся сквозь каменный свод и свисающие вниз толстыми, узловатыми жгутами. В одно мгновение товарищи подпрыгнули, вцепились в них мертвой хваткой — и в тот же миг их по пояс накрыл сокрушительный напор воды.

Риксу повезло ухватиться за целый пучок корней; ему же достался лишь жалкий конец одного корешка, который под натиском потока тут же натянулся, как тетива.

— ДЕРЖИ РУКУ! — крикнул Рикс, протягивая к нему ладонь.

Поток беспощадно хлестал по лицу, бил в грудь, но он все же протянул руку навстречу. Казалось, их пальцы все удлинялись и удлинялись, вот-вот готовые коснуться друг друга... и тут — раздался предательский треск. Корень лопнул, и поток, подхватив мальчика, понес его прочь с обломком корня в сжатом кулаке.

Теперь он был лишь щепкой в лапах безумной стихии. Волны с ужасающей мощью таранили друг друга, тучи извергали дождь, будто копили его веками, а молнии вонзались в пики скал, взрывая воздух таким грохотом, что казалось — наступил конец света.

Он барахтался, пытаясь удержаться на плаву, хватая ртом воздух между ударами волн, но течение было сильнее. Внезапно на его пути возникла плоская скала, и в следующий миг поток буквально впечатал его в камень. Инстинктивно зацарапав скользкую поверхность, он едва успел сделать вдох и подумать о том, чтобы позвать на помощь, как его тут же засосало в туннель под водой.

Как истинный сын острова, чья жизнь с ранних лет была связана с водой, он мог задержать дыхание на несколько минут. Но сейчас течение швыряло и вертело его, как игрушку,

и не прошло и двух минут, как легкие у него начали гореть. Он уже прощался с жизнью, когда поток внезапно вынес его в пещеру. В миг, когда зрение прояснилось, он успел заметить темное небо через полуоткрытый потолок, водопады, хлещущие с поверхности с оглушительным ревом... и водоворот с черной бездонной пастью прямо по курсу.

— А-А-А-А!!! — заорал он от ужаса, отчаянно гребя в сторону от неминуемой гибели. И в этот момент судьба смиловалась над ним: он врезался в заостренный сталагмит, торчащий из воды, и прижал его к себе, будто самое дорогое.

Несколько мгновений он просто жадно глотал воздух. А затем заставил себя действовать. Свет в потолке манил, обещая спасение — и он, перемещаясь от одного сталагмита к другому, вскоре подобрался к углу, где течение было слабее, и начал карабкаться вверх. Вода хлестала в лицо, заливая глаза, но пальцы судорожно хватались за выступы снова и снова.

Однако силы быстро иссякли: руки задрожали, и он замер, тяжело дыша. Но тот, кто не двигается вперед, неизбежно движется назад. Стоило ему остановиться, как мощный напор снова потянул его вниз. Он понял: еще миг — и сорвется.

В отчаянии он обернулся. На соседней стене виднелось что-то вроде узкого природного карниза. Собрав последние силы, он прыгнул, ухватился за мокрый край и с трудом подтянулся. Оказавшись на выступе, он смог лишь обессиленно сесть, свесить ноги в пустоту и, тяжело дыша, смотреть на смертоносный водоворот, что с ревом поглощал все, что осмеливалось приблизиться.

«Одно радует... Меня больше не мучает жажда... Даже больше. Я СЫТ по горло!»

Стена за его спиной была почти гладкой. До отверстия в потолке оставалось всего два метра — но они были так же недостижимыми, как звезды. Оставалось лишь сидеть и вслушиваться в эпическую симфонию воды, грома и молний, что сотрясали пещеру. Но даже когда его мышцы непроизвольно задрожали от холода, он твердо решил, что не станет звать на помощь.

«Ну вот и все... Впрочем, я всегда знал, что так и будет. Я слишком медленный, слишком слабый, и мне вечно не везет...» — печально подумал он, глядя в черную бездну. Он оплакивал свою мечту, товарищей и самого себя — и вдруг сквозь грохот воды и раскаты грома уловил иной звук. Он прислушался — и в следующую секунду закричал изо всех сил:

— Эй! Я здесь! Ау!

Он замер, с надеждой глядя вверх. И наконец услышал отклик: сначала слабый и неразборчивый, но постепенно становившийся все яснее. И вот, на фоне графитового неба из-за линии уступа медленно выдвинулась мокрая голова Рикса.

— Отдыхаешь? — устало спросил напарник, даже не в силах ухмыльнуться.

— Брат! — не скрывая радости, воскликнул он. — Ты живой!

— Живой? Я пока не уверен... Может быть, мы оба... ну, того?

— Конечно... — отозвался он и, кивнув в сторону воронки, с кривой улыбкой добавил: — А это — наш уютный уголок в загробном мире...

Рикс покачал головой, затем снял с пояса спасительную веревку и не без труда помог напарнику выбраться.

***

Когда он оказался на поверхности, ребята по-дружески обнялись, словно нашли друг друга после долгих лет разлуки. Похлопав друга по спине, он с тревогой спросил:

— Ты видел Мириуса? А вдруг с ним что-то...

Он не договорил. А Рикс, будто не в силах больше сдерживать бурю внутри, сорвался на крик:

— За эти три дня я столько раз был на волосок от смерти, что уже сбился со счета! Но сегодняшний день... это просто нечто! Так что я не удивлюсь, если Мириус... Нет, если в конце мы все останемся живы, я буду ОЧЕНЬ удивлен!

Он поджал губы, прекрасно понимая, что друг имеет в виду. Подобные мрачные мысли рано или поздно должны были посетить каждого на этом Испытании. Однако, когда Рикс добавил еще кое-что, сочувствие в его глазах вдруг сменилось глубокой отрешенностью.

— Думаю... нам лучше остановиться. Давай вернемся домой.

Прошла секунда, другая — и вдруг он резко развернулся и молча зашагал прочь.

— Эй, ты чего? — растерянно окликнул Рикс. — Обиделся, что ли?

Он остановился и обернулся. Взгляд его был тяжелым и хмурым, будто он разочаровался в целом мире.

— Я пришел сюда пройти Испытание, — устало, но твердо сказал он. — Если для тебя это не важно — возвращайся.

Рикс замер, ошеломленный.

— Да нет же... Я тоже хочу пройти Испытание. Просто мы с тобой еле на ногах стоим. Если не закончим сейчас, то либо умрем, либо серьезно пострадаем. Они... они делают все, чтобы именно так и вышло.

Он нахмурился, будто не понимая:

— Что?.. Не говори ерунды.

— Ерунды?! — возмутился Рикс. — Ты вообще видел, где мы?! Разве эти скалы и этот лабиринт не доказательства? Но это еще цветочки. Я бы никогда не подумал, что они могут использовать против нас Силу! Все еще не веришь? Думаешь, такие шторма возникают здесь случайно?

Он на миг замялся. Где-то в глубине шевельнулось понимание, но оно быстро сменилось привычной одержимостью.

— Да это не важно. Я должен пройти Испытание.

И снова, без предупреждения, он двинулся вперед. Рикс шумно выдохнул, почесал затылок, постоял еще мгновение, а затем с досадой пробормотал:

— Ну ладно... Пройдусь с тобой еще немного.

К счастью, лабиринт вскоре остался позади. Шторм тоже начал утихать: гром уже не сотрясал мироздание, а ворчал где-то вдалеке, дождь не хлестал, превратившись в терпимую морось, а в сером небе прорезались первые многообещающие просветы.

Продолжая путь, они время от времени выкрикивали имя Мириуса, но в ответ слышали лишь эхо собственных голосов. Наконец, достигнув самого края, оба замерли, забыв на миг обо всем.

Перед ними открылся новый, величественный простор. Справа и впереди тянулись несколько плато — те самые, что уже не первый день проверяли их на прочность. Вода, что еще недавно с яростью рыскала по ущельям лабиринта, теперь собралась в один могучий поток, который с шумом обрушивался вниз с отвесной стены, впадая в реку и делая ее еще более бурной. Слева же, на пологом холме, виднелся густой лес — место, до которого им еще предстояло добраться.

— Красота-а-а... — выдохнул он, не удержавшись перед масштабностью увиденного.

— Смертельная, — хмыкнул Рикс. — Теперь пойдем полюбуемся на нее снизу. Если, конечно, найдем способ спуститься.

Побродив по краю, им не удалось найти иного пути вниз, кроме узкой расщелины, уходящей глубоко в скалу.

— Проклятье... — буркнул он, потирая ладони, которые заныли, словно заранее предупреждая о грядущей боли. — Теперь полдня придется потратить, чтобы слезть...

— А какие варианты? — тихо спросил напарник, и как бы невзначай добавил: — Только вернуться домой к полной тарелке пасты с томатным соусом и мягкой постельке.

— Ага. И к любящим родителям...

— Точно, — улыбнулся Рикс, но товарищ, с мукой на лице, уже начал нащупывать ногой первый уступ.

Несмотря на сотни новых царапин, их спуск, занявший несколько часов, прошел относительно благополучно. Однако бесконечное напряжение вытянуло из них последние силы. Когда они наконец достигли края расщелины, то спрыгнули на пологое подножие плато и, словно неуклюжие лыжники, съехали по грязи до самого основания. А затем — рухнули на спины прямо в грязь, будто решив позагорать под серым морозящим небом.

— Все... — прохрипел Рикс, едва шевеля губами. — Больше... никуда не пойду...

Он хотел возразить, сказать, что нужно идти дальше, но сам лежал, словно парализованный, не в силах пошевелить даже пальцем. Несколько минут спустя, борясь с наваливающейся сонливостью, он слабо выдохнул:

— Кажется, я вижу... огонь.

— Да ну?.. — усомнился напарник.

С тяжелым синхронным стоном, словно два глубоких старика, они приподнялись на локтях. Река шумела совсем близко — всего в сотне метров. За ней возвышалась еще одна громадная скала, край которой опирался на несколько паукообразных каменных опор. Веки слипались, капли дождя попадали в глаза, мешая видеть, но порой казалось, что между каменными арками действительно что-то мерцает.

— И правда... — приободрился Рикс. — Кажется, огонь.

Они переглянулись, и несмотря на то, что каждая клетка их измученных тел умоляла остаться, поднялись. А затем, словно раненые мотыльки, поковыляли в сторону света.

Но сначала им предстояло пересечь реку, вобравшую в себя, казалось, всю ярость небес. Переправа обернулась новым, жестоким испытанием: им пришлось прыгать по скользким валунам, балансируя, как акробаты. Но, в конце концов, промокшие до нитки и выжатые, как старые тряпки, они все же добрались до другого берега.

***

Когда двое друзей, еле живые, вошли под широкий скальный навес, разогретые скалы обдали их приятным теплом.

— Ребята! — тут же раздался радостный возглас.

У небольшого, уютно потрескивающего костра сидел мальчик — еще один участник Испытания из параллельного класса. Короткие, темные волосы спадали на лоб прямой челкой; мягкие округлые черты лица дышали удивительным спокойствием; глаза с теплым, чуть прищуренным взглядом смотрели на мир открыто и приветливо, а легкая улыбка выдавала в нем добродушного и скромного парня. Однако за этой мягкостью скрывалась удивительная мощь: даже при тусклом свете костра в глаза бросалась его крепкая для своего возраста фигура с налитыми мышцами, на фоне которых он и Рикс выглядели как жалкие скелеты.

— Максимус... — устало произнес он, стараясь выразить радость и невольно бросая завистливые взгляды на его мышцы, благодаря которым тот явно легче переносил все тяготы Испытания.

— Скорее, идите к костру, погрейтесь! — позвал Максимус, приветливо махнув рукой в сторону угасающего огонька. — Сейчас подброшу хвороста, у меня еще осталось.

Когда товарищ вернулся из глубины пещеры с охапкой веток, они уже сидели у костра, подставляя ладони долгожданному теплу.

— Вы, наверное, давно не ели, — заметил Максимус, бросив сочувственный взгляд на их изможденные лица, и, подкормив огонь, снова растворился в темноте пещеры.

— Ели?... — пронесся под сводами ироничный голос Рикса. — Я уже и слова такого не помню.

— Да, «ели» — звучит как что-то из сказки, — покривил губами напарник.

Максимум вернулся, неся в руках странный черный жгут. Когда он шагнул ближе, стало ясно, что это — хвост змеи, зажаренной на углях. В тот же момент, уловив запах мяса, друзья едва не согнулись пополам от резкой боли — казалось, желудки сами были готовы вырваться наружу, лишь бы первыми добраться до еды.

— Ешьте, — просто сказал Максимум и, протянув еще теплый кусок, сунул его ему прямо в руку. — Только осторожно, много мелких костей. И простите, что мало... я не ожидал встретить кого-то.

— О чем ты, брат! — оживился Рикс, облизываясь, словно кот, учуявший сметану. — Ты и так для нас словно повар, спустившийся с небес!

— Рад помочь, — скромно улыбнулся Максимум. — Отдыхайте, а мне уже пора.

— Уходишь? — удивился он, нехотя отрываясь от змеи, чем тут же воспользовался Рикс, мгновенно перехватив ее себе.

— Я уже отдыхаю здесь часа два, наверное, — пояснил Максимум. — После пустыни мне пришлось почти весь день карабкаться по отвесной скале. Никогда в жизни так не напрягался. Вот во что превратились мои руки...

Максимум вытянул ладони вперед. Содранная кожа, багровые, налившиеся кровью волдыри — вид был одновременно страшным и красноречивым. Напарники, не сговариваясь, протянули свои ладони — в точно таком же состоянии, и над костром сошлись три пары рук, словно приветствуя друг друга, как члены тайного общества, символом которого были чудовищно израненные руки.

— К вечеру я все же выбрался на поверхность, — продолжил Максимум, щурясь с неприязнью. — Там оказалась пещера, пришлось идти. Никогда не забуду ту тьму... Шел и все время думал, что кружу по одному и тому же маршруту. И тишина была такой, что я не понимал: думаю ли про себя или говорю вслух. — Он на миг замолчал, устремив взгляд в костер. Отражение огня плясало в его серых, усталых, но по-прежнему твердых глазах. — Когда сверху наконец появились отверстия со светом, я был счастлив, как ребенок. Но потом начался дождь, и пещеру стало затапливать. Вскоре поток подхватил меня и показал, что значит настоящая водная горка — только без всякого удовольствия. Когда я выбрался из озера, в которое меня выбросило, натолкнулся на клубок змей. Одну, самую толстую, я и вытащил за хвост. А затем оказался здесь. Немного поспал, а теперь вижу, что дождь стихает, и хочу пройти еще немного, пока солнце окончательно не село.

— М-да... — выдохнул Рикс, старательно выискивая между косточками еще хоть маленький кусочек. — Несладко тебе пришлось. Впрочем, как и нам.

— Угу... — отозвался он, устало кляня носом.

Максимум подошел к одной из каменных опор, взял приготовленную вязанку дров и закинул ее на плечо:

— Я обязательно послушаю ваш рассказ, когда мы все вместе соберемся после Испытания. — Его улыбка была скромной, почти извиняющейся, и вместе с тем — по-домашнему теплой. — А сейчас вам нужен отдых, а не расспросы. Удачи, братья. Берегите себя.

Снаружи Максиму встретилась непрекращающаяся, назойливая морось. Его фигура уже почти растворилась в серой пелене, когда он крикнул ему вслед:

— Брат! Спасибо! И... увидимся на финише!

Максимум обернулся и поднял большой палец вверх. Как только он скрылся за дождем, Рикс с сомнением покосился на друга.

— Ты действительно веришь, что мы дойдем? Мы отстаем от него минимум часов на восемь. А он еще и дрова на себе тащит...

— Не знаю, — с тоской выдохнул он. — Но мы должны сделать все, что в наших силах. — Он лег рядом у ласкового костра, подложив руку под голову. — Сейчас немножко отдохнем... и обязательно догоним Макса... — добавил он едва слышно, и вскоре третий день Испытания

растворился для него во сне — под мерный шум дождя и тихое потрескивание угасающего костра.

***

Он видел Луксора. Тот неподвижно стоял на вершине холма, и его мощный силуэт резко выделялся на фоне угасающего солнца. Сердце бешено колотилось, а ноги казались опутанными невидимым грузом: он изо всех сил пытался бежать быстрее, но тело словно тонulo в вязкой смоле. Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, Луксор отвернулся и молча ушел прочь.

— Нет! — отчаянно закричал он. — Не уходи! Я почти успел!..

— Нет!

Он резко сел, словно вынырнув из ледяной глубины. Лицо мгновенно исказилось мукой, а дыхание стало рваным, будто само тело толкало рыдания наружу.

— М-м-м... Что?.. — донесся сонный голос Рикса, свернувшегося калачиком с другой стороны давно потухшего костра.

— Я... я... — Он огляделся: знакомые каменные стены заливал яркий, почти праздничный утренний свет. — Опоздал?..

— Что?.. — переспросил Рикс, но в ответ по пещере разнесся громкий выдох облегчения:

— Ху-у-ух... сон... — Но уже секунду спустя он резко вскочил, раздраженно воскликнув: — Рикс, мы опять проспали! Нам надо срочно выходить!

— Ты все-е-е-гда-а с утра такой беспокойный? — зевая во всю челюсть, спросил Рикс, но друг, метаясь по пещере, продолжал сокрушаться о потерянном времени.

— Неужели мы проспали весь вечер и всю ночь!

— Я бы еще месяц спал... — сонно отозвался напарник, пытаясь помассировать мышцы ног, которые болели так, будто их проткнули гвоздями.

— Максимус, наверное, уже ушел за три горы!

— Максимус крепкий парень... Не то что мы.

— Да кого это волнует! Вставай же, Рикс! Проснешься по дороге!..

От костра, в который Рикс подбросил последние ветки перед сном, осталась лишь горстка пепла, а от бедняжки-змеи ничего не осталось еще вчера, так что о завтраке можно было не беспокоиться. Сделав несколько глотков дождевой воды из каменных углублений, они выбрались наружу и сразу двинулись в путь.

День выдался на редкость ясный, без единого намека на тучи. От редких кучерявых облаков веяло добродушием, но никак не угрозой. Даже река теперь казалась умиротворенной и более спокойно следовала своим курсом.

— Вот бы весь день был таким, — выдохнул Рикс, подставляя лицо ласковым лучам солнца.

— Как ты там обычно говоришь? «Мечтай»? — вяло улыбнулся товарищ. — Кстати, как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

— Хм. Как будто сам не знаешь.

— То есть... ломит все тело, голова гудит, и, наверное, температура?

— Точно. Добавить можно, убавить — нет.

— Отлично! — с наигранным облегчением бросил он. — А то я уж разволновался, что у меня что-то серьезное...

Некоторое время они шли молча, слушая, как под подошвами сандалий перекатываются мелкие камешки и шуршит песок. Потом Рикс, вспомнив странное поведение товарища, спросил:

— Тебе приснилось, что мы опоздали?

— Вообще-то, я был один. Но да, приснилось. Терпеть не могу эти сны, где бежишь, а ноги вязнут, как в болоте...

— Угу. Тоже не люблю. Особенно когда снится, что я бегу к еде.

— Надеюсь, хоть сегодня мы обойдемся без особых приключений и пройдем приличное расстояние.

— Мечтай, дружище, мечтай... — устало хмыкнул Рикс.

Спустя почти час блужданий между редкими скалами, перед ними наконец открылась новая картина: густой лес, темно-зеленой волной уходящий к самому горизонту.

— Сначала пустыня, потом скалы, теперь лес, — проворчал Рикс, недоверчиво оглядывая стену деревьев. — Что дальше? Океан переплыть? Или, может, прыгнуть с обрыва?

— Я и представить не мог, что эта часть острова такая огромная, — отозвался он с невольным трепетом. — А лес, наверное... лучше скал. Там уж мы точно найдем и еду, и воду, и место для костра...

Примерно через полчаса они шагнули под сень деревьев. Лес встретил их прохладой и мягким рассеянным светом, который пробивался сквозь густую листву. Воздух, напоенный запахами влажной земли и свежей травы, казался невероятно вкусным после сухого зноя пустыни и каменного плена, а пение птиц звучало почти как приветствие. Они обрадовались, решив, что наконец-то их путь больше не будет таким тяжелым, однако уже очень скоро надежда обернулась полным разочарованием. Лес словно только и ждал их доверчивых шагов, чтобы показать свою истинную, враждебную суть. И то, что поначалу казалось легкой прогулкой, быстро превратилось в настоящую борьбу.

Здесьних тварей было не счесть. Одни норовили ужалить, другие — укусить, а третьи — хотя бы напугать до полусмерти, выскакивая из-под ног в самый неожиданный момент. Несколько раз рой диких пчел обращал их в паническое бегство после неудачной попытки полакомиться медом из дупла; куча сухих листьев, выбранная для отдыха, вдруг ожила сотнями мохнатых пауков, заставив обоих вскочить с дикими воплями, а в одном из оврагов трава под их ногами вдруг зашевелилась, обернувшись десятками змей, сплетенных в живой клубок. Даже муравьи здесь оказались ненормально крупными, кусачими и на редкость приставучими. И все это — вдобавок к стелющимся лианам, путающимся под ногами, торчащим из земли корням и густому, душному туману, оседающему на лицах липкой влагой...

***

— Что?.. — спросил Рикс, заметив, что он замер в нерешительности.

— Это так ужасно — отнять чью-то жизнь... — тихо произнес он, глядя на ящерицу, цепляющуюся маленькими коготками за его сжатый кулак. Ее рот был приоткрыт, словно в беззвучном крике.

— А как же слизи? — пробормотал Рикс.

— Это тоже было ужасно, но... это кажется... ну... не тем...

Рикс вздохнул и положил руку ему на плечо. Его голос, вопреки урчанию в животе, прозвучал на удивление мягко и рассудительно:

— Слушай, нас учили, что отнять жизнь — самый ужасный поступок. Но если выбирать, кто умрет — ящерица или мы от голода... то извини, выбор очевиден. Или ты снова хочешь жевать червей? У меня от них уже живот болит... Хотя, может, это они там ожили и уже бурят меня насквозь?!

Рикс пытался шутить, но в голосе звучала настоящая мука. За все время, проведенное в лесу, их единственным источником пищи были лишь белые личинки, которых они выковыривали из гнилых пней, и молодые побеги крапивы. Несмотря на то что эта пища была богата белком, слизь, внутренности и горьковатый привкус превращали каждый кусок в испытание на силу воли и крепость желудка.

— Ну чего ты ждешь? — почти взмолился Рикс. — Ты же сам постоянно твердишь, что у нас нет времени! Просто... возьми камень и сделай это быстро.

Но он не спешил, глядя на ящерицу, которая даже не пыталась сопротивляться. Он думал о том, что внутри этого маленького существа тоже бьется сердце, что по тонким сосудам пульсирует кровь, и что она, так же как и он, чувствует страх и боль. И вот в его голове возник образ: он кладет ее на поваленный ствол и одним движением обрывает ее жизнь. Возможно, она даже не успеет понять, что произошло — что вот она была, а вот ее уже нет. Вдруг перед глазами вспыхнуло другое: он сам на месте ящерицы — маленький, беспомощный, сжатый в чьей-то огромной ладони...

Его пальцы разжались. Ящерица упала в траву и мгновенно исчезла, растворившись в зелени быстрее, чем он мог бы моргнуть.

— Зачем ты это сделал?! — воскликнул Рикс почти в панике, глядя на то место, где только что была их надежда на скудную трапезу. — Мы же столько сил потратили, чтобы ее поймать!

Товарищ уже готов был разразиться упреками, но, увидев его с виновато опущенной головой, стиснул зубы и сдержался.

— Ладно... — тяжело выдохнул Рикс. — Пошли — выковыривать личинок...

***

К концу дня они были совершенно измотаны. Пот струился по их лицам солеными ручьями, губы растрескались, а одежда, бесконечно цеплявшаяся за колючие кусты и сучья, превратилась в жалкие лохмотья. Когда сумерки начали сползать с верхушек крон, обвивая землю густыми тенями, они поняли: пора готовиться к ночлегу.

— Как же мне не хочется спать в этом лесу, среди полчищ пауков размером с мою ногу... — простонал Рикс, едва держась на ногах. — Но идти дальше я больше не могу. Попробуй соорудить шалаш, а я поищу что-нибудь сухое в этом мокром кошмаре. Было бы неплохо обсохнуть у костра, прежде чем эти твари нас сожрут.

Место выбрали неплохое: крошечная поляна, мягко устланная толстым слоем мха. Когда Рикс скрылся в белесом тумане, он принялся за дело, но вскоре понял, что наломать сырых веток у него просто не хватает сил. Тьма тем временем сгущалась, стирая очертания и превращая лес в еще более враждебный мир. Товарищ же все не возвращался.

Подойдя к краю поляны, он крикнул в туман — голос тут же утонул среди мокрых стволов. Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, он сам принялся собирать хворост для костра, но каждая ветка была насквозь пропитана влагой. С досадой отбросив бесполезные палки, он снова позвал:

— Рикс! Ри-икс! Эх, не нужно было его отпускать...

Вдруг кусты на противоположной стороне поляны зашевелились. Тело мгновенно напряглось, готовясь запрыгнуть на ветку, но из тумана вышла знакомая, почти сгорбленная фигура.

— Фух... — выдохнул он с облегчением. — Где же пропадал ты так долго?!

— Повстречал фазана... — едва слышно ответил Рикс. — И тут у меня в желудке разыгралось воображение... Но сколько бы я за ним ни гонялся... в этом тумане... чтоб его... А потом... В общем, хорошо, что я услышал твой голос.

— Ох, да...

— Так что ложимся спать снова голодные... О, как же я устал от этого... дурацкого Испытания!

Он прекрасно понимал друга. Сам чувствовал то же самое: злость, огорчение, уныние и пустоту — и в сердце, и в желудке.

— Не переживай, что не поймал птицу, — сказал он, опуская глаза. — Костра у меня все равно не вышло. Как, впрочем, и шалаша...

— Плохо, но что поделать... — вздохнул Рикс, а потом вдруг попытался изобразить нечто вроде загадочной ухмылки. Получилось жутко. — Идем за мной. Покажу кое-что.

— Куда еще? — удивился он, но Рикс только махнул рукой и растворился в пелене тумана.

Пожав плечами, он последовал за ним и вскоре застыл, не веря своим глазам. Перед ним был куст, усыпанный гроздьями темно-фиолетовой ежевики, чьи влажные ягоды блестели, как самоцветы.

— О, вот это настоящий клад! — обрадовался он, почти благоговейно подходя ближе.

— Ешь, пока не сбежали, — слабо усмехнулся Рикс, первым запуская руку в колючие побеги. — Повкуснее, чем крапива. А потом покажу тебе дерево с красным соком. Помнишь, учитель о таком рассказывал? Им можно обработать раны. Очень кстати, потому что от всей этой влажности и грязи у меня воспалилась каждая царапина.

— Ну и везение... — пробормотал он, набивая рот сладкими ягодами. — Тогда, будь добр, наполни мне ванну. Только так я смогу обработать свои раны, не потратив на это всю ночь.

Насытившись хоть немного неожиданной роскошью леса и обработав раны пахнущим смолой красным соком, друзья вернулись на поляну. Убедившись, что рядом не притаились никакие гладкобрюхие и мохнатоногие гады, они рухнули на мох, прижавшись спинами друг к другу. Никто из них не произнес ни слова. Кончились жалобы, кончились силы, а вместе с ними — и четвертый день Испытания.

***

Небесные волны света медленно расходились от Предела, мягко озаряя Остров. Их сияние ложилось на широкие окна Дома исцеления, превращая здания в сверкающие серебристо-фиолетовые кристаллы.

На исходе четвертого дня Испытания в одном из складских помещений, где царили прохладная тишина и аромат сушеных трав, послышался стук в дверь. Мгновение спустя в прямоугольное помещение, отделанное серым камнем, вошел мужчина. Его мускулистые плечи обтягивал безрукавный плащ, а с пояса, словно вспышка пламени среди холодного сумрака, свисал бордовый кушак.

У дальней стены стояла женщина в белоснежном медицинском халате, погруженная в чтение развернутого свитка. На столиках вдоль стен располагались фармацевтические инструменты, а на полках ровными рядами поблескивали склянки с разноцветными жидкостями и порошками. Услышав шаги, женщина подняла голову.

— Луксор? — в ее голосе прозвучали удивление и легкая тревога. — Кто-то из мальчиков нуждается в срочной помощи?

— Не волнуйся, Эмилия, — успокаивающе сказал член Совета. — Ядовитые укусы, обезвоживание, перегрев, вывихи и переломы — с этим мы пока справляемся своими силами. Жизни мальчиков вне опасности.

Эмилия облегченно выдохнула, и легкая улыбка коснулась ее губ.

Она была молода и красива, с изящными чертами лица, в которых удивительным образом сочетались нежность и решимость — подобно тихой воде, способной точить камень. Идеально подогнанный халат подчеркивал стройную фигуру, придавая облику профессиональную строгость, но не затмевая женственности. Под ним, добавляя в холодную белизну медицины оттенок человеческого тепла, виднелась рубашка глубокого гранатового оттенка с открытым воротником, и почти черные, слегка зауженные штаны. На шее покоился привычный символ ее ремесла — стетоскоп, частично скрытый под мягкой волной волос цвета лесного ореха.

Но главным в ее облике были глаза — светло-карие, почти медовые, насыщенные и невероятно выразительные, обладавшие, казалось, невозможной силой: наполнять покоем исстра-

давшие сердца, вселять веру там, где она почти исчезла, и одновременно очаровывать каждого, кто встретится с их взглядом.

— Тогда зачем ты здесь? — спокойно спросила она после короткой паузы.

Луксор промолчал. С усилием он отвел взгляд от пронизывающих глаз Эмилии, подошел к столу и начал доставать из наплечной сумки пустые баночки, выставляя их одну за другой.

— Я пришел за новой порцией лекарств, — наконец ответил он.

Брови Эмилии слегка сошлись на переносице.

— Медикаменты выдавались вам с большим запасом. С какой стати им закончиться так скоро?

— Обстоятельства, — кротко пояснил Луксор, но Эмилия лишь прищурилась сильнее:

— Луксор... Что ты пытаешься скрыть?

Мужчина приоткрыл рот, собираясь что-то сказать.

— И не смей говорить, что это «дела Совета», — быстро добавила она, и Луксор, на секунду задержав дыхание, лишь шумно выдохнул.

Эмилия скрестила руки на груди и пристально заглянула ему в глаза, отчего могучий Защитник Острова ощутил себя мальчишкой под строгим взглядом матери. И все же он не смог сдержать легкой улыбки, ведь даже в ее самом суровом взгляде было больше очарования, чем угрозы.

— Луксор, — произнесла она без нажима, но настойчиво. — Как одна из тех, кто прошел через Испытание. И как врач, которому жизненно важно знать, чего ждать, — ты обязан рассказать мне, что вы там опять напридумывали.

Понимая, что спорить бессмысленно, Луксор поставил сумку на стол, тяжело опустился на стул неподалеку и склонил голову, упершись локтями в колени. По его напряженным плечам пробежала едва заметная дрожь, и тело, всегда крепкое и собранное, расслабилось — словно он впервые за долгие дни позволил себе почувствовать усталость.

Мгновенно заметив эту перемену, Эмилия быстро нашла нужную склянку, достала пару высушенных листьев и заварила их кипятком из чайника, стоявшего на угольном нагревателе. Когда она протянула Луксору ароматный настой, он поднял голову, сделал глоток и тихо произнес:

— Тебе не нужно объяснять, что значит эта ветвь для всех нас. С самого первого дня ее существования мы искали способ выиграть в борьбе с Энергией. Сначала исключили девочек, затем усложняли маршрут... Но в этот раз Совет решил сделать все, чтобы остались лишь те, кто с наибольшей вероятностью сможет выдержать все тяготы этого пути. До самого конца.

Эмилия села на край стола напротив, не отрывая взгляда от его задумчивого и усталого лица.

— Что же изменилось *на этот раз*? — тихо спросила она с легкой тревогой в голосе.

Луксор не сразу ответил. Его взгляд был устремлен мимо нее, в одну точку на серой стене, словно там была спрятана правда, которую он не хотел произносить.

— В прошлом году до конца первого Испытания добралась половина участников. Половина из них отсеклась на втором. Пятеро погибли уже в Пределе, а еще пятеро, не выдержав нагрузок, ушли сами. — Он покачал головой, и на губах появилась горькая усмешка. — Сейчас же к концу подходит четвертый день. А половина — уже выбыла. Иногда я спрашиваю себя... дойдет ли до конца хоть один?

Эмилия широко раскрыла глаза от смутной догадки.

— Это значит только одно... Вы сделали их путь не просто трудным... а чудовищно трудным.

Луксор отвел взгляд и медленно кивнул.

— Энергия... — выдохнул он, и слово это прозвучало как признание в тяжком грехе. — Мы применяем Природную Энергию...

Эмилию будто окатило ледяной водой. Она застыла, а губы медленно приоткрылись.

— Бедные мальчики... — наконец прошептала она с такой болью, словно речь шла о ее собственных детях. — Им и без того приходится бороться из последних сил, а теперь вы против них еще и Силу применяете?..

Луксор, уловив в ее взгляде неприкрытый укор, молча поднялся, поставил чашку на стол и продолжил заполнять сумку лекарствами.

— Я тоже хотел бы, чтобы все было иначе, — наконец угрюмо произнес он. — Но мы не властны над законами вселенной. А в пределах данных нам правил мы делаем все, что можем.

Эмилия тихо вздохнула. Поднявшись, она подошла к Луксору и стала помогать складывать оставшиеся лекарства. Их руки то и дело соприкасались, и в этой молчаливой работе постепенно рождалось примирение.

Когда все было готово, Эмилия мягко коснулась его руки.

— Прости, — произнесла она мягко. — Я хочу, чтобы ты знал: я не осуждаю ни тебя, ни Совет. Жители сами выбрали свой путь. Однако бремя их решения легло исключительно на вас... и я понимаю, насколько оно невыносимо.

Луксор, не глядя на нее, сдержанно кивнул.

— А я понимаю твои материнские чувства и тревогу за ребят. Так что не нужно извиняться. И пусть утешение слабое, но все же... Если раньше мы не вмешивались в Испытание, надеясь на удачу или счастливый исход, то с этого года мы решили исключать участников по своему усмотрению, не дожидаясь тяжелых последствий.

Эмилия ответила ему слабой, но теплой улыбкой:

— Мудрое решение... Благодаря ему больше матерей дождутся своих детей.

— Да. Как и то, что людей с Энергией станет еще меньше. И защита Острова неизбежно ослабнет.

Она опустила глаза, ощущая всю сложность дилеммы. Ее ладонь все еще сжимала его руку, но Луксор мягко высвободился, закинул сумку на плечо и направился к выходу. Взгляд Эмилии следовал за ним, полный сочувствия, пока его фигура не остановилась в дверном проеме.

— Впервые мальчикам приходится бороться не только с дикой природой, но и — пусть косвенно — с нами, — произнес он, не оборачиваясь. — За это они будут злиться на нас. Но однажды — поймут. Те же, кто пройдут этот путь до конца, станут не просто сильными...

...Они — станут великими.

Глава 4. Сила мечты

— Рикс, проснись! — прошептал он, едва сдерживая панику.

— М-м-м... Что?..

— Тс-с-с! Слушай!

Рикс, словно с тяжелым камнем на голове, медленно поднял ее и прислушался. Лес вокруг дышал мраком и гнетущей тишиной. Голова уже начала клониться обратно к мшистому ложу, когда вдруг неподалеку отчетливо хрустнула ветка.

— Что это было?! — резко прошептал Рикс, округлив глаза.

— Точно не птичка! — пробормотал он, не сводя глаз с темных зарослей. В следующую секунду раздалось низкое фырканье, от которого волосы у них встали дыбом.

— У-ходим... Только... медленно, — почти беззвучно выдохнул Рикс.

Они поползли прочь, чувствуя, как каждое движение отдается громким, предательским шорохом. Не прошло и минуты, как странный звук за их спинами, похожий на рычащее чихание, заставил их кинуться бежать.

Ветки хлестали по лицу, корни цепляли ноги, пока они мчались сквозь непроглядную темноту, останавливаясь лишь на мгновение, чтобы перевести дух и убедиться, что за ними никто не гонится. Однако лес, потревоженный их паническим бегством, будто ожил: совы с возмущением ухали сверху, из кустов доносилось сердитое шипение, а каждый шорох листвы принимался ими за дикого зверя, готового наброситься из засады.

— Я... точно умру... не от зверя... а от собственного сердца! — прохрипел Рикс, спотыкаясь и хватая ртом воздух.

Они неслись, пока дыхание не стало обрывистым и горьким, будто в рот насыпали пепла. Но вдруг деревья расступились — и они вывалились на узкую поляну, разделяющую лес на две половины. Вездесущий туман внезапно рассеялся, будто его и не было, и на востоке, словно первый вздох нового дня, проступила тонкая желтовато-лиловая полоса рассвета.

Рикс рухнул во влажную траву, раскинув руки.

— Еще... один... такой забег... И на Острове станет на одного ученика меньше...

Он молча свалился рядом: у него не было сил произнести и вполтину меньше. Деревья в его слипающихся глазах двоились, а сердце билось где-то в области ушей. В этот момент, посреди враждебного леса, холодный, опустошенный, с пустым желудком и переполненный страхом, он уже не помнил, зачем он здесь.

Чтобы не впасть в уныние и хоть немного прийти в себя, он поднялся на дрожащие, ватные ноги и, слегка шатаясь, пошел по поляне. Через несколько минут прохладная роса на траве чуть пробудила его чувства — и вдруг, словно подарок судьбы, взгляд его зацепился за что-то неожиданное.

— Рикс! Рикс, скорее! Иди сюда!

Спустя минуту, свесив руки и голову, к нему нехотя приплелся Рикс.

— Зачем ты разбудил меня? — пробормотал напарник. — Я так хорошо спал. И представь, мне снилось... снилось...

— Что? — с нескрываемым волнением спросил он.

— Что мне все приснилось.

Несколько мгновений он молча смотрел на друга.

— В таком случае нам пришлось бы пережить эти четыре дня с самого начала, — наконец заметил он без тени радости.

— В таком случае я бы сто раз подумал, прежде чем сюда идти, — криво усмехнулся Рикс. — Ладно. Что ты хотел мне показать?

Он кивнул туда, где среди травы, в тусклом свете восхода робко светились бело-голубые цветочки, словно пригоршни крохотных звезд, упавших на землю.

— Видишь, — ткнул он в них пальцем. — Кажется, это крокусы.

Рикс взглянул на него с легкой насмешкой и почти театральным изумлением.

— Ну ты и романтик... Даже на Испытании умудряешься любоваться природой, будто на пикнике!

Напарник со вздохом покачал головой и, будто цитируя учебник, произнес:

— Крокусы очень любят свет, поэтому в них накапливается много энергии. Съедем — полегчает.

Глаза Рикса тут же вспыхнули жадным огоньком.

— Энергия? Это как раз то, чего мне катастрофически не хватает! Давай быстрее найдем, чем их можно раскопать!

Спустя минуту ветки, превращенные в грубые лопатки, заскребли землю. Вскоре из-под нее показались миниатюрные луковички, блестящие от влажной почвы. Осторожно очистив находку, они промыли ее росой и, переглянувшись, сунули в рот.

— Хм... с кислинкой, — задумчиво оценил он, смакуя непривычный вкус.

— А по-моему, пряный... — счел Рикс, чавкнув с преувеличенным видом гурмана.

Вопреки их ожиданиям, стоило им проглотить несколько луковиц, как по телу будто разлилось тепло, наполняя мышцы свежими, забытыми силами.

— Вот теперь я точно смогу пройти еще целый час! — наигранно бодро заявил Рикс, демонстрируя худенькие бицепсы с преувеличенной самоуверенностью.

— Ты уж постарайся... Я себя-то еле тащу, а уж тебя — тем более.

Друг хмыкнул и, посерьезнев, добавил:

— Итак... Где же мы оказались?

Они подняли головы к небу. Солнце пробивалось сквозь волнистые облака, заливая мир мягким золотым светом.

— Удивительно... — выдохнул Рикс. — Но все это время мы шли в верном направлении.

— Значит, стоит разыскать того медведя и сказать ему спасибо, что он вылез с нужной стороны... — кисло усмехнулся товарищ.

— Медведя? А мне показалось, что это была большая обезьяна...

— Может, и обезьяна. Не разглядел в темноте. Но пусть ей тоже будет спасибо.

***

Впереди тянулся новый лес, поднимающийся по пологому склону. Тумана уже не было, и светлый день рассыпался по земле теплыми солнечными пятнами.

— Не нравится мне этот подъем, — проворчал Рикс, когда над ними уже вовсю сияло полуденное солнце. — Чует мое сердце: в конце нас ждет какая-нибудь скала, с которой придется слазить.

— А мне не нравится... — тихо отозвался спутник, — что все идет как-то слишком гладко.

Утро и правда выдалось на удивление спокойным. Лес в этой части был необыкновенно миролюбив и приветлив. К тому же маленькие цветы наполнили их мышцы силами, благодаря которым путь казался легче.

Однако холм вел их все выше, и вместо мягкой травы на пути все чаще возникали грубые каменные глыбы, будто намекая, что праздник в виде легкой дороги скоро закончится.

Наконец они вышли из леса — и сразу же замерли перед крутым обрывом. Край скалы под тупым углом уходил далеко в стороны, а внизу зияла тридцатиметровая бездна, от которой кружилась голова.

— Ох, Рикс... как жаль, что ты не ошибся, — мрачно произнес он, после чего с разочарованным стоном опустил под ближайшее дерево и прикрыл глаза ладонью. Ему казалось,

что весь мир сговорился против него, ставя на пути одно препятствие за другим. Рикс тем временем продолжал стоять на краю утеса, вглядываясь вдаль.

— Есть хорошая и плохая новость, — вдруг сообщил напарник.

— Хорошая? — недоверчиво переспросил он. — Разве здесь вообще могут быть хорошие новости?

— Хех. Тогда у меня для тебя сразу две хорошие новости, — усмехнулся Рикс. — Первая: здесь могут быть хорошие новости, а вторая: если это не мираж, то впереди я вижу реку.

Он рывком встал, подошел к краю и замер, уставившись в ту точку, куда указывал друг. Вдалеке, среди бескрайнего ковра зеленых крон, действительно сверкал кусочек бирюзы, словно драгоценный камень, заключенный в оправу леса. Вдохновленный этим зрелищем, он невольно улыбнулся и с легкой иронией сказал:

— А знаешь, у меня тоже есть для тебя хорошая новость. Хуже этого обрыва в данный момент нет!

— О-о-о! — наигранно протянул Рикс. — Это лучшее, что я слышал за всю жизнь. А вот тебе еще одна: если мы грохнемся, то выпьемся гораздо раньше, чем планировали.

— Сколько же поводов для радости... — вздохнул он, а затем, отбросив ребячество, снова посмотрел вниз. Пропась как будто врезалась в глаза.

— Еще не поздно передумать и вернуться в лоно нормальных людей, — попытался отговорить его Рикс, но он, как будто не услышав, с мрачной решимостью сказал:

— Отдыхаем пять минут, доедаем волшебные цветочки и выдвигаемся. Если останемся живы — впереди нас ждет настоящий отдых.

Рикс разочарованно вздохнул и нехотя кивнул.

После нескольких минут отдыха они поднялись и с трудом начали разминать ноющие от напряжения мышцы. Каждый нерв их тел кричал о том, что нужно остановиться, но разум напоминал: другого пути нет.

— Ну что, готов? — с выдохом спросил Рикс, подходя к краю. Ответом ему были слова, сказанные очень серьезно:

— Неизбежное можно только победить.

— Тогда вперед, философ!

Они встали лицом к лицу, схватились за предплечья и пристально взглянули друг другу в глаза.

— Желаю успеха, брат, — кивнул Рикс.

— И тебе, брат. В любом случае... встретимся внизу.

Немало препятствий преодолели они вместе, протягивая друг другу руку помощи, но здесь, у края бездны, каждый оставался один на один с собственным умением и удачей. Разойдясь в стороны, каждый из них сосредоточился на поиске наименее опасного пути, внимательно осматривая каждый сантиметр скалы. Солнце било в глаза, скала отливала медью, а пропасть внизу, словно насмехаясь, дразнила острыми ощущениями.

Наметив маршрут, он завернул изорванный край туники под пояс, превратив его в грубый кармашек, и положил туда несколько горстей сухой пыли. Затем он глубоко вдохнул и поднял глаза к небу, пытаясь усмирить сердце, бьющееся, как пойманная птица.

«Ну что ж...» — выдохнул он, собравшись с духом, и, повернувшись спиной к пропасти, начал медленно спускаться. Вскоре он ощутил, как сила притяжения стала действовать на него гораздо сильнее.

Он двигался медленно, почти как улитка на стекле, останавливаясь при каждой удобной возможности и позволяя себе короткий выдох-передышку. Пот стекал по спине, щекоча кожу, рот пересыхал от частого дыхания, а руки поочередно ныряли в импровизированный карман,

растирая пыль во влажных ладонях. Лишь затем он снова двигался дальше, отдавая себя во власть умения, рефлексов и крепости равнодушного камня.

И вдруг — скала под ногами резко оборвалась. Он застыл, почти вгрызшись пальцами в шероховатую поверхность до боли.

«Что делать?! Что делать?!» — заметалось в голове, и тут память подсказала слова наставника: «Когда страх готов парализовать, сохрани голову холодной: пусть весь жар уйдет в действие, а не в панику».

Стиснув зубы, он сжал волю в кулак и осторожно спустился еще ниже, повиснув на одних только пальцах. Скала в этом месте резко уходила вглубь, как будто кто-то вырвал из нее кусок. Нижняя часть выемки оказалась неровной: сначала круто наклонялась вниз, превращаясь в гладкую горку, а затем снова переходила в вертикальную стену, возвращаясь к исходной линии скалы.

«Ох... пусть мне повезет! Но только не так, как обычно!»

Он глубоко вдохнул, раскачался и нехотя разжал пальцы. Ноги коснулись наклонной поверхности и тут же, не в силах затормозить, понесли его к краю. В последний момент он ухватился за выступ, напоминающий клык, крутанулся в воздухе над самой пропастью и замер, крепко прижавшись к спасительной опоре всем телом.

Когда он осознал, что безумный трюк удался, из груди вырвались сдавленные смешки, в которых звучали и торжество, и нервное потрясение. Но улыбка в ту же секунду сменилась озадаченным выражением: камень под ладонями внезапно завибрировал.

«Землетрясение?!»

Мысль обожгла, как крутой кипяток, и он, не тратя ни секунды, с удвоенной скоростью ринулся вниз, рискуя сорваться. Через пару мгновений сверху посыпались мелкие камни, ударяя по голове и рукам. Он вжался в скалу, почти перестав дышать, и бросил отчаянный взгляд вниз: до земли оставалось не более десяти метров. Испытывая колоссальное напряжение, он спустился еще на пару метров, но в следующий миг скалу потрянуло с такой силой, что пальцы сами выскочили из трещины.

Дыхание застыло, ужас пронзил разум насквозь, но тело, закаленное сотнями тренировок падений, сработало быстрее мысли. Он рефлексивно развернулся, словно кошка, оттолкнулся ногами от скалы и полетел вперед, протягивая дрожащие ладони к ветке ближайшего дерева. В следующий момент он всем весом оперся на нее грудью и руками, и сердце воспарило от ощущения непобедимости. Но радость обрушилась так же резко, как и сама ветка — и он, не выпуская ее из рук, рухнул вместе с ней.

Удар о землю выбил воздух из легких. Тело взорвалось болью, а мир перед глазами потемнел. Он скорчился в клубках поднявшейся пыли, пытаясь сделать хоть один крошечный вздох под градом сыплющихся сверху камней.

Минуту спустя дрожь наконец стихла. Он втянул в легкие первый жадный, но болезненный вдох и с перекошенным от боли лицом мысленно прошептал:

«Я же просил... не так, как обычно...»

— Живой? — слышался знакомый голос.

— Жи-вой? — прохрипел он. — Не уверен...

Со стоном приподнявшись на дрожащих руках, он увидел Рикса, который хромал к нему, вытирая ладонью кровь с рассеченного лба.

— Вот ведь напасть... — жалобно запричитал напарник. — Все шло как по маслу, и тут прямо на последнем метре прилетело... Ох, бедная моя черепушка... Да еще грохнулся прямо на камень...

— С целого... метра? — переспросил он с преувеличенным удивлением.

— Ага! — почти гордо заявил Рикс. — Но я сам виноват. Слишком долго подставлял лоб судьбе.

— Зачем же ты так... — пробормотал он, поднимаясь с помощью товарища и опираясь на его шею.

— Да мне показалось... Хотя, галлюцинации, наверное...

— Нет уж, скажи... что ты там увидел?

— Кажется... великана.

Он с подозрением уставился на друга, прижимая ладонь к ноющей груди.

— Великана? Так это была скала... прямо перед твоим носом.

— Да, конечно... — хмыкнул Рикс, тоже забрасывая свою руку ему на шею. — А еще я видел забор из верхушек деревьев и дождь из камней.

— И ветки из глины...

Пошатываясь, как два тяжелобольных, напарники потащили друг друга к реке, мерцающей бирюзой сквозь стройные стволы. Лес вокруг шумел листвой, словно сочувствуя их бедам.

— Так что за великан? — снова спросил он.

Рикс чуть помедлил, а затем с усилием сказал:

— Здоровенный такой, с огромными мышцами. Как будто вырезан из тех же скал...

Он резко замер и обернулся к вершине, с которой только что чудом спустился. Там, конечно же, было пусто.

— Ты Масона имеешь в виду?!

— Его самого.

— Следил, чтобы мы не упали?

— Хех... — криво усмехнулся Рикс. — Какой же ты догадливый. Масон... землетрясение... Складываешь?

— Ты... ты что... Хочешь сказать... что это он устроил?!

— Ничего я не хочу, — шагнул Рикс дальше, увлекая его за собой. — Я даже не уверен, что видел его...

— Да быть не может. Хотя... когда я видел, как хлещут волны по поверхности плато, тоже говорил себе: «Такого не может быть».

— Вот-вот.

— А еще... — тихо добавил он, — кажется, я видел кого-то в пустыне...

***

После изнурительного спуска товарищи уже в который раз чувствовали себя на грани. Каждый шаг отзывался ноющей болью во всем теле, и если бы не плечо товарища рядом, они давно бы пали от изнеможения. Но, заслышав звонкое журчание воды, ребята невольно ускорили шаг и наконец вышли к краю леса.

Перед ними, словно награда за все мучения, раскинулся песчаный полуостров, омываемый мирной, бирюзовой рекой. По воде неспешно катились легкие волны, искрясь в золотистых лучах предзакатного солнца на фоне стены из темно-зеленых елей. Этот вид, по их безмолвному мнению, был настолько прекрасен, что на их изможденных лицах впервые за долгое время появились довольные улыбки.

— Кто последний... тот второй! — пробормотал Рикс, и они, кривясь от боли, захромали наперегонки, больше похожие на стариков, чем на мальчишек. Но только стоило им броситься в реку, как вся усталость тут же отступила. Прохлада обняла их, смывая пот, грязь и страх, и, забыв на миг об Испытании, друзья счастливо засмеялись.

Вдоволь накупавшись, оба выбрались на берег и рухнули на теплый песок, ощущая, как тела начинают расслабляться, словно струны, освобожденные от напряжения. Лишь когда веки начали сами собой смыкаться, Рикс с невероятным трудом заставил себя подняться.

— Нужно заняться ужином, иначе я усну до следующего года. И не волнуйся — я поохочусь сам.

Пока товарищ нырял с самодельным гарпуном, он смастерил из веревки пояса вращательный механизм и принялся терпеливо добывать огонь. Лоб покрылся испариной, мышцы в руках свело, но наконец из трута вырвался робкий огонек, которому он был рад, как самому родному существу на свете.

Вскоре Рикс вернулся с крупной рыбой, нанизанной на копье, и с нескрываемым триумфом водрузил свою добычу рядом с костром.

— Вот то, что поможет тебе не умереть с голоду и добраться до финиша, — произнес товарищ с преувеличенной важностью.

— Когда дойду, — ответил он устало, но с теплотой, — я помяну эту рыбу добрым словом. Как и тебя, мой брат.

Затем они вместе притащили большой плоский камень и установили его над огнем, чтобы он как следует прогрелся, превратившись в подобие сковороды. Рикс снова отправился к реке, а он стал бродить вдоль берега, намереваясь соорудить фильтр для воды. Но, заметив камень необычной формы, похожий на чашу, решил, что это будет гораздо удобнее. Зачерпнув им воды, он поставил камень на край костра, чтобы прокипятить жидкость.

Когда напарник вернулся с еще одной рыбой, на его губах красовалась усталая, но невольно довольная ухмылка.

— Сегодня будем спать сытые! И завтра, представляешь, не останемся без завтрака!

Вместо ответа напарник с легким волнением поднял взгляд к небу, вытянул руки вперед и расположил ладони между линией горизонта и солнцем, прикидывая время. Рикс, заметив это, проворчал:

— Только не говори, что собираешься еще куда-то идти сегодня.

— До заката еще часа три... — начал он, но Рикс решительно не дал договорить:

— И все это время мы будем готовить и жевать! А потом, с полным животом, тебя сморит такой сон, что ты упадешь и будешь храпеть так, что все рыбы в реке оглохнут. Сам знаешь, как это бывает!

— Знаю... — нехотя признал он. — Но я не могу перестать думать о времени. Осталось два дня. Два, Рикс. А дорога тянется и тянется без конца. Я боюсь... мы не успеем.

Собеседник поджал губы, понимая, что дежурные утешения здесь бесполезны. Но, наблюдая, как стремительно мрачнеет настроение друга, все же попытался найти нужные слова:

— Послушай. Мы с большей вероятностью провалим Испытание не из-за того, что опоздаем, а от того, что свалимся от усталости. А вдруг впереди еще одна скала? Готов снова висеть на пальцах? Раз уж мы наткнулись на это чудное местечко, надо воспользоваться шансом и как следует отдохнуть. Ведь это первый нормальный привал за все пять дней! Да и вообще... мы сегодня полночи бежали!

Не имея аргументов, чтобы возразить, он тихо, будто сдаваясь не только другу, но и собственным сомнениям, признал:

— Да, ты прав... Но тогда следующие два дня мы будем идти без остановок и, если понадобится, даже ночью.

— Идет, — победоносно ухмыльнулся Рикс. — А теперь — пора позаботиться о мягкой постели!

Ночь обещала быть теплой и сухой, а потому тратить силы на возведение шалаша не имело смысла. Положив рыбу на раскаленный камень, они сгребли под себя побольше мягкого песка и, больше не заботясь ни о чем, стали ждать, когда приготовится их завтрак, обед и ужин.

Огонь танцевал, словно живая река света, в то время как ночь постепенно сгущалась. В костре было все: тепло, уют и ощущение, что мир наконец-то перестал быть препятствием и хоть на миг стал домом. Наблюдая за завораживающими изгибами пламени, его веки начали наливать тяжестью, и он уже почти погрузился в сон, когда голос Рикса прорвался сквозь манящую дремоту:

— Эй! Ты серьезно собираешься спать без ужина? Все готово, налетай!

Запах жареной рыбы ударил в нос, и желудок отозвался грозным урчанием. Когда от рыб остались только чистые косточки, наступил черед долгожданной воды. Камень-чаша к этому времени успел остыть, и каждый глоток кипяченой влаги был почти блаженством.

— Неплохо мы устроились, — с довольным, сытым видом произнес Рикс, вытянувшись на своей песчаной кровати.

— Да-а-а, — протянул он, поглаживая благодарный живот. — Все благодаря учителю Беарусу. Он, оказывается, нас не только мучил, но и по-настоящему спасал.

— Это точно, — согласился Рикс, и вдруг громко захохотал. — А помнишь, как он притащил высохший слоновий помет, разломал его пополам и начал выжимать из него воду?!

— Хех! Конечно. Он тогда сказал: «Не очень вкусно, но зато жидкость!»

Оба рассмеялись. Но вдруг, резко притихнув, посмотрели друг на друга с одинаково испуганными глазами.

— Нам ведь... не доведется попробовать такую воду? — спросил он.

— Ты прямо читаешь мои страшные мысли... — поморщился Рикс.

Вскоре над ними разлилось багрово-золотое небо заката. Тени от елей стали длиннее, костер трещал все веселей, а настроение незаметно сместилось в сторону тихой откровенности.

— Ну, например? — спросил Рикс, не отрывая взгляда от красных полос облаков.

— Давай без примеров... — пробормотал он, но друг не отступил:

— Ты сказал, что у тебя сложные отношения с родителями. Но без примера мне сложно понять, что ты имеешь в виду.

Он тяжело вздохнул, словно собираясь прыгнуть в ледяную лужу грязи.

— Ладно... Например... отец заставляет меня убираться и раскладывать вещи по местам. Вечером приходит мама и начинает ругаться, что ничего не может найти. В поисках нужной вещи она снова все раскидывает, а потом возвращается отец... и снова орет на меня, что я ничего не убрал.

Рикс тихо хмыкнул, но взгляд оставался удивленно-озадаченным.

— Или вот. Отец делает что-то по дому. Но когда появляется мама, она заявляет, что он совсем не учитывает ее мнения. Он отмахивается, говорит, мол, не ее ума дела. Сначала они ругаются, а потом... отец начинает пить свою мерзкую «воду».

— «Воду»? — приподнял бровь Рикс.

— Да. Он сам готовит какую-то вонючую жидкость. Я однажды попробовал... — он с отвращением передернул плечами. — Гадость! Отвратительная.

— И твой отец... ее пьет?

— Постоянно. И после этого становится только хуже...

— Хуже?..

— Да. У него начинает заплетаться язык, и он начинает лезть ко мне сначала с разговорами, а потом — с упреками. Говорит, что я занимаюсь «не теми вещами», что не провожу с ним время. Иногда он с яростью ломает вещи, иногда орет, что все вокруг против него, а иногда... иногда жалуется, что его никто не любит.

Потрескивание костра вдруг стало слишком громким, заполнив повисшее молчание. Пламя металось, словно возмущенное его словами.

— Ты извини... — осторожно сказал Рикс. — Но звучит так, как будто он... сошел с ума.

— Я тоже так думаю, — тихо ответил он, наблюдая за пляской огня. — Но ведь он становится таким, только когда пьет. А до этого... он просто сердит и мрачен.

Рикс молча лежал на спине, разглядывая усыпанное звездами небо. Лицо его было настолько ошарашенным, словно кто-то только что подтвердил ему, что на одной из этих ярких искорок действительно живут зеленые человечки. А он, почувствовав, что наконец нашел того, кто готов выслушать его накопившуюся боль, продолжил:

— Но хуже всего... когда родители начинают ругаться. Кричат друг на друга, оскорбляют... иногда даже... бьют друг друга.

Рикс распахнул глаза еще шире.

— Иногда мне самому хочется кричать на маму из-за ее противоречивости. Сначала она говорит: «Ты должен быть самостоятельным», а как только делаю что-то сам, тут же упрекает: «Почему не спросил меня?!» Но мама, конечно, это вообще отдельная песня.

Он внезапно осекся, словно испугавшись слишком откровенных слов. Рикс молчал, и это навело его на горькую мысль, что он зря выплеснул свои переживания. Несколько томительных мгновений между ними висела пауза, но наконец Рикс заговорил, и в его тихом голосе звучало искреннее, глубокое сочувствие:

— Сурово, друг... Очень сурово... Я даже представить себе такого не мог. Так вот почему ты всегда выдумывал странные отговорки, когда мы с ребятами хотели заглянуть к тебе в гости.

— Ну да... — безрадостно усмехнулся он. — Однажды я привел кое-кого, так отец стал орать на меня прямо при нем. Было так стыдно, что я обещал себе больше никого не приглашать.

— М-да... — вздохнул Рикс, виновато опустив глаза. — Только вот никто из нас этого не знал. Мы обижались. И я... тоже.

— Я заметил... — тихо ответил он. — Никто не хочет общаться со мной.

— Чепуха! Мы перестали тебя звать гулять не поэтому, а потому, что ты все время отказывался и уходил по своим делам!

— Конечно, уходил! Тренироваться! Уж теперь ты должен понимать, почему для меня так важно пройти это Испытание. Ведь только так я смогу вырваться из дома раньше времени.

Под темнеющим небом, где одна за другой загорались новые звезды, снова воцарилась глубокая тишина. И в этой тишине, нарушаемой лишь потрескиванием дров и журчанием реки, Риксу вдруг вспомнились все несправедливые слова, что он когда-то говорил за спиной одноклассника. Ему стало стыдно — мучительно стыдно за то, как легко он судил, даже не пытаясь заглянуть под маску, за которой пряталась настоящая боль.

— Неужели ты и правда тренируешься каждый день? — наконец спросил товарищ, все еще с трудом переваривая услышанное.

— Каждый. День, — отчеканил он ответ, в котором слышалась усталость многих лет.

— Ясно... — Рикс потер лоб и неловко усмехнулся: — Знаешь, а я ведь всегда думал, что ты просто вредничаешь. Строишь из себя особенного. Прости. Я был неправ.

Он едва заметно улыбнулся, но глаза остались печальными. Затем неожиданно спросил:

— А для тебя?

— Что — для меня?

— Этот путь... что он значит для тебя?

Рикс растерянно уставился в костер, после чего перевел взгляд на звезды, будто надеясь, что они подскажут правильный ответ.

— Хех... ну, это... кажется потрясающим. Обладать Силой... такими способностями... Уметь делать то, что обычным людям даже не снилось.

— Вроде того, как Масон высек пирамиду из глыбы скалы, а Левиан перенес ее на территорию Арете, словно игрушку?

— Да-а, что-то вроде этого! — улыбнулся Рикс с мечтательным огоньком в глазах.

— А помнишь, как в город забрел лев? Луксор тогда носился вокруг него, пока у того не закружилась голова и он не уселся на задние лапы, словно котенок?!

— Ха-ха-ха! Ну как же! Это было одно из самых смешных зрелищ в моей жизни! Мы тогда наблюдали за этим с крыши и потом еще придумывали, какими способностями хотели бы обладать. Я выбрал полет, а ты...

— Пускать паутину из рук.

— Точно! Только я до сих пор не понимаю, зачем тебе это?

— А ты попробуй поймать сбежавшую курицу — сразу поймешь! — отшутился он, и оба рассмеялись.

Но вскоре его лицо снова стало серьезным. Он поднял глаза к небу и с легкой мечтательной улыбкой тихо произнес:

— Я восхищаюсь ими, Рикс... И хочу стать таким же сильным, чтобы помогать людям и оберегать нашу общину, как они. А еще... — продолжил он еще тише, будто боялся, что их могут подслушать, — я хотел бы, чтобы кто-нибудь смотрел на меня с таким же восхищением, с каким я смотрю на них. Ведь они... они... идеальны.

Рикс слегка покривил губами, испытывая смущение от собственных банальных слов и одновременно глубокое уважение к товарищу, который поставил перед собой такую высокую цель.

— Красивая мечта. Но... ты ведь знаешь, как мало тех, кому удастся обрести Энергию?

Его сердце кольнуло. Конечно, он знал. На всем Острове лишь немногие владели Внутренней Энергией, а обладателей Природной можно было пересчитать по пальцам.

— Да, я понимаю... Такому слабаку, как я, это не светит.

— Я не то имел в виду... — слегка смутился напарник. — Я хотел сказать, что не знаю никого, кто был бы так одержим этой целью, как ты. Просто... не хочу, чтобы ты в конце разочаровался.

Он неожиданно улыбнулся:

— Знаешь, Рикс... А ведь я никому никогда не рассказывал об этом.

— Ну, тогда спасибо за доверие, — мягко усмехнулся товарищ.

— Нет, это тебе спасибо. Я не думал, что обрету такого друга, как ты... — Его голос становился все тише, все более сонным. — Я давно... ни с кем так не разговаривал...

— Я то-о-о-оже... — зевнул Рикс, зажмурив глаза. — Ох, извини. Да, я тоже рад. Обещаю помогать тебе, чтобы ты... обязательно дошел... до цели...

— Спасибо... брат, — прошептал он одними губами, вырвавшись на миг из зыбкой дремоты.

Через несколько мгновений они оба мирно посапывали. Теплая ночь окутала их мягким покрывалом, и вместе с языками пламени, таявшими в темноте, навсегда канул в вечность пятый день их Испытания.

***

Перед ним стояла тарелка с жареной картошкой — подгоревшей по краям и блестящей от обилия масла.

— Я же просил мятую... — недовольно пробормотал он, отбрасывая вилкой обугленные кусочки. — От всего этого жира у меня изжога.

— А я тебе сказала, хочешь мятую — готовь сам, — отрезала мать, макая ломтик в густой соус.

— У меня была тренировка...

— Твои тренировки мне неинтересны. Ешь, что дают, или готовь сам. Не маленький уже.

Он недовольно проткнул вилкой кусочек картошки и, положив его в рот, изобразил такое отвращение, что позавидовал бы любой профессиональный актер.

— Фу! Ну зачем же столько масла?!

— Мне так больше нравится, — последовал ледяной ответ.

— Буэ-э-э... — протянул он, высунув язык, как будто перед ним был не ужин, а смертельный яд.

— Так! — начала терять терпение мать. — Не хочешь есть — вон из-за стола!

Он отодвинул тарелку от себя и демонстративно скрестил руки на груди.

— Хочу, только не это...

— Ты дашь мне спокойно поесть или нет?!

— Ты же мне не дала!

Веко матери нервно дрогнуло. В следующее мгновение она схватила его тарелку и швырнула в раковину. Раздался звон — керамика разлетелась на осколки, а масло желтыми брызгами заляпало стену.

— Ты... знаешь... кто? — медленно, с хищным шепотом, проговорила она, наклоняясь к нему через стол. — Урод!

Даже в этот момент еле сдерживаемого гнева его мать оставалась поразительно красивой женщиной. Тридцать пять лет лишь подчеркивали изящество ее лица: утонченные скулы, ровный изгиб ярко-алых губ, густые пепельные волосы, собранные в высокий пучок с выбивавшимися прядями, и те самые глаза цвета дождевого неба, которые могли мгновенно согреть нежным светом — или пронзить ледяным, безжалостным взглядом.

Когда-то он знал ее другой — любящей, ласковой, той, что читала ему вслух перед сном и оставляла записки с добрыми словами на столе. Тогда он постоянно тянулся к ней, покрывая мягкие щеки сотнями поцелуев. Теперь же воспоминания об этом вызывали лишь глухое раздражение, ведь вся прежняя нежность давно уступила место усталой, вечно раздраженной, чужой женщине.

Эти перемены не могли не сказаться на их отношениях. Когда семейные связи начали рушиться по непонятным для него причинам, он был вынужден приспособливаться и выстраивать новую систему общения. И если с отцом он научился быть тихим и покорным, то рядом с матерью позволял себе испытывать ее терпение на прочность. Из-за этого почти каждый их разговор превращался в ссору, а порой и в самый настоящий поединок.

— Сама такая! — выпалил он, и воздух на кухне в тот же миг стал тяжелым, как перед сокрушительной грозой.

— ЧТО?!

Глаза матери вспыхнули ярче пламени в печи. Она поднялась из-за стола и двинулась на него с такой угрозой, что он, не выдержав этого натиска, опрокинулся на спину вместе со стулом. Беспомощно махая руками и ногами, как перевернутый жук, он понимал, как жалко выглядит сейчас. Но именно эти хаотичные движения помогали ему отбиваться от яростных ударов.

Когда мать осознала, что физическая сила не дает результата, она обратилась к своему самому страшному оружию, которое всегда использовала лучше любого удара: словам.

— С отцом ты так не разговариваешь! При нем смиренный, как ягненок!

— Ты тоже! — парировал он.

В ее глазах вспыхнул настоящий гнев. Он понял: оставаться на месте больше небезопасно. Вскочив с неожиданной прытью, он вырвался из кухни, юркнул в темный чулан, схватился за ручку двери и изо всех сил потянул ее на себя. Страх придал ему такую силу, что, как бы мать ни дергала дверь, ей так и не удалось ее открыть.

— Открой дверь, — раздался снаружи ее голос — спокойный, но от этого еще более пугающий.

— Нет!

— Открой. Дверь.

— Нет!

— Ну тогда... сиди тут!

Щелчок защелки прозвучал громче любого крика.

— Не-е-е-т! — завопил он, забарабанив кулаками по древесине. — Не закрывай меня здесь!..

Но тьма уже сомкнулась вокруг него — густая и вязкая, как то самое масло в злополучной картошке, с которой все и началось.

***

— М-м...

Он приоткрыл глаза и затаил дыхание. Вокруг царила тишина. Лишь журчание реки и ровное дыхание Рикса напоминали, что мир все еще живет своей обычной жизнью. Убедившись, что сегодня им ничего не угрожает, он перевел взгляд на тлеющие угли костра, подобростил сухих веток, улегся на спину и устремил глаза в усыпанное звездами небо.

«Ну вот... поговорили... и сразу приснилось», — вздохнул он, вспоминая сон. — «И почему у меня все не так, как у других? Почему в доме только крики и ссоры?.. Нет... там для меня нет места... Я обязан пройти Испытание. Во что бы то ни стало!»

Мысль обожгла его так сильно, что он резко сел, охваченный порывом отправиться в путь прямо сейчас. Но, бросив взгляд на мирно спящего друга, неохотно угасил свой пыл. Уйти, не сказав ни слова, — было бы неправильно.

Он уже собирался лечь обратно, как вдруг небосвод прочертила огненная стрела метеора, оставив за собой длинный, сияющий хвост.

«До чего же красиво...» — мелькнула светлая мысль.

Постепенно глухая печаль отступила, растворившись в очаровании ночи. И под величественным небом, усеянным мириадами мерцающих звезд, перед которыми неторопливо проплывали серебристо-аметистовые реки, он вдруг проникся необъяснимой гармонией этого места и вскоре, согретый костром и светом над головой, незаметно снова провалился в сон.

***

Утро встретило его бодрящей прохладой и ноющей ломотой во всем теле. Небо на востоке наливалось нежным розовым светом, и сиюминутное желание поспать еще немного уступило место более сильному порыву.

— Рикс, вставай, — сонно пробормотал он, слегка толкнув друга в бок.

В ответ раздалось лишь невнятное бурчание:

— Мргх... еще пять минут...

— Вот же счастливчик... — проворчал он с завистью, глядя на безмятежно дрыхнувшего товарища. — Спит как камень, а не просыпается от каждого шороха... Ладно, спи. А я пока поймаю завтрак.

Река встретила его блеском утреннего солнца. Вскоре гарпун пробил бок крупного лосося, и вода вокруг взбурлила от отчаянной борьбы. Но, вытащив быющую добычу на плоский камень и замахнувшись другим, он внезапно замер.

Жабры рыбы ритмично вздувались, хватая убийственный воздух, в круглых, немигающих глазах застыл первобытный ужас, а рот беззвучно открывался и закрывался, словно отчаянно моля о пощаде.

— РИКС!!!

Ошарашенный товарищ как ужаленный подскочил на месте, дико озираясь по сторонам в поисках опасности. Но вместо грозного зверя или разъяренной стихии в его полусонные руки бесцеремонно сунули камень.

— Вот, сделай это. Я... не могу, — подавленно прошептал он и, не сказав больше ни слова, быстро ушел в лес — спрятаться от невыносимого образа живого существа, которому суждено было умереть ради его стремлений.

Когда он вернулся, Рикс уже положил две половинки рыбы на каменную сковороду. Бросив на товарища короткий, виноватый взгляд, он молча присел на корточки и подложил сушняк в костер.

— Все нормально, — мягко сказал Рикс. — Я понимаю. У самого рука дрожит. Но здесь...

— Это необходимо, — пробормотал он, комкая в пальцах сухую ветку и ломая ее на мелкие кусочки. — Я тоже понимаю... но мне это не помогает.

— Поэтому хорошо, что у тебя есть я, — усмехнулся Рикс, переворачивая половинку рыбы. — Я не дам тебе умереть с голоду.

— Это точно. Без тебя я бы и половины пути не прошел.

— Как и я без тебя, — криво улыбнулся Рикс.

Они ели молча, почти не чувствуя вкуса, но жадно, предвкушая грядущие дни голода. Наконец, бросив косточки в догорающий костер, Рикс, глядя на воду, задумчиво сказал:

— Знаешь, я подумал — а ведь река может сократить наш путь.

Он с сомнением покосился на течение.

— Но ведь она течет не на юг...

— А вдруг повернет? Давай потратим час на проверку, и если повезет...

— ...сбережем кучу времени и сил, — подхватил он, начиная загораться идеей. — Хм. Недалеко отсюда я видел толстые коряги. Может, нам удастся плыть, держась за них?

— Надо попробовать, — одобрительно кивнул Рикс.

Закончив хлопоты на берегу, они нашли подходящую полую корягу и, пыхтя, дотащили ее до реки. План сработал: зайдя по пояс в прохладную воду, они с радостью убедились, что бревно держится на плаву, и, удерживая его за разные концы для равновесия, позволили течению понести себя вперед.

Движение было легким. Подгоняя опору ногами по серебристой поверхности реки, они быстро скользили, будто по льду. Когда же поток спустя некоторое время вдруг повернул на юго-запад, оба чуть не завопили от радости.

— Видал? Я же говорил! — самодовольно и счастливо ухмыльнулся Рикс.

— Ты просто гений! — воскликнул он, широко улыбаясь другу.

Однако радость оказалась недолгой. Небо впереди стремительно заволакивали тяжелые, свинцовые тучи, чрево которых вот-вот должно было разверзнуться ливнем. Еще немного —

и на пути у них стали встречаться обломки скал, от которых им приходилось отчаянно уворачиваться, крутясь на поверхности, будто стрелка сломанных часов.

Внезапно черное небо прорезал зигзаг молнии, вызвав оглушительный раскат грома. Казалось, это был сигнал: туча разинула пасть — и дождь обрушился на них сплошной стеной. Не успели они опомниться, как спокойная река превратилась в бушующий поток.

— Нужно выбираться! Гребите к берегу! — перекрикивая яростный шум, закричали они друг другу, однако все их попытки сопротивляться оказались напрасной тратой сил.

Река безжалостно несла их вперед. И вдруг на лицах обоих отразился ужас: впереди, освещаемая вспышками молний, показалась большая скала, вздымающаяся из глубины, словно акулий плавник. В следующий миг их хрупкая опора со страшной силой врезалась в нее и с хрустом ломающихся костей разлетелась на сотни мелких, бесполезных щепок. Лишь после они поняли, что скала в этом месте рассекает реку на два отдельных рукава. И вот, уже во второй раз, поток разделил их — и стремительно унес каждого в свое русло.

— Ри-икс!!!

Отчаянный крик вырвался из груди, но тут же захлебнулся, превратившись в фонтан пузырей. Вода сомкнулась со всех сторон, и он, погрузившись в бездну, закувыркался, потеряв всякое ощущение пространства. Лишь цепочка пузырьков, сорвавшихся с губ, подсказала ему путь к желанной поверхности. Собрав остатки сил, он оттолкнулся от дна и вынырнул, судорожно хватая ртом воздух, — но лишь затем, чтобы со всего размаху врезаться в скалу на пути. Перед глазами брызнули звезды, и он, обмякнув, вновь погрузился в воду.

В конце концов, словно наигравшись, река выплюнула его на мелководье. Пропавшим обессиленным телом об острые камни, он вцепился пальцами в гравийное дно и наконец остановился. Не помня как, он выбрался на берег и рухнул вниз лицом.

***

Когда он открыл глаза, прямо перед ними мелькало что-то огромное и расплывчатое. На миг ему почудилось, что это когти хищника, готовые вонзиться в его лицо, но в следующую секунду понял: это коричневая перчатка.

— Ах!.. — вскрикнул он, когда острая боль пронзила надбровье.

Утерев глаза от влаги, он разглядел Луксора, сидевшего на корточках рядом, с окровавленным куском марли в руках. Мелкие капли дождя отскакивали от них обоих, разлетаясь в стороны, как мириады крошечных искр от костра.

— Не надо, брат Луксор, — прошептал он, с трудом шевеля разбитыми губами. — Тебе... нельзя помогать мне.

Наставник поднял на него яркий гранатовый взгляд, полный усталой печали.

— Это просто царапина. Но вот с рукой — все куда хуже.

Он недоуменно нахмурился и, не двигаясь, поочередно посмотрел на свои руки. Правая была цела и невредима, но вот левая... левая рука распухла в области предплечья, превратившись в нечто чуждое. Попробовав пошевелить пальцами, он мгновенно ощутил резкую, пронзительную боль.

— Сломана?! — почти выкрикнул он, в ужасе распахнув глаза.

— Да, — подтвердил наставник. — Но я не могу помочь тебе... не прервав Испытания.

В груди мгновенно закружился яростный вихрь. Стиснув зубы, он попытался встать, но стоило перенести вес на левую ногу, как еще одна мучительная боль кольнула прямо в бедро.

— Хс-с-с! — зашипел он, хватаясь здоровой рукой за ногу.

— Частичный разрыв связок, — сообщил Луксор, наблюдая за ним. — И это посерьезнее, чем перелом.

— Чудесно! Просто... чудесно! — с какой-то сдавленной, ироничной интонацией изрек он, хромая к ближайшему валуну. Усевшись, он опустил голову. Казалось, злость, обида и острое чувство собственного бессилия вот-вот разорвут его изнутри.

— Если продолжишь — станет хуже, — тихо, но очень веско произнес наставник.

От этих спокойных слов ему хотелось не просто плакать — хотелось взрывать, как раненый зверь. Сжав кулак здоровой рукой, он изо всех сил постарался не делать этого при Луксоре.

— Этот ураган... ваших рук дело? — вырвалось у него сквозь зубы, больше с упреком, чем с вопросом.

— Наших?

— Рикс видел Масона на скале перед землетрясением, — заявил он, намеренно забыв добавить слово «кажется».

— Нет, — ответил член Совета. — В этот раз мы ни при чем. Но даже если бы были... так нужно.

Не выдержав чистого, пронзительного взгляда наставника, он закрыл глаза, и его сжатый кулак медленно разжался.

— Ну что ж... так даже лучше, — обреченно выдохнул он. — Бороться с природой — естественно. Но бороться с вами... даже честь. Слишком большая для такого, как я.

Брови Луксора едва заметно приподнялись. Когда мальчик вновь поднял глаза, наставник увидел, что в них, несмотря ни на что, горит тот самый огонь упорства, который разжигали в нем нестигаемая воля и целеустремленное сердце. С вызывающей, болезненной улыбкой ученик добавил:

— Можете обрушить на меня хоть сотню бурь... но я все равно не остановлюсь.

На лице Луксора мелькнуло сложное выражение — смесь восхищения, удивления и едва заметной тревоги. Он всегда уважал такой дух в учениках, однако до этого самого момента не подозревал, что у этого тщедушного ребенка напрочь отсутствует всякое чувство меры.

— Значит, ты не пойдешь со мной... — с досадой произнес наставник.

— Прости, брат... нет времени. — Он с трудом поднялся и, придерживая больную руку здоровой, поплелся прочь. — Увидимся у назначенного места, — добавил он, не оборачиваясь.

Луксор остался стоять, словно превратившись в изваяние. Капли дождя скользили по его серьезному лицу, но он этого не замечал. Его взгляд был прикован к удаляющейся, шаткой фигуре мальчишки, который, наперекор всему, продолжал идти, словно пытаясь одолеть не расстояние, а саму судьбу. Каждый его шаг отдавался в Луксоре тяжелым ударом. Он должен был остановить его. Это был его долг — долг наставника. Но что-то глубоко внутри удерживало его на месте.

Ученик вдруг остановился, и на лице Защитника мелькнула слабая надежда. Но тот лишь повернул голову и устало спросил:

— А Мириус жив?

Надежда на лице Луксора угасла, как огонек под дождем.

— Да. С ним все в порядке. Но он больше не участвует в Испытании.

— Понятно... А что с Риксом?

— О нем позаботятся другие.

Он молча кивнул, принимая информацию, и, развернувшись, продолжил свой путь в сторону леса, пахнущего смолой и терпким ароматом елей.

***

Он упрямо двигался вперед, пока не убедился, что за ним никто не идет. Только тогда он остановился, взглянул на свою левую руку и процедил сквозь зубы:

— Прок-лятье! Ну почему... *почему мне так не везет?!*

Каждый слог отзывался пульсирующей болью в сломанной руке, которую ни одна, даже самая изнурительная тренировка, не «накачивала» так, как этот перелом.

Злобно шипя и с горечью думая о том, как этот день, начавшийся так обнадеживающе, обернулся одиночеством и страданиями, он собрал несколько ровных палочек и кое-как при-

вязал их к предплечью, соорудив жалкое подобие шины. Боль немного притупилась, но не ушла, продолжая настойчиво ныть где-то внутри. И все же он пошел дальше.

Время неумолимо клонилось к полудню. Он шел, пробираясь сквозь лес, утопавший в зарослях папоротника и плюща. Шел долго и упрямо, не позволяя себе даже мысли о привале.

Первыми сдались его сандалии. Не выдержав рек, песков и острых скал, они просто треснули пополам. Но даже тогда он продолжал тащить ноги в их обрывках, пока последние ремешки окончательно не порвались. Тогда он сел на поваленный ствол, угрюмо посмотрел на то, во что превратилась его обувь, и оставил ее на пеньке — словно красноречивый памятник всем, кто идет по нелегкому пути.

Даже вечером, когда ступни распухли и закровоточили, он не остановился. Просто знал: стоит замереть хоть на миг — и он больше не сможет сдвинуться с места.

Выйдя на широкий луг у подножия холма, он с механической решимостью двинулся к вершине, по дороге к которой встретил и закат, и луну, и переливающиеся волны сияний. Он шел, пока снова не уперся в стену леса. Там, уткнувшись лбом в рассеченный ударом молнии ствол, он понял: если продолжит идти — обязательно заблудится. Тогда он с трудом забрался в пустое нутро дерева и улегся в нем, свернувшись калачиком, будто в тесной колыбели. Глаза мгновенно сомкнулись, ограждая его от кошмарного шестого дня Испытания.

***

Сон был больше похож на борьбу, чем на отдых. Он то и дело просыпался — то от тянущей боли в руке, то от мерзкого щекотания насекомых, ползавших по покрытой испариной коже. И каждый раз ему снилось одно и то же — что он безнадежно опоздал.

В какой-то момент он просто открыл глаза, выбрался из своей жесткой постели и прислонился спиной к стволу. Незнакомый мир вокруг затаил дыхание в предраусветной тишине. По босым ногам полз прохладный туман, и лишь где-то на самой границе слышимости раздавались редкие птичьи трели, приветствуя наступление нового дня. Последнего дня Испытания.

«Я не смогу...»

Никогда прежде он не чувствовал себя настолько ужасно. Сломанная рука распухла сильнее, став похожей на обрубок бревна. Тело кричало от чудовищной усталости, жара и истощения, но больше — от озноба, пронизывающего до самого мозга костей. Апатия вязко растекалась по затуманенному сознанию, и лишь изредка, словно эхо из чужих миров, на поверхность всплывали тяжелые, мрачные мысли.

«Я не смогу... Мне не дано... Я не способен... Что, если впереди опять скала? Или пропасть... Нет... я слишком слаб...»

И вдруг, откуда-то из самой глубины его естества, прорвался яростный голос, будто сама воля взревела изнутри:

«Да заткнись ты уже. Просто иди... ИДИ!»

И он, стряхнув с листа росу в пересохшее горло, просто побрел дальше.

Спустя несколько бесконечных часов впереди показалась граница леса. К этому времени его тело вдруг откликнулось слабым, но таким необходимым вторым дыханием. И все же сердце сжималось от гнетущего предчувствия: за последним рядом деревьев он ожидал увидеть очередной опасный участок.

Однако когда он вышел из леса — он не поверил своим глазам. Перед ним не было ни песчаных дюн, ни гор, ни отвесных обрывов — лишь золотисто-желтое море травы саванны, колыхавшейся под жарким дыханием ветра. Вдалеке мирно паслись бесчисленные стада антилоп и газелей; вереница слонов неторопливо тянулась к водопою, где, уже склонив полосатые морды, пили зебры, а высокие жирафы ощипывали сочные верхушки акаций. И за всем этим

пестрым великолепием, с плоских валунов, словно величественные скульптуры, украшающие вход в храмы знаний, наблюдали большие кошки.

— Вот это да... — забыв на миг обо всех своих бедах, выдохнул он, затем поднял глаза выше — и наконец увидел *его*.

Почти у горизонта, там, где край острова сужался и бесследно растворялся в бескрайних водах океана, на фоне слепящего дневного света выделялся узкий мыс — «Маяк надежды». Его цель.

Сердце сжалось от невыразимого восторга, а затем тут же забилося с удвоенной силой.

«Поверить не могу... Неужели все скоро закончится?.. Ну давай же — иди, иди! У меня получится... Я — СМОГУ!»

С этими мыслями он осторожно двинулся в путь, стараясь не привлекать внимания: то прячась в высокой траве, то крадучись, словно осторожный зверек.

К полудню солнце будто превратило воздух в прозрачный огонь: земля под израненными ногами напоминала раскаленный металл, пот солеными ручьями стекал по вискам, а глаза щипало от жара. Решив передохнуть хотя бы мгновение, он укрылся в тени огромного, поваленного дерева. Но едва успел насладиться передышкой, как в темноте пустого ствола вспыхнула пара янтарных глаз.

«Ой-ей... только не это...»

Не моргая, он попятился назад. И вдруг наружу, с рычащим мяуканьем, высыпали пятнистые малыши гепарда, начав весело носиться вокруг него, играть с обрывками одежды и мягкими лапами пытаться повалить «добычу» на землю.

— Ху-ух... — облегченно выдохнул он, присаживаясь на корточки, чтобы погладить одного из них. — Привет, малыши... Я люблю кисонек.

Мгновение спустя его детская улыбка сменилась настороженностью: он замер и нервно окинул взглядом заросли по сторонам.

— А где ваша мама?.. Она ведь любит мальчиков? Надеюсь... не только на вкус...

Он сглотнул, затем быстро, но ласково почесал за ушком каждого котенка и поспешил прочь, чувствуя за спиной тихое, вопросительное мяуканье.

Спустя время он остановился под низкорослым, корявым деревцем с раскидистой кроной, дававшей хоть какую-то тень. Легкий ветер шелестел листвой, солнце стояло в зените, а равнина простиралась перед ним как безмятежный золотистый океан. Улыбнувшись сквозь усталость, он вдруг подумал, что если бы не травмы, этот день оказался бы самым легким из всех.

И тут что-то тугое, как стальной канат, внезапно стиснуло его шею.

Он дернулся вперед всем телом, но неумолимая сила рывком приподняла его в воздух. Пальцы метнулись к горлу, но натолкнулись на гладкую, чешуйчатую поверхность. Он с ужасом поднял глаза и увидел змею, свисающую с ветки.

Ее узорчатое тело извивалось, будто река, на плоской голове торчали крошечные рожки, а желтые глаза с вертикальными зрачками гипнотически впились прямо в него. Змея не была настолько большой, чтобы переломить ему кости, однако этот недостаток компенсировался чудовищным терпением: ее тело медленно, но неумолимо сжималось, и с каждым движением дыхание давалось ему все труднее.

Его взгляд в панике заметался, пока не наткнулся на кончик змеиного хвоста. Он вцепился в него, словно в спасительную веревку, и изо всех сил потянул вниз. Но хватка лишь крепла, становясь все невыносимее. В ушах зазвенело, перед глазами поплыл туман — и сознание начало медленно погружаться во тьму.

И вдруг пространство перед ним вспыхнуло бордовым огнем, и из этого пламени возник Луксор. Наставник решительно шагнул вперед, но он, не желая быть спасенным ценой провала, сделал первое, что пришло на ум: сунул хвост змеи себе в рот и впился в него зубами. Луксор

замер: глаза ученика уже налились кровью, тонкие сети вен вздулись на лице, но он продолжал сжимать челюсти, словно зверь, вцепившийся в кость.

Во рту разлился вязкий вкус крови — не то своей, не то змеиной — но хватка хищницы ослабла. Наконец ему удалось просунуть руку между горлом и плотным кольцом и сорвать петлю со своей шеи.

Истошный, почти нечеловеческий вздох разнесся по саванне, едва он рухнул на колени. Луксор мгновенно оказался рядом.

— К счастью, горло не повреждено, — произнес наставник с нескрываемым облегчением, ощупав его шею.

Он продолжал жадно хватать ртом воздух, будто заново учился дышать. Внутри все кипело от злости — на себя, на свою глупость, на непростительную беспечность. И вдруг прямо над ним прозвучали слова, от которых дыхание замерло сильнее, чем от мускулов змеи:

— Твое Испытание окончено.

Он резко поднял голову, умоляя вселенную, чтобы это оказалось лишь обманом слуха. Но в глазах Луксора не было ничего, кроме стальной решимости.

Жгучая боль пронзила горло, стоило лишь попытаться возразить. Тогда он, придерживая шею, молча поднялся и, глотая слезы, побрел в сторону Маяка — лишь бросив мрачный взгляд на дерево, в ветвях которого скрывалась тварь, едва не похоронившая и мечту, и его самого.

Внезапно, словно сама судьба решила встать на пути, дорогу ему преградила высокая фигура в белом.

— Ты идешь со мной, — медленно, не терпящим возражений тоном произнес Луксор.

— Н-не... Нет! — с трудом прохрипел он.

— Это не просьба.

Он вытянул израненную шею, сглотнул через режущую боль и выдавил:

— Я... могу... Есть время!

Луксор посмотрел на него твердым, немного отчужденным взглядом:

— Уже нет. Тебе — не успеть...

Он застыл, не в силах поверить в услышанное.

— Прости, — чуть мягче добавил наставник. — Но это правда.

Широко раскрытые глаза ученика наполнились беспросветным ужасом. Он знал: Луксор не способен солгать. И эта правда оказалась острее любых клыков, разрывая сердце в клочья.

— Пойдем, — протянул руку наставник.

— Нет...

— Ну же.

— НЕТ!

— Подумай. Подумай, как взрослый! Ты все равно не успеешь. Только сделаешь себе еще хуже!

— Пусть! Мне все равно, что со мной будет, если я не попаду в Предел!

Взгляд Луксора потемнел, став тяжелым, как туча.

— Это зашло слишком далеко. Я не позволю тебе замучить себя до смерти из-за бессмысленного упрямства.

Он сжал кулаки, задрожав всем телом. А когда поднял голову — его глаза полыхали яростным огнем.

— Прошу... пропусти меня...

Но вместо ответа перед ним вспыхнула бордовая вспышка, и могучая фигура Луксора будто стала еще выше и шире: его мышцы налились пугающей мощью, плащ взметнулся, а глаза полыхнули *настоящим* огнем.

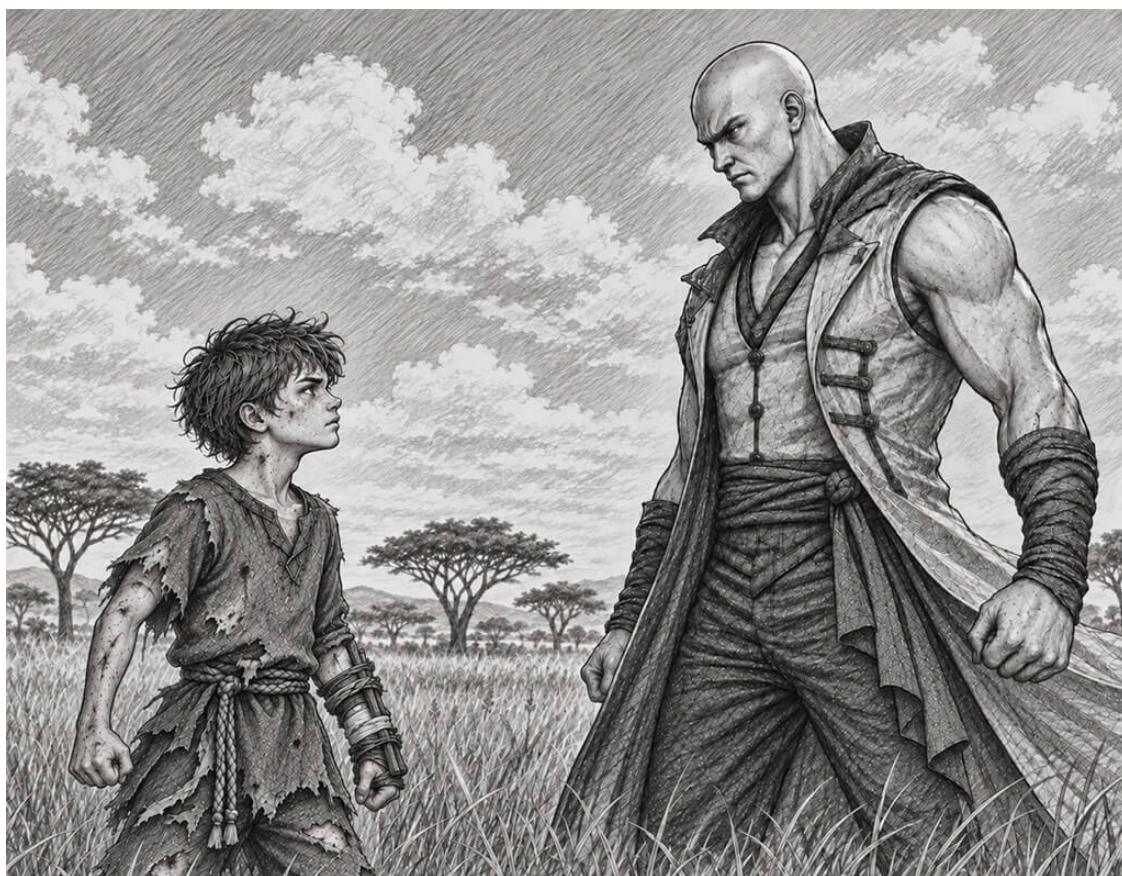
Он отпрянул, но не от страха, а от ледящего ужаса осознания: еще миг — и наставник унесет его прочь, перечеркнув всю боль и страдания, которые он пережил за эти семь дней. И тогда, в отчаянии, он стиснул зубы и прохрипел:

— Если ты заберешь меня... я буду возвращаться сюда снова и снова... пока не дойду до конца!

Луксор строго прищурился, но не шелохнулся. Эти слова не звучали как пустая угроза — они звучали как клятва, брошенная наперекор всему.

Минуто они стояли глаза в глаза — могучий, непоколебимый Защитник и маленький, отчаянный ученик. Непримируемый долг и всеокрушающая воля. Два одинаково упрямых сердца посреди колышущегося океана травы.

Наконец он медленно двинулся вбок, обходя наставника дугой, словно зверек, крадущийся вокруг опасного костра. В каждом его шаге читались и страх, и дерзость, и трепетная вера в собственную правоту. Когда несколько минут спустя он осмелился обернуться, Луксор, полыхая аурой, все еще стоял на месте, не сводя с него пронзительного взгляда. В этот момент он понял: Испытание продолжается. Для них обоих.

***

Он отчаянно хотел, чтобы время остановилось, но оно, словно назло, несло все быстрее. Шея горела от боли, но дыхание постепенно выравнивалось. Высокие травы заметно редели, уступая место редким пучкам, а огромное облако на небе распадалось на клочья — словно зеркальное отражение его собственного пути: тяжелого, изнуряющего, но все еще ведущего к мечте.

Вскоре ему посчастливилось наткнуться на растение, увешанное гроздьями спелых бананов. Он сорвал несколько штук и жадно впился в них прямо на ходу, словно подбрасывая в умирающий костер воли последние угли.

Солнце беспощадно клонилось к западу, и одна только мысль о том, что через каких-то несколько часов оно исчезнет за горизонтом, жгла сильнее, чем все его израненное тело. Мыс маячил впереди, дразня, словно желанная, но недостижимая приманка, однако равнина все никак не кончалась. И тогда, несмотря на боль в каждом суставе, он перешел на рваный, упрямый бег.

Минуты растягивались в часы, а часы, казалось, в мучительные годы. Но он все бежал и бежал. Бежал и бежал. Бежал, не отрывая лихорадочного взгляда от небесного холста, с которого медленно сходили сочные краски дня. В какой-то момент ему даже показалось, что он уже проживал этот момент, уже бежал по точно таким же багровым сумеркам, уже гнался за этим же самым ускользающим равнодушным солнцем. Сердце тревожно дрогнуло — не сон ли все это? Или, быть может, сама реальность давно уже превратилась в кошмарный сон, из которого невозможно проснуться?

Наконец, не веря своим глазам, он замер и уставился вниз — вниз! — с очередного обрыва.

«Нет... Нет-нет-нет-нет-нет... ТОЛЬКО НЕ ЭТО!!!»

Совсем недалеко, всего в каких-то двух-трех километрах, раскинулась узкая полоса земли, омываемая океаном. Там развевалось огромное, кроваво-красное пламя костра, рядом с которым виднелись крошечные фигурки тех, кто уже прошел свое Испытание. Но между ним и заветным огнем зияла непреодолимая преграда — отвесный обрыв, уходящий вниз на головокружительную высоту.

Лихорадочно метнув взгляд по сторонам, он заметил длинный, пологий склон слева — единственный путь вниз. Но солнце уже таяло на глазах, словно огарок свечи, что вот-вот погаснет навсегда.

В памяти, как удар молнии, мгновенно всплыли пророческие слова Луксора: «Тебе — не успеть». А вслед за ними — все его ошибки, каждый, даже самый короткий момент непростительной слабости, каждая лишняя секунда отдыха, когда нужно было бежать быстрее. Даже друг, с которым они прошли почти весь путь, в этот миг казался соучастником его неизбежного провала.

Грудь тяжело ходила ходуном. Бросая полный паники взгляд то на стремительно темнеющее небо, то на пламя впереди, он задышался от нарастающего волнения.

«Да что тут думать? Все и так ясно... Это — конец. Здесь и сейчас, когда от цели меня отделяет всего один шаг...»

В порыве отчаяния он перегнулся через край и заглянул вниз. Красно-охряные скалы уходили вниз почти вертикально, и где-то далеко-далеко, у самого основания этой каменной стены, лежало изумрудное озеро, к которому с востока тянулась нить впадающей реки. Тишина здесь стояла гнетущая — только легкий ветерок, едва шевеливший его волосы, и пустота внизу. Казалось, сама пропасть не терпит лишних звуков, и если что-то упадет туда, то пролетит целую вечность, прежде чем коснется тихой, зеленой глади.

«Как же страшно!.. Но...» — Он поднял глаза к небу, где умирало солнце: *«Другого пути нет!»*

Он попытался собраться с духом, но чем дольше смотрел вниз, тем сильнее дрожали ноги. Наконец, давящая высота ударила по нему, как невидимый кулак: он в ужасе отшатнулся назад, обреченно осел на землю, и глаза его защипало от горьких слез.

— Это безумие... Я не смогу... Это слишком... Это... мой предел.

И снова, как ослепительная вспышка, в памяти всплыл образ скалы, где жили те, кем он восхищался. Одна только мысль о них заставила его подняться.

— Я должен. ДОЛЖЕН!

Губы дрожали, но слова прозвучали твердо, как приказ. Он сделал решительный шаг к краю — но животный страх снова парализовал его до глубины костей. И тогда, будто внутри него пробудился жестокий двойник, он заметался вдоль обрыва, ведя с собой жаркий, презрительный монолог:

— Проклятье! Ты хочешь успеть или нет?! Тогда прыгай!.. Не можешь? Значит, шагай обратно! Домой, к родителям! Им не терпится сказать: «Что, требовалось довести себя до полусмерти, чтобы понять, что это не твое? А ВЕДЬ МЫ ГОВОРИЛИ!!!»

Он издал горький, хриплый смешок, снова заглянул в бездну — и снова отступил, чувствуя, как от бессилия и злости рвутся наружу слезы.

— Жалкий трус! — выкрикнул он, с яростью сжав кулак перед перекошенным лицом. — Завтра все узнают, как ты стоял здесь и дрожал от страха — в шаге от мечты!

Он прорычал, стиснул челюсть и принял стойку, готовясь прыгнуть. Но в последний момент обмяк, словно марионетка, у которой оборвали нити.

— Кого я пытаюсь обмануть... — прошептал он, закрыв лицо рукой. — Я не смогу. Я просто жалкий трус... *«и останусь им до конца жизни».*

Глаза были крепко зажмурены, но в темноте вдруг все взорвалось ярким огнем воспоминаний: наставники с сочувственными улыбками, следящие за его тщетными стараниями. Товарищи, утешающие, что прийти последним к финишу вовсе не позор. Родители, твердящие, что этот путь не для него... И члены Совета — недостижимые, как далекие звезды.

«Сколько раз я клялся себе, что изменю все это... Но каждый раз лишь упираюсь в стену... Каждый. Раз. Всю. Свою. Жизнь».

— Р-р-р-р!!!

Он напрягся всем телом, пытаясь сдержать рвущиеся наружу слезы — но их было не остановить. В беспомощном отчаянии его зубы впились в руку, а пальцы стиснули сломанную кость — лишь бы превратить невыносимую внутреннюю муку в тупую физическую боль. Но все было тщетно. Мысли, воспоминания, обиды и слепая ярость смешались в единый огненный шторм, который захлестнул его целиком. И вскоре он окончательно утратил над собой какой-либо контроль.

— Я НЕ ХОЧУ быть трусом! — неистово крикнул он, запрокидывая голову к багровому небу. — Я НЕ ХОЧУ быть слабым и жалким! И Я НЕ ХОЧУ жить, зная, что не способен изменить себя!

Он рывком вскочил на ноги, издал яростный, полный невыразимой муки крик и, отдавшись во власть последнего импульса, рванул вперед — и прыгнул. Прежде чем сжать глаза от страха, он успел уловить расплывшиеся краски, искаженный до неузнаваемости мир, и озерную гладь, к которой он неся, словно камень, брошенный с обрыва.

«Глупец...» — только и успела промелькнуть последняя мысль.

Удара, которого он ожидал всем своим существом, так и не наступило. Вместо этого его словно коснулись нежные руки самой воды, приняв в свои объятия. Безболезненный удар о поверхность, стремительное погружение на глубину, ощущение мощной силы, подхватившей его и понесшей прочь, — все это он осознал позже, когда уже лежал на берегу.

Хрипло откашливая воду, он вдавил пальцы в мокрый песок, пытаясь подняться, но сломанная рука отозвалась такой пронзительной болью, что он вскрикнул, перекатился на спину и застыл с болезненной гримасой на лице. Когда глаза открылись, взгляд мгновенно устремился к вершине — туда, где он стоял всего мгновение назад. Словно молния, в голове промелькнула ошарашивающая мысль:

«Неужели я действительно прыгнул? С такой высоты?.. Я точно сошел с ума...»

Он перевел потрясенный взгляд на озеро. Вода, минуту назад спокойная и безмятежная, теперь неистово бушевала, словно возмущенная его дерзким поступком: высокие волны бешено гнались одна за другой, с яростью сталкивались и взрывались, выбрасывая на берег ошметки пены. Но все стихло так же внезапно, как началось, и, едва последние брызги улеглись, в его широко распахнутых глазах отразилась прекрасная радуга, раскинувшаяся над озером от края до края. Неожиданно ее линии закружились, слились в пестрый калейдоскоп — и голова его бессильно упала на мокрый песок.

«Ляг. Закрой глаза. Расслабься...» — умоляла каждая клетка его тела, выжатая до последней капли. Но где-то внутри, где боль тесно смыкалась с упрямством, вдруг вспыхнул протест:

«Я прыгал не для того, чтобы уснуть у самого финиша... Если опоздаю — никогда себя не прощужу!»

С невероятным усилием, словно взвалив на плечи горный хребет, он уже в который раз заставил себя подняться. Мир перед глазами плыл и качался. Но он пошел вперед — шаг за шагом, несмотря ни на что.

***

Не более пятнадцати человек из нескольких десятков тех, кто стоял рядом с ним в начале Испытания, были сейчас здесь. Кто-то сидел, обессиленно привалившись спиной к одинокой скале, кто-то лежал, безвольно распластавшись на траве, а другие, собравшись в небольшие группки, о чем-то устало переговаривались между собой.

Но вдруг все разговоры резко стихли, оборвавшись на полуслове, и взгляды всех без исключения обратились к нему. Каждый, кто дошел до конца, выглядел изможденным — но никто не выглядел так, как он.

Каждый его шаг оставлял за собой кровавый след. Тело было исполосовано ранами, будто когтями зверей. Шея опухла, превратившись в сплошной синяк. Глаза, налитые кровью, пугающе выделялись на бледном лице, а сломанная рука нелепо болталась вдоль тела, раздутая, словно бревно.

Присутствующие молча раскрыли рты, забывая моргать и дышать. Но для него весь мир в это мгновение сузился до одного лишь заветного каменного возвышения впереди. На его вершине победно полыхало огромное красное пламя, внутри которого, словно дивное видение из прекрасного сна, отчетливо проступали очертания могучего дуба с невероятно густой, раскидистой кроной.

Последние шаги оказались самыми тяжелыми из всех семи дней. Лишь безумное упорство, выжатое из самых глубин, все еще толкало его вперед.

Шаг. Шаг.

«Если успею... вернусь домой совсем другим. Новым...»

Он поднял дрожащую руку перед собой.

«Стану лучше... силь...нее...»

Шаг.

«А если нет... тогда...»

Шаг.

Его ладонь коснулась выпуклого камня пьедестала. Подняв взгляд к горизонту, он заметил, что солнце уже скрылось за его краем.

«Неужели... опоздал?»

И вдруг, словно в ответ на его отчаяние, раздался гул. Сначала робкие, а затем все более громкие хлопки, сильные возгласы, усталые голоса — это все остальные собрали последние остатки сил, чтобы поздравить его с завершением Испытания. Горячие, благодарные слезы сами выступили у него на глазах, затмевая яркий свет костра, и в этот момент позади раздался голос, полный искреннего сочувствия, но и глубокого уважения:

— Все кончено, брат. Присядь.

Тяжелая капля дождя шлепнулась ему прямо на лоб. Он открыл глаза и вдруг осознал, что уже сидит, прислонившись спиной к возвышению. Сквозь полуприкрытые веки виднелись низкие серые тучи, из которых рождались первые капли дождя, а рядом, на фоне последних отблесков заката, угадывался чей-то силуэт.

— Ри-и-икс... — почти со стоном выдохнул он, чувствуя, как трещат ребра.

На усталом лице друга заиграла вымученная, но все же ухмылка.

— Какой же ты...

— Сильный?

— ...потрепанный! На тебя без слез не взглянешь! Но... я должен извиниться... Я до последнего думал, что ты — галлюцинация.

— Ничего... — отозвался он едва слышно. — Я сам не верю... что дошел.

Рикс, скривившись, окинул взглядом его раздутую шею и руку.

— Да что же с тобой произошло? — недоуменно и с явным любопытством спросил напарник.

— Много чего... Как-нибудь... потом. А ты... как тут оказался?

— По реке, конечно. — Рикс вновь криво усмехнулся, приподнял штанину и показал разодранную в кровь ногу. — Она хорошо потрепала меня на своих порогах, но я, как видишь, каким-то чудом остался жив.

— Да при чем тут чудо... — ответил он, глядя на друга с кривой улыбкой. — Нет, Рикс. Ты просто везучий. Как всегда...

***

— Бедные мои друзья... Сердце мое разрывается от того, что с вами стало.

Едва с возвышения раздался голос Старейшины, все присутствующие подняли к нему глаза. Лишь ему одному не хватило сил, чтобы подняться, и он мог только слушать, оставаясь в тени.

— Знаю, как сильно вы измучены, — продолжил Старейшина с искренним сочувствием. — Каждый ваш шаг был суровым испытанием, требующим не только напряжения всех физических сил, но и истинной силы духа. Кто из вас хоть раз не усомнился — в себе, в своем успехе, а порой даже в самом смысле этого Испытания? Но знайте: все это было не напрасно.

Он сделал короткую паузу, оглядывая израненные лица.

— Посмотрите, как мало вас осталось. Но это значит, что тем, кто не дошел, больше уже ничего не угрожает. *Угрожает...* — повторил он, и слово это прозвучало так, будто само несло в себе тьму. — Теперь вы знаете, что оно значит. Вы испили горькую чашу страха и боли, прошли сквозь сомнения и отчаяние. И теперь понимаете гораздо лучше, с чем вам придется сталкиваться, оставаясь на этом пути. И хотя мы больше не собираемся подвергать вас столь жестоким испытаниям, путь ваш от этого не станет легче... А теперь, прежде чем мы займемся вашими ранами и наконец отправим вас домой, позвольте коротко разъяснить — ради чего существует эта ветвь.

На одно короткое мгновение взгляд старца словно отрешился от всего окружающего, устремившись куда-то в далекое эхо прошлого.

— Когда-то... — произнес он, и слова его прозвучали как начало древнего предания, — наш мир стоял на краю гибели. И только Сила удержала его от падения. Когда угроза миновала, многие искренне мечтали разорвать всякую связь с таким опасным явлением, как Энергия. Однако этому желанию не суждено было сбыться. Совсем скоро над нами нависла новая беда, и вновь, лишь благодаря Энергии наша община смогла выстоять. С тех пор она стала неотъемлемой частью нашей судьбы — и главным залогом выживания.

Старейшина сделал паузу, давая словам осесть в сердцах собравшихся. Когда он продолжил, его голос стал тверже:

— Теперь, после всего, что вам довелось пережить, вы не должны забывать: Сила — это не фокусы и не чудеса. Сила — это боль. Это страдание и жертва. Это терпение и ответственность. А значит — тяжелое бремя.

Он величественно поднял руку и указал на дерево, которое пылало ярким пламенем прямо за его спиной. Живой огонь играл в густой листве красными языками, излучая по всей округе мощное тепло.

— Вот он — наш Маяк. Маяк надежды, который зажгла когда-то Сила одного из нас. С тех пор он не угас — ни под проливными ливнями, ни под яростью штормов. Добравшись сюда, вы доказали: ваш дух пылает так же ярко, как это вечное пламя. Так пусть же и он никогда не погаснет в ваших сердцах. Пусть согревает тех, кто замерзает в отчаянии. Пусть освещает путь тем несчастным, кто заблудился во тьме. И пусть всегда дарит надежду. Надежду — на светлое, счастливое, мирное будущее.

Слова Старейшины не звучали громко, но они были пропитаны глубокой верой и надеждой, которые, словно свечи, коснулись сердец собравшихся и наполнили их новым живительным огнем. Лица учеников озарились трепетным благоговением, и свет в их глазах, исходивший от одинокого дерева, засиял еще ярче. Даже он, чьи силы были на исходе, тяжело поднялся, чтобы еще раз взглянуть на это величественное, пылающее чудо.

Когда его фигура появилась в поле зрения, Старейшина, все наставники и члены Совета посмотрели на него, словно на тень, невозможным образом восставшую из пепла. Не обращая внимания на их почти потрясенные взгляды, он отыскал глазами Луксора, который, возможно, смотрел на него еще более изумленно, чем остальные, криво усмехнулся и тихо произнес:

— И все-таки я, как всегда... последний.

Глава 5. Последний лист

В круглом Зале Совета, венчающем вершину Предела, с самого рассвета царила напряженная атмосфера. Повод для собрания был более чем серьезен: предстояло подвести итоги минувшего Испытания и изучить тех немногих, кто заслужил право вступить на ветвь Энергии.

Сам Зал поражал масштабом и величием. Часть его, вырубленная в недрах скалы, сохраняла вековую прохладу, с которой едва справлялись пламя массивного камина и пламя жаровен, расположенных по всему пространству. Другая половина Зала выступала наружу, откуда сквозь высокие стрельчатые окна-витражи внутрь врвался последний свет уходящего дня, окрашивая каменные плиты в причудливые цвета.

Слева от входа колонны полукругом поддерживали второй ярус, с перил которого ниспадали водопады серебряных тканей, расшитых узорами. На отполированных стенах, испещренных резьбой, в отблесках огня то и дело мелькали тени человеческих силуэтов, а высоко под сводами, в непроглядной черноте, скрывался огромный купол, заставляя каждого присутствующего ощущать себя частью чего-то большего.

Но сегодня все внимание было сосредоточено на одном месте — массивном столе в форме полумесяца из черного мрамора, стоящем по правую руку от входа. За ним, на каменных тронах, восседал Совет.

Во главе стола неподвижно сидел Старейшина. В своих жилистых руках он держал склонившийся под собственной тяжестью лист. Лицо его, покрытое сетью морщин, хранило выражение глубокой сосредоточенности, словно за сухими строчками он пытался разглядеть живое человеческое сердце. Но вот, перо в его руке плавно вывело несколько строк, бумага с очередной судьбой легла в аккуратную стопку рядом, и перед ним остался лишь один-единственный, последний лист.

Старейшина задержал на нем взгляд, и в его ярко-золотых глазах, в которых мудрость, доброта и тихая печаль десятилетиями сплетались в единый узор, отразился портрет. На нем был изображен мальчик с худым лицом, волнистыми, непослушными волосами и большими глазами, в которых угадывалась странная смесь настороженности, тоски и решимости.

— Что ж, — негромко произнес старец, и голос его, нарушив тишину, наполнил собой каждый уголок Зала. — Списки почти готовы. Лишь один кандидат остается под вопросом. Весьма необычный молодой человек, чей результат... оказался далек от наших прогнозов настолько, насколько это вообще возможно. Но прежде чем приступить к обсуждению, позвольте зачитать характеристику.

Старейшина привычным жестом, начав с усов, пригладил серебристые пряди бороды. Затем его жилистые пальцы коснулись края листа, и, глубоко вздохнув, он неторопливо начал читать:

— Физические данные: худощавый, мышечная масса развивается с трудом, силой и выносливостью не выделяется. Далее идут результаты тестов по общефизической подготовке, показатели которых — одни из самых низких. Что касается умственных способностей: интеллект оценивается как средний. Несмотря на универсальный склад ума и широту интересов, успеваемость в учебе оставляет желать лучшего. Причина — хроническая отвлеченность и погруженность в собственные мысли.

Старец чуть отодвинул лист, и Зал наполнился мягким шелестом бумаги.

— Характер: застенчивый, склонен к замкнутости и уединению. Самооценка критически занижена, усугубляется избыточной самокритикой. На уроках проявляет пассивность, но в физических упражнениях целеустремлен... Так, что тут у нас... ага, свежее примечание от Луксора: «Обладает поразительной, исступленной, местами одержимой, саморазрушительной силой воли». М-да.

Старейшина с едва слышным вздохом покачал головой.

— Рекомендации педагогического совета Арете: имеющийся интеллектуальный потенциал теоретически позволяет освоить как точные, так и гуманитарные дисциплины. Тем не менее отсутствие интереса к систематической учебе делает более естественным выбор в пользу творческих ремесел или несложного искусства. Примечание: несмотря на то что ученик не является самым слабым среди сверстников, приведенные показатели свидетельствуют о его полной непригодности для ветви Энергии. Однако...

Старейшина поднял лист, поворачивая его к Совету так, чтобы каждый мог увидеть последние строки, написанные крупными, кричащими буквами, и с легкой ироничной улыбкой произнес:

— «ГРЕЗИТ ТОЛЬКО ПУТЕМ СИЛЫ».

Он аккуратно отложил лист и откинулся на спинку трона.

— Такова краткая оценка учителей за три года его обучения. Картина, скажем прямо, удручающая. Черты, развившиеся в нем, не просто нежелательны — они опасны. И я понимаю, откуда все это берет начало. Ведь, если не ошибаюсь, это он живет в Сером Лесу с нашей «особой» семьей? М-да. Надежды не оправдались, а опасения лишь укрепились. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Старец на мгновение замолчал, собираясь с мыслями.

— Итак... Опираясь на изложенное, мы должны согласиться: путь Энергии для него — верная гибель. Однако есть одно «но» — такое же огромное, как и купол над нашими головами. Несмотря на все созданные нами препятствия, призванные отсеять неподготовленных, именно этому «непригодному», «худощавому», «замкнутому» мальчику удалось не только пройти труднейший путь Испытания, но и завершить его в срок. — Он глубоко вздохнул, несколько раз постучал указательным пальцем по столу, и на его лице проступила тень глубокой задумчивости, смешанной с неподдельным удивлением. — Признаюсь, впервые за долгие годы я испытываю сомнения относительно дальнейшей судьбы ученика. Бумага говорит одно, жизнь — совершенно другое. Возможно, ваши доводы помогут нам сделать правильный выбор.

Старейшина перевел взгляд на остальных членов Совета.

— Так что вы скажете? Стоит ли спасать его от себя самого — или же позволить его мечте, какой бы саморазрушительной она ни казалась, стать его судьбой?

Мгновение все молчали, обдумывая сказанное. И вдруг с противоположной стороны стола раздался уверенный, полный страсти голос:

— Я скажу так: я отдам свой голос за то, чтобы этот парень имел возможность встать на путь Силы.

Со своего места поднялся мужчина со светлой кожей, копной черных вьющихся волос и аккуратными усами. Это был Левиан.

— Надеюсь, братья, вы не станете возражать, если я первым выскажу свою позицию, — сказал он, обводя присутствующих взглядом своих ярко-пепельных глаз. — А сказать я хочу вот что: давно мне не доводилось слышать столь нелестной характеристики. Но она предельно точно отражает всю суть мальчика: хилый, обессиленный, вечно плетущийся в хвосте. Когда я увидел его среди испытуемых, то решил, что это какая-то чудовищная ошибка! Но думаю, тогда мы все были уверены, что он не протянет в пустыне и нескольких часов...

Левиан вдруг оперся обеими руками о черную столешницу и слегка склонил голову. В этом движении ощущалась тяжесть внутреннего бремени, не дающего ему покоя.

— Должен признаться... — продолжил он, и голос его упал до нот глубокого раскаяния, — я был несправедлив. Нет, даже хуже: я был жесток. Через несколько часов после начала Испытания я увидел его, бредущего словно мертвец. Мне стало жаль его. И я... обрушил бурю прямо на него.

Несколько Защитников, словно понимая, о чем говорит товарищ, молча опустили глаза.

— Когда он рухнул лицом в песок, я уже был готов вмешаться и вернуть его назад. Но прямо у меня на глазах он восстал из засыпающего его песка, словно феникс из пепла — и это впечатлило меня. Я оставил его, уверенный, что ночь положит конец его бессмысленным мучениям. Однако спустя сутки я увидел: он выдержал и ее.

Левиан поднял голову, взглянул в золотые глаза старца и негромко, но проникновенно добавил:

— А увидев его у Маяка, я понял: да, в учебных залах он слаб. Но Испытание обнажило его истинный потенциал — ту силу духа, которую не измерят никакие тесты. Посмотрите сами: многие из тех, кто прежде обгонял его на занятиях, не выдержали этот путь. А он — не просто выстоял. Он преодолел самое тяжелое Испытание за всю его историю. И теперь я задаюсь вопросом: кто же он? Всего лишь погрешность, аномалия? Или же уникальный талант, который позволила рассмотреть наша новая программа? Считаю, мы обязаны выяснить это. Возможно, если позволить встать ему на этот путь, мы станем свидетелями чего-то невероятного.

Левиан воодушевленно выпрямился, затем чуть поклонился и опустил на место.

Зал затих, как будто сами стены затаили дыхание, поддерживая эту пылкую речь. Однако не успели слова раствориться под сводами, когда рядом вдруг грянул голос, подобный мощному раскату грома:

— А я вот считаю, что парню следует подыскать другое занятие! Такое, где он сможет быть гордым мужчиной, а не изможденным трупом!

Воздух в Зале ощутимо дрогнул. Даже пламя свечей тревожно качнулось, словно от внезапного порыва ветра. Это означало одно: слово взял Масон.

Настоящий гигант ростом под два с лишним метра, чей массивный трон занимал почти четверть стола и все равно казался тесным для такой внушительной фигуры, он возвышался над всеми, как старший брат над младшими. В отличие от остальных, он не носил плаща, вероятно полагая, что его могучим плечам будет тесно в подобном одеянии. Вместо него мощный торс перехватывала коричневая ткань, стянутая кушаком цвета горького кофе.

Лицо Масона было под стать его фигуре — грубым, рельефным, словно высеченным из скалы, с несколькими заметными колеями шрамов. Даже когда губы складывались в подобие улыбки, она не смягчала сурового облика, а тонула в серовато-пшеничной коротко подстриженной бороде, напоминавшей гриву матерого льва. Лишь нижняя губа оставалась видимой и иногда дрожала, выдавая прямодушные эмоции, которые Масон не умел и не пытался скрывать. Виски его были выбриты, а оставшиеся волосы, зачесанные назад и собранные в хвост, спадали на мощную шею.

Несмотря на свои сорок с лишним лет — как и многим в Зале — в своих ярко-карих глазах он сохранял живой огонь, полный энергии и жизни. И хотя один лишь его грозный вид мог внушить трепет, за каменными мышцами груди скрывалось большое, доброе сердце, совершенно не склонное к жестокости — во что, на первый взгляд, было почти невозможно поверить.

— Считаю, — пробасил Масон, опираясь о край стола своей массивной рукой, — пока не поздно, нужно пресечь иллюзии юноши! И уж точно не способствовать их дальнейшему раздуванию! Вы видели, как он выглядел в конце? Живое воплощение безрассудства! А что до физических данных — я видел девочек крепче его! О какой Силе может идти речь?! Да если он окажется в Пределе, то раньше Энергии его угрожат сами тренировки! Его тело их просто не выдержит!

Слова гремели по Залу, словно удары молота по наковальне. Несколько членов Совета обменялись взглядами, а откуда-то послышался тихий вздох. Чтобы хоть как-то умалить эффектную речь, Луксор, сидевший по правую руку от Масона, спокойно возразил:

— Мы сами поставили участников в такие условия. Будь у мальчика больше времени, он бы берег себя лучше.

Масон медленно повернул к нему свое суровое лицо. Его яркие глаза сузились под густыми бровями, а голос стал жестче:

— О чем ты только думал, брат, когда вписывал его имя в список участников? Ты ведь прекрасно знаешь, что бывает с теми, кто идет по этой ветви, не будучи готов!

Челюсть Луксора напряглась, а рубиновые глаза померкли, словно сознание скользнуло в давний кошмар, который он предпочел бы забыть. Но уже через мгновение, нисколько не сердясь на прямодушного друга, он произнес тем же спокойным голосом, в котором, однако, теперь отчетливо звенела сталь, не оставляющая сомнений:

— Я не скрываю, что этот мальчик вызывает у меня симпатию. Но если кто-то всерьез думает, что она способна повлиять на мои решения, — он сильно заблуждается.

Масон, откинувшись на спинку трона, недовольно буркнул:

— Если он тебе так нравится, тогда защити его по-настоящему. А не отправляй на путь, с которого не возвращаются.

— Я скажу свое слово, — ответил Луксор, скрестив руки на груди. — Но после того, как выскажутся остальные.

Остальные, однако, не спешили прерывать молчаливых дум, и Зал погрузился в напряженную тишину. Пришлось Старейшине самому нарушить затянувшееся безмолвие, обратившись к тому, чей голос еще не звучал:

— Брат Зоркий, твой взор редко что-то упускает. Поделись же с нами результатами своих наблюдений.

Словно пробуждаясь из глубокого транса, смуглый мужчина медленно приоткрыл веки — и в то же мгновение его удивительные, почти нечеловеческие зрачки вспыхнули ярко-желтым светом Силы. Лицо при этом оставалось сосредоточенным и слегка нахмуренным, словно он продолжал всматриваться в нечто, сокрытое где-то вдали.

Молочно-белые волосы, зачесанные назад, своей формой и цветом напоминали гребень гордого орлана. Перья этой же птицы украшали кончики прядей и повязку на лбу. Плащ цвета темной выжженной охры был расшит замысловатыми узорами, а на груди и рукавах при каждом движении колыхалась бахрома.

Зоркий, как его называли все на Острове, получил свое прозвище не случайно. Его зрение, сплетенное с самой Энергией, давно стало легендой, передаваемой из уст в уста. Говорили, что однажды он невооруженным глазом наблюдал затмение спутников далекой планеты. С тех пор астрономы наперебой старались заручиться его участием в своих наблюдениях, ибо то, что видел он, не могли разглядеть даже самые мощные линзы.

— Я видел, как тренируется этот мальчик, — заговорил он ровным, почти бесстрастным голосом. — Его лицо искажают боль, мука и злость. Злость, направленная на самого себя.

Он замолчал, словно сказал все, что считал нужным. Луксор слегка нахмурился: от того, кто славился не только острым зрением, но и умением проникать в суть вещей, он ожидал более весомых слов. Но прежде чем он успел задать вопрос, смуглые губы Зоркого дрогнули вновь.

— Но я видел и другое — его глаза. Когда этот мальчик смотрит на нас, становится ясно: мы для него не просто мастера, владеющие Силой. Мы — его кумиры. Именно поэтому он доводит себя до изнеможения, ошибочно полагая, что Защитник — это прежде всего стальные мускулы и способность терпеть боль.

Он медленно повернул голову к Старейшине. Свеча, стоявшая рядом с Зорким, уже догорела, и лицо его частично скрывала густая тень. Однако удивительные глаза по-прежнему прорезали мрак, словно два солнца, не подвластные тьме.

— Однажды, — продолжил он, — я увидел его на одном из утесов плато. Было раннее утро, шторм только отступил, занятия в Арете отменили... но он уже тренировался. С тех пор я часто обращаю взгляд в ту сторону. И почти каждый день, в любую погоду и в любом состоянии, я неизменно вижу его там.

— Значит, ты полагаешь, мы должны допустить этого ученика к участию во втором Испытании? — уточнил Старейшина, внимательно вглядываясь в лицо Зоркого.

Тот выждал паузу, словно прислушиваясь к чему-то незримому, и прежде чем вновь опустить веки, произнес, как приговор:

— Поддержать его на этом пути — означает поддержать саму смерть.

По Залу пробежало едва уловимое движение: Луксор и Левиан напрягли челюсти, а Масон коротко кивнул.

— Но, — неожиданно добавил Зоркий, уже закрыв глаза, — верно и обратное. Запрет — лишь иллюзия безопасности. И не для него, а для нас. Мы можем не позволить ему идти дальше, но запретить стремиться к мечте — не в нашей власти. А значит, лишив его помощи, мы лишь приблизим миг, когда он совершит неизбежную ошибку. Полагаю, под нашим присмотром он протянет чуть дольше.

Слова Зоркого, полные парадоксальной мудрости, тяжело повисли в воздухе, словно аккорд, который еще долго отзывался тревожным эхом в звенящей тишине. Луксор, внимательно вслушиваясь в них, упрекнул себя за краткий миг сомнения: Зоркий, как всегда, видел намного дальше, чем кто-либо другой.

Старейшина кивнул:

— Спасибо, Зоркий. Твоя наблюдательность дала всем нам много пищи для размышлений.

Затем он перевел взгляд влево, туда, где по правую руку от Луксора, небрежно опираясь подбородком на сжатый кулак, сидел молодой человек в небесно-голубом плаще. Пламя свечей отражалось в его задумчивых, почти отрешенных глазах, устремленных куда-то далеко за стены Зала.

— Брат Кристиан, — обратился к нему Старейшина, — каково твое мнение по этому непростому вопросу?

Кристиан моргнул, с видимым трудом выныривая из глубины собственных мыслей. Несколько секунд он продолжал молчать, будто все еще пытаясь до конца понять, на чьей стороне его сердце, но потом уголки его губ тронула легкая, слегка насмешливая улыбка, а глаза обрели привычную уверенность.

— Я разделяю мнение Зоркого и Левиана, — наконец сказал он. — Дать мальчику шанс — это лучшее, что мы можем сделать.

— Действительно? — прищурился Старейшина, словно испытывая его убеждение на прочность. — Даже несмотря на колоссальный риск для его жизни?

Усмешка Кристиана стала чуть шире, не утратив своей природной мягкости:

— Если не Энергия, то он сам себя погубит. Прошедшее Испытание показало — этот парень ради цели готов ринуться даже в бездну. Так пусть лучше мы будем рядом, чтобы вовремя подхватить его за воротник.

Старец, удовлетворившись ответом, кивнул.

— Что ж... Раз все желающие высказались...

И тут, совершенно неожиданно, с правого конца стола раздался чудовищно хриплый, надрывный голос:

— Не. Все.

Там, где оба изогнутых края черного мрамора сходились в одну точку, сидел человек, чье молчание стало привычной тенью Совета. Его звали Игниус, и для всего подрастающего поколения Острова он являлся настоящей загадкой, о которой шептались за спиной с тем же трепетом, с каким рассказывают страшные истории у ночного костра. Никто из них не мог сказать, сколько ему лет и как он выглядит на самом деле. Все, что было доступно взглядам окружающих, — лишь его длинный, темно-алый плащ, словно сотканный из языков пламени, тело, скрытое под слоями бинтов, и один лишь левый глаз цвета раскаленной лавы, который све-

тился из тени глубокого капюшона, как живущий собственной жизнью уголек, который нельзя погасить.

— Прошу, мой мальчик, — мягко подбодрил Старейшина, и Игниус, с трудом, будто каждое слово причиняло ему боль, проговорил:

— Время. Тратим. Вывод... Очевиден.

Члены Совета, привыкшие к его рубленому ритму, сразу уловили суть сказанного. Луксор уважительно возразил:

— Брат, ты видел этого мальчика всего пару раз — в начале и конце Испытания. Ты совершенно не знаешь его.

— Да. Видел мало. Но умею слышать. Слабый. Хилый. Воля? Хорошо. Но на пути. Нужна predisposition. Как понял... Бездарен?

Молчание стало ответом. Тогда Игниус, поигрывая перебинтованными пальцами с огоньком свечи, пламя которого опасно сжималось, когда он подносил руку, и послушно вытягивалось, когда он ее отдалял, продолжил:

— Даже одаренные... Погибли. Он тоже. Обречен. Не боится смерти? Что ж. Есть хуже. Как ему... Мой пример?

Он сжал ладонь в кулак, и пламя свечи, вспыхнув на долю секунды, тут же погасло, оставив после себя тонкую струйку дыма.

— Поддерживаю! — вдруг грохнул кулаком по столу Масон. Подсвечники как по команде подскочили, а ровная стопка бумаг накренилась, словно покосившаяся башня. Вердикт его был прост и суров: — Мечты есть у всех, но большинство из них рано или поздно разбиваются о реальность! Если вы боитесь ранить нежные чувства этого ребенка, я сам объясню ему, что к чему!

На губах Кристиана медленно растянулась ироничная усмешка. Атмосфера серьезности, царившая в Зале с самого начала заседания, ему порядком поднадоела.

— Вот поэтому, мой брат Масон, тебя и не подпускают к детям. Это тебе не толстокожие флегматики, которых ты привык тренировать. Этот ребенок — другой, его психика устроена иначе. Тут нельзя просто ткнуть своим здоровенным пальцем в тонкое стекло и ожидать, что оно не треснет.

— Когда рушат мечту, психология у всех одна! — возразил Масон, скрещивая руки на груди, словно могучий дуб, укоренившийся в своем упрямстве. — Конечно, это известие разобьет его крохотное сердечко, но разочарования только закалят его характер — чего не случится, если вы будете нянчиться с ним, как с фарфоровой куклой!

Кристиан почти театрально возложил руку на грудь:

— О, Масон, великий крушитель сердец. Прошу, не разбивай мое — своим невежеством.

— Что?! — сильнее нахмурился Масон, и тут же, передразнивая, пробасил: — «Дать ему шанс — лучшее, что мы можем...» Шанс на что? Умереть у нас на руках?!

— Он прав! — прохрипел Игниус, сверкая раскаленным глазом. — Наша задача... Жизнь!

Зоркий, не открывая глаз, негромко произнес, словно между делом:

— «Лишиться цели — значит лишиться всего».

Эта фраза разнеслась по залу тихой волной, потушив на миг жаркое пламя споров. Игниус застыл, словно кто-то ударил его в самое сердце.

— Тогда... — проговорил он, сжимая кулаки и впиваясь глазом в брата. — Не был! Ребенком!

— Не был, — спокойно подтвердил Зоркий. — Ты был молодым человеком. Таким же упрямым, как этот мальчик.

— Именно! — прорычал Игниус, и в тот же миг свечи на столе вспыхнули ярче. — Слеп той же слепотой! Но если бы. Он прозрел... Как я в тот день! Угрозами не затащить. На этот путь!

— Увы, ты не желал тогда слушать. И в этом вы с ним тоже похожи. Мы не сможем остановить его, не привязав к кровати.

Игниус замер. Некоторое время он не двигался, а затем, не имея, что сказать, опустил голову и молча откинулся в спасительную тень своего трона. Масон, осознав, что остался в меньшинстве, ошарашенно моргнул:

— Не верю... — пробормотал он, оглядываясь по сторонам. — Вы действительно собираетесь обречь мальчишку на верную смерть?!

— От судьбы не уйдешь, — тихо, но твердо сказал Левиан, опираясь локтями на стол. — Особенно от судьбы упрянца, готового идти до конца. Но в одном я согласен с Игниусом: нам нет смысла обсуждать это. Ученик выполнил поставленную перед ним задачу. Будет подло сообщить ему, что все усилия были напрасны.

— Но иначе... — с негодованием добавил Масон, — ...мы его убьем!

— Пожалуй, хватит... — Старейшина, чьи глаза заметно потяжелели от грусти, поднял ладонь, призывая закончить дискуссию. — Похоже, нам снова предстоит выбирать из двух зол. Луксор — ты знаешь этого ученика лучше всех присутствующих. Так скажи, какой из вариантов принесет ему наименьший вред?

Луксор, чье время высказаться наконец настало, медленно поднялся. Его костяшки пальцев легли на край стола, и отполированная до зеркального блеска поверхность отразила его сосредоточенное лицо — лицо человека, со всей тяжестью осознающего, что на его плечах лежит чужая судьба.

— Скажем прямо, — начал он. — Перед нами — самый неподходящий кандидат для этой ветви за всю историю. Если позволить ему идти этим путем, его шансы выжить равны нулю. И все же некоторые из вас поняли то же, что понял я: он не остановится. И дело не в амбициях, гордости или упрямстве — все гораздо сложнее. Я знаю, что за стенами его дома нет ни тепла, ни поддержки. Знаю, что он чувствует себя чужим среди остальных. И знаю: вся

его жизнь держится на мечте — стать таким, как мы. Если сейчас мы закроем для него эту дверь, он не смирится с этим. Как справедливо заметил Зоркий, он будет тренироваться сам, наперекор всему.

Левиан нахмурился, словно сталкиваясь с неожиданной правдой, о которой раньше не подозревал:

— Если все так, как ты говоришь, то для общины этот ребенок, можно сказать, уже потерян. Может, Энергия и не убьет его прямо сейчас, но когда он поймет, что без нашей помощи его мечта недостижима, его внутренний огонь угаснет навсегда.

— Верно, брат, — согласился Луксор. — Как верно и то, что, добравшись до конца Испытания, он бросил вызов самой судьбе и тем самым вышел за границы нашего влияния. А это означает только одно: решать за него мы больше не вправе.

На суровом лице Масона отразилось что-то похожее на удивление.

— Чего же ты хочешь?.. — сказал он с долей горького сарказма. — Чтобы он решал сам за себя?

Луксор поднял на него свой прямой, пронзительный взгляд. В его гранатовых глазах горела тяжелая, обретенная ценой многих жизней, решимость.

— Я хочу, — медленно произнес он, — чтобы этот путь не привел мальчика в пропасть — ни в ту, где ломается тело, ни в ту, где гаснет огонь. Я хочу, чтобы он расстался со своей мечтой, как выздоравливающий расстается с болезнью. Но это должно быть его решение. Его собственная воля.

На одно короткое мгновение тишина в Зале стала почти ощутимой. Кристиан, чьи легкие нотки веселья тут же исчезли, с долей недоверия спросил:

— Ты серьезно хочешь, чтобы он сам сложил оружие — и при этом был уверен, что победил?

— Да, брат мой, — не колеблясь, подтвердил Луксор. — Я больше не желаю видеть, как по дороге к несбыточному погибает еще хоть кто-то. Мечты — это прекрасно, но Масон прав: мы не можем позволить ему жертвовать ради них жизнью.

— Что же получается? Мы должны смотреть, как он терпит неудачу за неудачей, и ждать, пока звезда, в которую он так самозабвенно верит, не погаснет?

— Не ждать, но действовать. Каждый раз, когда его тело будет ломить от боли, а попытка закончится провалом, мы должны быть рядом, чтобы ненавязчиво показать, что жизнь предлагает не только путь Энергии, но и иные звезды — более близкие и реальные. Если мы сможем убедить его в этом, он сохранит не только жизнь, но и чувство собственного достоинства.

В огромном Зале вновь наступила тишина — уже не такая напряженная, но все еще полная невысказанных вопросов.

— Ого... — выдохнул Масон с наигранным удивлением. — Выходит, я все это время был прав?.. Но ведь ты сам сказал, что он не отступит!

— Именно поэтому, — ответил Луксор, — нам нужен хорошо продуманный план.

Великан на мгновение прищурился, напрягая старые шрамы, и тут же с простотой предложил:

— Хочешь — я могу выстроить вокруг Серого Леса неприступную стену.

Луксор впервые за весь этот долгий день невольно улыбнулся.

— Порой кажется, что только это и может остановить его, — тихо произнес он. — И все же нужно что-то более деликатное, чем твои стены, брат.

Левиан задумчиво поскреб щеку и, словно перебирая в уме множество вариантов, пробормотал:

— Задача непростая. Арете открывает перед учениками множество дорог... Если даже там его ничем не смогли заинтересовать, то что можем предложить мы?

Луксор на мгновение замер, словно прислушиваясь к той особенной тишине, что царила в величественном Зале. Затем взгляд его скользнул к товарищу с закрытыми глазами:

— Зоркий, подскажи, какой детали нам недостает?

Нахмуренное лицо Зоркого не дрогнуло. Но через мгновение ответ был дан — точный, как всегда:

— Поговорить с кем-то из нас — вот что принесет мальчику радость.

— Верно, — кивнул Луксор, хватаясь за спасительную мысль. — Большую часть времени он общался исключительно с наставниками Арете. Возможно, наши слова он воспримет более серьезно.

— Может, и так, — с сомнением согласился Левиан. — Но если мы, те, кого он так превозносит, явимся к нему с проповедью о вреде Энергии, мы вызовем у него не прозрение, а только горькую обиду. К тому же, что мы можем сказать ему такого, чего он еще не слышал?

Луксор, не найдя готового ответа, опустил на свое место, откинулся на массивную спинку трона и, приложив пальцы к губам, задумался. В этот момент Кристиан, легкий на язык, внезапно предложил:

— Можно сказать, что в Пределе кормят только тушеной капустой. Дети обычно не в восторге от такого.

Напряжение в Зале ощутимо ослабло, разрядившись легкими улыбками. Но шутка не решила проблемы, и прежняя сосредоточенная серьезность вскоре вновь отразилась на лицах.

— А знаете, мысль о выборе имеет потенциал, — неожиданно произнес Левиан, будто сам удивляясь собственному озарению. — Мы могли бы превратить ее во что-то большее.

— Какой еще выбор?! — рыкнул Масон, недовольно сдвинув брови. — Я же это не все-ррез! Хотите создать прецедент? Да и какой толк давать ему выбор, если исход очевиден?!

— Это был бы хороший повод нанести ему личный визит, — словно размышляя вслух, ответил Луксор. Мгновение спустя он поднял взгляд и обратил его ко всем: — Но мне нужно, чтобы вы все поддержали эту идею. Ну, что скажете, братья, согласны ли вы сделать исключение для этого ученика?

Первым отозвался Зоркий, и в его неизменно спокойном голосе отчетливо зазвучали нотки уважения:

— Твой замысел, Луксор, — проявление истинного сострадания и мудрости. Я не могу не поддержать его.

Левиан согласно кивнул и уверенно произнес:

— Я многое почерпнул из твоего рассказа, брат. Мы должны стать для мальчика той опорой, которой у него нет. Так что я безусловно с тобой.

— Братья, — тихо вмешался в разговор Кристиан. — Ваше благородство достойно уважения. Но мне кажется, вы совсем не задумываетесь о том, что будет, если мальчику вдруг удастся пройти и второе Испытание?

Вопрос, словно камень, брошенный в воду, вызвал короткие, но единодушные круги ответов:

— Кто знает... — пожал плечами Левиан.

— Маловероятно, — ровно ответил Зоркий.

— Исключено! — с непоколебимой уверенностью заявил Масон.

— Невозможно, — прохрипел Игниус, по-прежнему оставаясь в тени.

Кристиан перевел взгляд на Луксора. Тот сидел, как безмолвный обелиск, словно стыдясь признаться в том, что думает. Лишь несколько долгих мгновений спустя, не глядя ни на кого, он тихо произнес:

— Для него будет лучше, если он все-таки сумеет остановиться.

Кристиан, попытавшись узнать мнение Старейшины, натолкнулся лишь на его отсутствующий, задумчивый взгляд. Казалось, старец уже давно не слышит разговора.

— Что ж, — произнес Кристиан, и в глубине его ясных глаз отразилось скептическое любопытство. — Когда-то я слышал от одного мудрого человека, что иногда милосердие заключается в том, чтобы позволить человеку самому дойти до рокового края. Честно говоря, лично я сомневаюсь, что твой план увенчается успехом. Но возражать не стану, ведь другого выхода, похоже, просто нет. Заодно все мы увидим, что он сделает, оказавшись перед этим самым краем.

Теперь, когда большинство одобрило предложение Луксора, взгляды всех обратились к Масону, который, словно неприступная башня, огорождался от всего мира за скрещенными на груди могучими руками. Тот выдержал гордую паузу, а затем, сдержанно и чуть отстраненно, сказал:

— Мое мнение не изменилось. Я по-прежнему считаю, что, разрешив ему идти по этому пути, мы лишь усложним жизнь не только ему, но заодно и самим себе. А вся эта затея с выбором — пустое предприятие для наивных. Но... — он шумно выдохнул, будто великодушно уступая младшим братьям с их полными искр глазами, — если вы все так жаждете проблем — я со своим невежеством мешать не стану.

Луксор благодарно положил ладонь на его плечо, огромное, словно голова быка, и повернулся к брату, скрытому в тени.

— Игниус? Что скажешь?

— За, — прохрипел тот. — Попытаемся спасти. От себя.

Кивнув, Луксор тихо, но с твердостью, подвел окончательный итог:

— Тогда решено. Кем бы он ни считал себя на словах, глубоко внутри он верит в свой успех.

— Как и многие до него, — с тихой болью в голосе вставил Левиан. — Но в конце концов от их веры не остается и следа.

— Да. И рано или поздно с ним случится то же. Но его вера и мечта не должны исчезнуть в одночасье. Нет, братья, — чуть громче произнес Луксор. — Не для того мы строим новый мир, чтобы лишать в нем людей права на счастье. И пусть пока я не могу найти нужных слов и верных действий, знаю одно: времени у нас до второго Испытания — один год.

— Отлично, — проворчал Масон. — Целых триста шестьдесят пять дней заседаний, чтобы решить, как уговорить мальчишку и заманить его на другую ветвь...

В Зале Совета повисло молчание, нарушаемое лишь мерным потрескиванием огня в жаровнях. Затем раздалось несколько осторожных предложений, каждое из которых с легкостью разбивалось о доводы в пользу мальчика. Разговор затягивался, мысль теряла остроту, пока Игниус, с трудом сдержав зевок, не пробурчал с усталым вздохом:

— Может... Чем-то напугать?

— Чем? — усмехнулся Кристиан. — Дом ему поджечь?

И вдруг раздался спокойный голос, полный неожиданного одобрения:

— Хм. А ведь это — разумная мысль.

Зал мгновенно стих, и взгляды всех устремились к Старейшине. Тот, сцепив пальцы перед собой, наблюдал за ними с привычной теплотой в золотых глазах.

— Я, разумеется, не имею в виду поджог, — уточнил он, заметив их удивленные лица.

— Вы нашли решение? — с надеждой в голосе спросил Луксор.

— Возможно, — с едва заметной улыбкой ответил мудрец. — После долгих размышлений мне, кажется, удалось нащупать несколько стоящих идей. Однако я хотел бы доработать их более детально. А пока... думаю, что в мысли Игниуса есть здоровое зерно.

— Серьезно? — спросил Игниус, удивленный сильнее всех присутствующих.

— О да, мой мальчик. И раз уж мы всерьез заговорили о плане, то именно тебя я попрошу стать его первой буквой. Ты прав: юношу ведет слепая мечта. Именно поэтому ему жизненно необходимо услышать историю прозрения... скажем так — из первых уст.

— Я? Воспитывать? — не поверил Игниус. — Не смогу. Нагрублю... Или... Напугаю. До смерти!

Старейшина медленно кивнул:

— Страх — это не наш метод. Но порой в нем скрыто больше силы, чем в тысяче речей. Именно эту силу ты и должен передать.

Единственный глаз Игниуса заметался по Залу, выискивая хоть какую-то спасительную поддержку. Однако в каждом лице, на которое падал его отчаянный взгляд, он встречал лишь молчаливое одобрение.

— Нет, — коротко отрезал он, сильнее вжимаясь в спинку трона. Его тяжелый капюшон сполз ниже, и густая тень окончательно поглотила его лицо, оставив видимым лишь одинокое пламя лавового глаза.

— Сын мой, — мягко, но настойчиво произнес старец. — Я предложил ввести тебя в Совет, потому что больше не мог смотреть, как твое собственное горе разъедает тебя изнутри. Я верю: помогая другим, ты найдешь исцеление и для себя. Но пока... — он чуть строже всмотрелся в Игниуса, будто тьма, что его окружала, не была ему помехой, — пока я не вижу в тебе ни стремления, ни попыток что-то изменить.

— Предупреждал. Не выйдет... — глухо отозвался Игниус, но Старейшина, словно не замечая его слов, почти торжественно произнес:

— Вот тебе первое поручение от Совета. Прояви сострадание к мальчику и поговори с ним. Не как наставник, а как человек, который, как никто другой, знает, что значит не отступать. Да, это нелегко. Но приносить пользу обществу никогда не было легким делом.

— Ты справишься, брат, — уверенно поддержал Луксор с усталой, но искренней улыбкой.

— Да, пожалуй парня... — добавил Масон, расправляя плечи и хрустя суставами, будто грозясь лично взяться за дело. — Иначе я пойду к нему сам.

— Я просто... Не знаю... Что сказать... — растерянно признался Игниус, опуская обмотанную бинтами голову.

— Уверен, ты сможешь сказать... — многозначительно произнес Старейшина, — или даже *показать*ему нечто такое, отчего его будет угрозами не затащить на этот путь.

Ответа не последовало. Свечи на столе догорали одна за другой, словно устав ждать, но Игниус все медлил. Наконец он тяжело, обреченно вздохнул и, будто выдавливая каждое слово, пробормотал:

— Ладно. Постараюсь. Вежливо. И без огня...

— Да будет так, — произнес Старейшина, словно ставя печать на решении в конце долгого, тяжелого дня.

Но Игниус вдруг поднял голову, и в голосе его вновь прорезался жар:

— А что, если... Несмотря на все. Выкажет упрямство?

— Тогда будем следовать плану, — безрадостно отозвался Луксор, опустив глаза.

— Что если. Не свернет?

— Тогда дадим шанс проявить себя на втором Испытании, — спокойно промолвил Левиан.

— Что если. Чудом пройдет и его?

— Тогда я съем свой кушак на завтрак, — невозмутимо буркнул Масон.

Игниус медленно опустил взгляд, и в голосе его прозвучала беспросветная обреченность:

— Ну а что если. Продержится пару лет... А потом... Все равно помрет?

В Зале снова, в который уже раз за этот бесконечный вечер повисла долгая, гнетущая тишина. Пламя последней свечи дрогнуло, отбросив зыбкие тени на застывшие лица Совета, и в этот момент яркие глаза Зоркого вспыхнули сквозь полутьму.

— Тогда, — пугающе спокойным голосом ответил он, — дух мальчика обретет то, чего не мог обрести при жи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.